

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

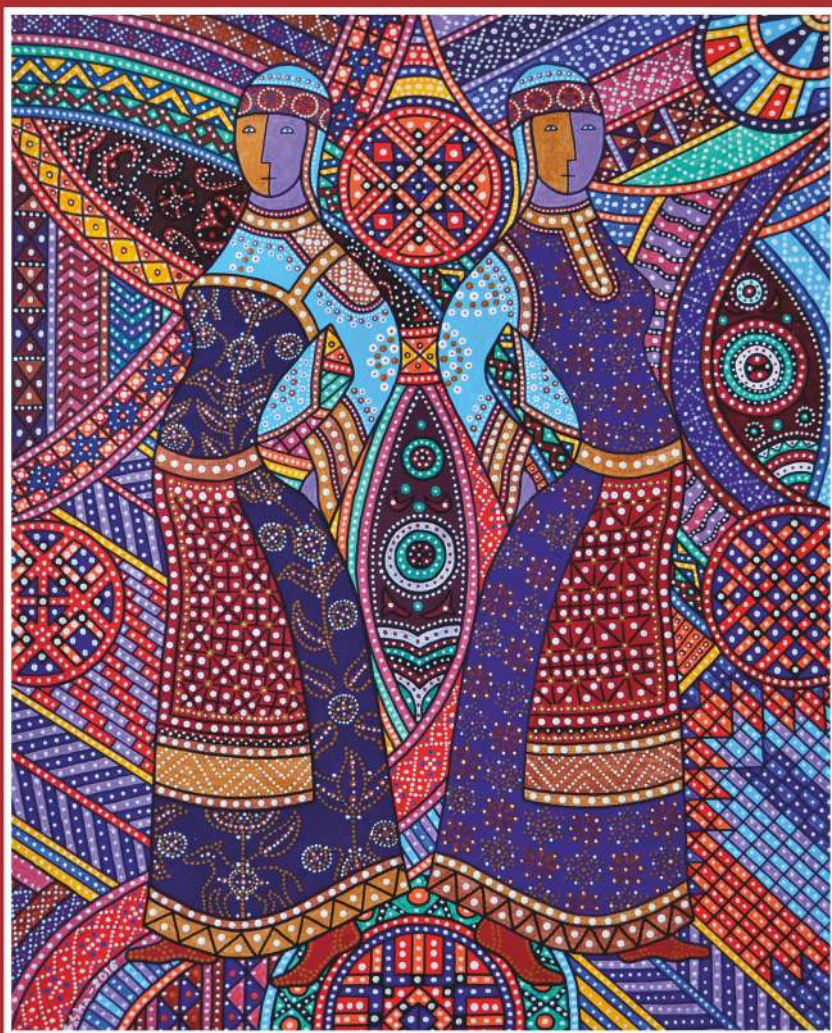
4
2024

ART

12+

Асыякыя
1939
85 лет

Журнал «Арт»

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

Акценты

В первом разделе номера – материал о прошедшем 20-21 сентября в г. Усинске республиканском фестивале «Строкой. Любовью. Делом...», посвящённом памяти погибшего на СВО усинского писателя Николая Попова. На конкурс были выдвинуты три номинации: «Поэзия на русском языке», «Поэзия на коми языке» и «Поэзия для детей». «Арт» с удовольствием представляет стихи победителей и финалистов фестиваля, тем более что они не раз публиковались на страницах журнала.

Раздел «Память» посвящён творчеству безвременно ушедшего от нас удорского писателя Алексея Вурдова. Алексей Вурдов беззаветно любил Удору, исколесил её вдоль и поперёк, раскрывая её древние тайны в своих заметках и фильмах, он писал замечательную прозу на коми и русском языках, а ещё он был воином и ушёл воевать за народ Донбасса одним из первых. Небольшой очерк «Сиг по-коми кебёс», с огромной теплотой написанный Ниной Обрезковой, – неизбывная печаль о человеке, ушедшем от нас навсегда. Журнал публикует два рассказа Алексея Вурдова «Гость из будущего» и «Да будет так», созданные писателем в разное время. Если первый рассказ написан в жанре, близком к фэнтези, то второй рассказ – суровая военная проза.

Раздел «Зырянский мир: визуальная этнография коми» знакомит с серией фотографий известного этнографа Л. Н. Жеребцова, сделанных им в полевых поездках в 1950–1960-е гг. Этнограф Виктория Власова представила подборку уникальных фотографий на тему «Сегодня в клубе», которая показывает культуру сельского клуба, такой, какой она была в середине прошлого века.

Литературный раздел открывается документальной повестью Татьяны Остаповой «Ачым лоа Кудінса» (Сама я буду из Кудіна). Татьяна Остапова записала воспоминания своей мамы о жизни людей в деревнях по реке Вашке, в деревнях, которых уже давно нет на карте. Коми поэзия радует нас новой подборкой стихов Любови Ануфриевой «Вишовгёрд тупыль» (Оранжевый клубок). Русская проза представлена началом романа Фёдора Конева «Снега великие». Он логически завершает цикл повестей о Никите Мехове, начало которым было положено повестью «Прощай, Никита!» (Арт, 2004, № 1).

В разделе «Истории» с событиями, происходившими в Усть-Сысольске сто лет тому назад, в далёком 1924 году, познакомят историки Игорь Жеребцов и Борис Колегов.

В журнале «Ы» опубликованы сказки Любови Ануфриевой «Вай вөрöдыштам шондіа көчöс» (Давай потрогаем солнечного зайчика) и переводы на русский коми поэтов, сделанные Наталией Катрук.

Ключевым материалом номера является очерк Ольги Мойсеевич «Асья кыа – 85» в разделе «Арт-факт», посвящённый 85-летию прославленного ансамбля песни и пляски Республики Коми «Асья кыа». В материале прослеживается история создания ансамбля, его творческий путь, удачи и огорчения, руководители, композиторы, артисты – все, кто был причастен к судьбе живой легенды. Очерк щедро снабжён фотографиями, многие из которых публикуются впервые.

И снова на наших страницах творчество художника Павла Микушева, первого художественного редактора журнала. В увлекательной беседе с журналистом Лилей Вовк художник делится с читателем своими творческими замыслами, рассказывает о себе.

АРТ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

• Фестиваль «Строкой. Любовью. Делом...»

Н. Стикина. Слово о фестивале	4
Стихи победителей конкурса	6
Стихи финалистов конкурса	22

• Память

Н. Обрезкова. Сиг по-коми кебӧс	34
А. Вурдов. Гость из будущего. Рассказ	38
Да будет так. Рассказ	47

• Зырянский мир: визуальная этнография коми

В. Власова. «Сегодня в клубе...»: фотоматериалы этнографа Л. Н. Жеребцова 1950–1960-х гг.	55
---	----

• Литература сегодня

Т. Остапова. Ачым лоа Кудінса	69
Л. Ануфриева. Вижовгӧрд тупыль. Кывбуръяс	91
Ф. Конев. Снега великие. Роман	99

• Истории

Б. Колегов, И. Жеребцов. Сыктывкар сто лет назад	125
--	-----

• Ы

Л. Ануфриева. Вай вӧрӧдыштам шондіа кӧчӧс. Мойдъяс	133
«Кӧть и асьным ми Войвывса йӧз...»	190

• Арт-факт

О. Мойсеевич. Асья кыа – 85	138
Л. Вовк. Павел Микушев: от этнофутуризма к геометрическому арту	163

t.me/komiart

Делимся с вами
новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республика литература,
публицистика, история,
культурология да
художественный журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

**Заведующий отделом по основным
направлениям деятельности** – Татьяна Малева.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми. Регистра-
ционный номер и дата принятия решения о
регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 4 (108) 2024 г.

Дата выхода в свет: 29 ноября 2024 г.

Руководитель редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

На обложке использована работа
«Зыряночки» П. Микушева,
в оформлении заставок использована
графика Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми

республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 20.11.2024.

Фактически – 20.11.2024.

Формат: 70х100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 24-8179.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».

Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не обя-
зательно поддерживает точку зрения автора.

www.artlad.ru

Наталья
СТИКИНА

Наталья Вениаминовна Стикина родилась в п. Кебангёль Усть-Куломского района. Публиковалась в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», журналах «АРТ», «Наш современник», «Северная Аврора», «Дети Ра», «Юность», «Невский альманах», «Литературные знакомства». Автор пяти поэтических сборников: «Осенние сны», «Прогулка в белую ночь», «Рисунки песка», «В лабиринте стихов», «Танго с тенью». Лауреат премии им. А. Е. Ванеева (2021), газеты «Российский писатель» в номинации «Новые имена» (2021), всероссийского литературного фестиваля «Яблочный Спас» им. Е. П. Гусева (2023), победитель XXIV международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции» (2023). Председатель литературного объединения «Северная Ли́ра» г. Усинск с 2022 г. Член Союза писателей России с 2015 г. Живёт в Усинске.

Слово о фестивале

20 и 21 сентября этого года в г. Усинске состоялся I республиканский литературный фестиваль-конкурс им. Николая Попова «Строкой. Любовью. Делом...». Николай Попов – усьенец, поэт, прозаик, член Союза писателей России. Он долгие годы был председателем Усинского литературного объединения «Северная Ли́ра», являлся вдохновителем многих литературных начинаний как в Усинске, так и в некоторых городах Республики Коми. В октябре 2022 года он добровольцем ушёл на СВО, где в мае 2023 года погиб под г. Херсон, исполняя воинский долг.

Идея создания такого фестиваля возникла из одной простой мысли. Очень хотелось, чтобы имя Николая Попова, его творчество продолжали жить не только в нашей памяти, но и продолжали звучать со сцены, в наших устах. И чтобы его имя объединяло теперь не только усинских поэтов и писателей, но и литераторов со всей Республики Коми. Чтобы наравне с Николаем Поповым мы могли вспоминать всех тех ребят, которые отдали свои жизни в ходе специальной военной операции, защищая нас.

Организаторами фестиваля стали Усинское литературное объединение «Северная Ли́ра», Управление культуры и национальной политики администрации муниципального округа «Усинск» Республики Коми, а также региональное отделение Союза писателей России «Союз писателей Республики Коми» при координационной поддержке МБУК «Усинская централизованная библиотечная система».

Работу фестиваль начал 1 апреля, когда был дан старт конкурсу. Участником мог стать любой житель Республики Коми от 15 лет и старше, пишущий стихи. В августе подвели итоги конкурса в следующих номинациях:

- Поэзия на русском языке.
- Поэзия на коми языке.
- Поэзия для детей.

География конкурсной составляющей фестиваля оказалась обширной! Мы получили 53 заявки из Сыктывкара, Усинска, Ухты, Усть-Цильмы, Ижмы, Воркуты, Печоры, Микуни, Сосногорска!

В основной конкурс прошли 34 заявки в двух номинациях «Поэзия на русском языке» (28 работ) и «Поэзия для детей» (6 работ). Номинация «Поэзия на коми языке», к сожалению, не состоялась, потому что была прислана всего 1 заявка, но автор – Алёна Митина из г. Сыктывкара – удостоивается отдельного специального приза фестиваля за любовь к своему родному коми языку.

Отдельные слова признательности хотелось бы выразить жюри конкурса, которое провело огромную работу в духе сорабничества и единомыслия:

– председателю жюри – прозаику, поэту и переводчику, члену Союза писателей России, Председателю Коми регионального отделения ООО «Союз писателей России» Андрею Гельевичу Попову, г. Сыктывкар;

– поэту, члену Союза писателей России, ответственному секретарю Союза писателей России, заслуженному работнику Республики Коми, народному поэту Республики Коми Надежде Александровне Мирошниченко;

– поэту, прозаику, переводчику, члену Союза писателей России, заместителю председателя Союза писателей Республики Коми Елене Евгеньевне Афанасьевой, г. Сыктывкар;

– поэту, члену Союза писателей России, лауреату и дипломанту всероссийских и республиканских литературных премий Инге Витальевне Карабинской, г. Ухта;

– поэту, члену Союза писателей России Дмитрию Николаевичу Безгодову, г. Ухта.

В конце августа итоги конкурса были подведены, а в сентябре фестиваль распахнул двери для своих гостей и участников конкурса. На шести городских площадках прошло девять творческих встреч гостей фестиваля из Сыктывкара и Ухты, членов Союза писателей России Павла Лимерова, Екатерины Цуммер, Александра Герасименко, Дениса Попова, участницы литературных объединений Усинска и Сыктывкара Дарьи Филитовой с жителями Усинска. Был проведён большой торжественный концерт, на котором подвели итоги фестиваля-конкурса. И, конечно же, организаторы конкурса позаботились о том, чтобы литераторы смогли пообщаться и послушать друг друга в неформальной обстановке.

Мы очень рады тому, что I республиканский литературный фестиваль-конкурс им. Николая Попова «Строкой. Любовью. Делом...» состоялся на высоком уровне, подарил незабываемые впечатления всем гостям и участникам. Мы получили и продолжаем получать много положительных отзывов о прошедших мероприятиях. Пусть этот первый фестиваль и все последующие станут ещё одним ярким событием в мире литературы Республики Коми!

Стихи победителей конкурса

Денис ПОПОВ, г. Ухта, п. Ярега

Лауреат I степени в номинации «Поэзия на русском языке»

* * *

Мне б о лете в рамочке оконной,
Чтобы мёд – на кончиках усов.
Только бьётся снег в окно вагона,
Как минуты о стекло часов.

Мне бы утро раннее да вечер:
Днём не замечаешь, что – живой!
Мне бы время слышать, ноги с печки
Свесивши, не с верхней боковой.

Мне б в газетке некрологов после
Записать на уголочке дня,
Как я жизнь свою однажды бросил,
А она не бросила меня.

* * *

Когда зима разбита на частицы:
На фонари и падающий снег,
Мне кажется, что эта жизнь мне снится,
Ведь тихо так быть может лишь во сне.

Мне кажутся отчётливей детали –
Хотя рябит пространство, как экран –
Как мы с тобой друг друга не проспали,
Ведь так темно зимою по утрам?!

Так холодно за краем одеяла,
Что в сумерках похоже на увал.
Вставай, родная, зиму разбросало!
Посмотрим, что нам нынче бог послал.

Вставай, родная, соберём картинку,
Пока не растащили в суете!..
Лишь кажется – снежинки да снежинки!
Но нету двух похожих между тем.

* * *

Жизнь – не сказка, только скрипну снегом,
Словно дверью, в зимней тишине.
Меж земными альфой и омегой
О тебе, как будущей жене,

С теплотой подумаю. Как руки
Горячи твои и как мои
Холодны сейчас. Что жизнь? Разлука! –
Если Бога ради нет двоих.

Хоть была нечаянною радость
Иль сама душой ты льнула к ней,
Не казни себя за эту слабость,
Нам с тобой довольно палачей.

На ступеньках июня

На ступеньках июня
Солнце, как половик.
И покажется: втуне
Ни один жизни миг

Мной не прожит, не прожит.
Всё – не зря! Правда, пап?
Ну кивни, что ли – Боже! –
Той берёзкой хотя б.

Скрипни форточкой в лето.
Как ворót верёя.
Та дорожка из света
На ступеньках – твоя?

Запрещённый приём

Стесняется мать и ворчит,
Когда я в стихах её вспомню.
За словом не лезу – ключи
В кармане от старого дома.

За словом не лезу – их нет,
Есть листик на раме оконной.
О маме писать и стране
В России – приём запрещённый.

Как хочешь, пиши – попадѣшь,
Почти стопроцентно, в десятку:
Куда ключик ни повернёшь,
Вокруг то могилы, то грядки.

* * *

Молча и почти «на автомате»,
Взгляд не поднимая в синеву,
На могилах бабушки и бати
Выкошу малину и траву.

Посижу, уставясь на портреты.
Помяну батоном с молоком.
Не спрошу – как спится? Их ответы
Не услышу. – Больно высоко

Забрались! – придѣт на ум некстати.
Покурю ещё «на посошок».
– Спите с миром, бабушка и батя,
У меня не всё, но хорошо!

Дарья ФИЛИТОВА, г. Сыктывкар
Лауреат II степени в номинации «Поэзия на русском языке»

Мальчики! Девочки!

Все вы, кто любит лодки, котят и небо,
Кому хватает на латте, но не горбушку хлеба,
Кто ловит сны на бусины под подушкой,
В костюмах-тройках, в шапках-лягушках,
Кто мечтает о том, чтоб горло с утра не болело,
Кто носит в кармане заряженный парабеллум,
Кто бьѣтся об стены, когда ни дверей, ни веры,
Кто видит в глазах напротив зрачки химеры –
Все вы – одиночки, дуэты, шакальи стаи –
Из таких получают самые крепкие сваи.
Мы, ребятня, отличная древесина,
Хоть об этом и не просили.
Мальчики, девочки!
Солнышки, звѣзды, месяцы!
Будьте лестницей,
Лестницей,
Просто-напросто будьте лестницей:

Впивайтесь занозами каждому, кто прошёл,
Ощущайте, как лёгок смех и
Как шаг тяжёл.
«Помните, что в Раю нет деревьев и шишек»,
Помните, какая на вкус земля.
Прорастайте, звените, орите, любите, пишите –
Только не ради, а для.
Вы – ступени.
Ступени – кроме того, что сверх.
Вы – ступени,
Ступени,
Ступени,
Ступени вверх.

Ослик и Бог

Ослик плачет, засунув свой хвост в колодец,
На чужой холодной постели, в жёлтом пятне окна.
Ослик помнит дрожащий внутри морозец,
И хруст переломанных рёбер, и звон стекла.

Ослик не смотрит в небо, ему не надо
Видеть Бога, чтобы его спросить:
«Скажи, доколе правда мне будет правдой,
Доколи вера будет иже еси?

До каких пор и мест эта ненависть неизбывная
Погонит меня, ветла, до каких широт?
Весь север звенит мелодией заунывною,
И я в ней – самый громкий дурной аккорд.

О трёх головах змеиных вороны чёрные,
И с губ их мёд, а когти в густой крови.
Скажи мне, когда всё кончится, обречённые
Вернутся домой по зову своей любви?

Скажи мне, что нужно делать, чтоб просто выдержать,
Согнуться сквозь зубы, но не сломаться впредь?
Скажи мне, что нужно, чтобы до капли выжать
Самого себя, не встать среди Вась и Петь?»

Окно потихоньку тухнет. Ослик рассвет встречает.
Земля летит, и в полёте её трясёт.
Ослик не смотрит в небо,
Но Бог ему отвечает:
«Нужно быть человеком.
И всё».

Николай Степанович Гумилёв, простите

По проспекту – река людская.
На траве остывает тень.
Меркнет в мареве, исчезая,
В пустоту обращённый день.
Мир землится, весной налитый,
Под гитару семи ветров.
Никаких тебе, праздный мытарь,
Водопадов и облаков.
Потому что, по всем законам,
Тяготеют к словам грехи.
Я читала б стихи драконам,
Но им по фигу на стихи.

Парусия

Братец Лис, это просто лес и над ним закат.
Это просто мы без обмана – сплошная суть.
С детства в себе взрастил начертанья карт,
С юности воспитал в себе Млечный путь.
Как остались в дороге на выдохе января,
Коль в кармане у сердца листья, а не билет?
У моих попутчиков нет в голове царя.
Да и, знаешь ли, у меня его тоже – нет.
Носом в ветер уткнуться, взглядом – во взятый курс
До тех пор, пока пуста до краёв молва.
Не бросай меня, милый братец, в терновый куст,
Точно зная, что из ветвей я сплету слова.

Такие себе мушкетёры

Мой милый Атос, брось марку – держи удар!
Упасть покрасивей совсем ведь не в нашем духе.
Скажи: на кой чёрт занесло тебя в Сыктывкар
И – вот ещё – почему ты теперь в косухе?
«Je ne mange pas six jours», «монпансье» – и, пожалуй, весь
Мой лимит на французов исчерпался в прошлой жизни.
У меня здесь тайга, Атос, снеговая взвесь,
Городской купаж – ни сна, ни тоски, ни мысли.
Ты же граф де Ла Фер – так, дьявол тебя дери,
Отчего застрял в рутинности и безвкусье?
Если шпаги не дали – по фигу! Не горит:
На вокзале гитару как-нибудь – да пропустят.
Самому себе безъязык я и безымян,
Но запомни – напомни, когда мне нужда нагрянет:
Что «Дарья» звучит почти что как «Д`Артаньян».
И Усинск на Гасконь, при всём уваженьи, тянет.

Екатерина ЦУММЕР, г. Сыктывкар
Лауреат III степени в номинации «Поэзия на русском языке»

Гитара идёт на войну

Гитара идёт на войну, чтоб стать боевой подругой
И звонкой своей душою рассеять военный мрак
Хотя бы на пять минут. Чтоб песней её друг с другом
Делились солдаты наши, забыв про кошмар атак.

Чтоб струнная канонада ракетную заглушила,
На миг разогнав тревогу уставших серьёзных глаз.
А после войны вернуться с пометкою: «Отслужила
И нас берегла любовью, как мы защищали вас».

Пусть же звучит на фронте, ребят возвращая к жизни,
И каждым своим аккордом наносит врагам урон.
Пусть первую песнь Победы гитара споёт Отчизне,
Во славу ушедших в вечность пусть наш принесёт поклон.

Обращение к солдату

Повис нацистский грязный смог
Невыносимым чёрным клином.
Солдат, «бандеровский» сапог
Топтать не должен Украину.

Дави их, в фарш перемели,
Чтоб даже кости затрещали.
Гони их в шею с той земли,
Что наши деды защищали.

Как червь, как червь фашистский зуд.
Нам рано праздновать победу.
Гони, пока не поползут
Назад по собственному следу!

Щелкунчику

Если крысы придут до зари,
Уберечь я тебя не сумею.
Не поможет и крёстная – Фея.
Волшебство её лишь пузыри.

Коль ворвётся крысиный король,
Не спасут тебя даже хлопушки.
Мой солдатик, ты просто игрушка.
Сердце сжалось, предчувствуя боль.

Будут крысы смеяться до слёз,
Поедая конфетные залпы,
Снимут с кукол кудряшки на скальпы,
Свялят их в свой трофейный обоз.

Пленных белок стегая хвостом,
Им испортят лохматую шкурку,
Прижигая о тело окурки,
Буду мучать жестоко потом...

Если крысы придут до зари,
Уберечь я тебя не сумею...
Хочешь, сдам башмачки в батарею,
Только вовремя крикни: «Пали!»

Мы посмотрим ещё, чья возьмёт!
Кто король, а кто попросту крыса!
Кто уродец со шкурою лысой,
Кто куда и на чём поползёт...

Тихо-тихо. Стою у окна.
Лунной ниточки тянется лучик.
На посту мой отважный Щелкунчик.
Новогодняя ночь. Не до сна...

Пропустила...

На самолёте юность уносило,
В края чужие, в дальние просторы.
Стальные крылья, налитые силой,
Спешили облететь моря и горы.

И, позабывшись, словно в лихорадке,
Я пропустила, прогуляв с подружкой,
Как детство уезжало на лошадке,
На деревянной сломанной игрушке...

Давно не писала тебе...

Здравствуй, мой милый, давно не писала тебе.
 Страшно подумать, прошла уже четверть столетия!
 Всё изменилось, включая орла на гербе.
 Слишком трясло нашу родину в те лихолетия.

Все наши встречи, прогулки у тёмной Невы,
 Жар от любви, разгоревшейся в сердце измученном,
 Помню как прежде. Но если вдруг встретимся мы,
 Вряд ли узнаю твой профиль, когда-то изученный.

Голос знакомый стал глуше и сильно скрипит.
 Не изменились, пожалуй, одни интонации.
 И оттого моё сердце, как раненый кит,
 Тонет, услышав случайно твои модуляции.

Станешь приютом для вспомнившей счастье души?
 Вряд ли, печали бывшего вонзаются стрелами.
 И потому я прошу – не звони, не пиши.
 Лишь иногда приходи в мои сны чёрно-белые.

Анастасия СУКГОЕВА, г. Сыктывкар
 Лауреат I степени в номинации «Поэзия для детей»

Новый смысл

Приставку приставили к корню, и вот
 Теперь перед ним она всюду идёт.
 А корень ворчит: «Отцепись! Вот пристала...
 Как будто бы суффикса было мне мало».

Но вдруг окончание их догоняет
 И тоже за корень вцепиться желает.
 А там впереди поджидает предлог.
 Не хочет с ним корень вступать в диалог.

Но дружбу предлог предлагает ему.
 Ах, как было корню легко одному!
 Теперь же он тучен, расстроен и зол.
 А зря... Он зато новый смысл обрёл.

Пегас

Все говорили, что на небе тучи.
Но я заметил: там пегас могучий.

Твердили мне: «Промокнешь. Спрячься живо!»
Заржал пегас, взмахнул лиловой гривой.

Все ёжились, ворча на непогоду...
Крылатый конь скакал по небосводу.

Из-под копыт его летели брызги,
И тучи грозно грохотали близко.

Меня под зонтик за руку тянули.
Ботинки в дождевых ручьях тонули.

Я весь промок, но с места не сходил.
Ко мне летел пегас, копытом бил!

...Я больше не гуляю в дождь – наказан
За то, что любовался так пегасом.

Объявление

Пёс бездомный мел достал,
На заборе написал:
«В дар приму мясной обед,
Конуру, подушку, плед.
Или сразу тёплый дом
И хозяев добрых в нём».
Подписал: «Дворняга Гром.
Буду ждать вас под крыльцом».

Дворник листья выметал,
Эту надпись прочитал.
– У меня конурки нет,
Но всегда готов обед,
Дом наш тёплый, хоть и мал,
Пёс бы другом нашим стал.
Это ж просто чудеса –
Встретить грамотного пса!

Виталий МИКУШЕВ, г. Сыктывкар
Лауреат II степени в номинации «Поэзия для детей»

***Сборник странных небылиц про чудных зверей и птиц
или «Зоогеография в стихах»***

Намбат, Бандикут и Вомбат
(первая австралийская небылица)

Намбат, Бандикут и Вомбат
Решили найти где-то клад –
Пюре из тычинок,
Суфле из личинок,
Из разных жуков мармелад.

Просили они у Коалы:
«Соседка, нам нужно так мало –
Сто сорок ватрушек,
Двенадцать подушек,
И в жёлтый горох одеяло!»

Просили они Лирохвоста:
«Ох, клады искать так непросто!
Успех невозможен
Без шпаги и ножен,
Шкалы измерения роста!»

Просили они у Ехидны:
«Всё ищем, а клада не видно!
Наверно, нам надо
Поесть шоколада,
Чтоб не было очень обидно».

Просили они Утконоса:
«Сосед, не смотрите так косо!
Скорей одолжите
Моток красной нити,
Лопату и шланг от насоса!»

Просили они у Валлару:
«Пожалуйста, дайте гитару,
Кусок канифоли,
Горчицы и соли,
И тапочек розовых пару!»

Просили они у Валлаби:
«У вас не найдётся кольраби,
Пучок сельдерея
Три лука-порей,
Редиска и соус васаби?»

Просили у Лисьего Кузу:
«О, дайте же нам аркебузу,
Пятнадцать мушкетов,
Шестнадцать лафетов,
Доспехи, салат и медузу».

Просили у маленькой Квокки:
«Ах, Квокка, кончаются сроки!
А нужно всего-то:
Два-три кашалота,
Луну и перо от сороки!»

Просили они Казуара
Стакан травяного отвара,
Живого питона,
Цветного картона
И три фиолетовых шара.

Просили они Большенога
Муки и резины немного,
У Эму – поэму
И новую схему
Проезда, где к морю дорога.

Ходили они и просили,
Австралию исколесили
От моря до моря,
Устали и вскоре
Уснули, свалившись без силы.

И всё, что так долго искали,
Они в своих снах увидели.
Для поисков клада
Им было не надо
Ходить в запредельные дали.

Нашли наконец-то свой клад
Намбат, Бандикут и Вомбат:
Пюре из тычинок,
Суфле из личинок,
Из разных жуков мармелад.

Кус-кус для кускуса (вторая австралийская небылица)

Как-то Поссум-Медоед
Звал Кускуса на обед:
– У тебя отличный вкус,
Оцени-ка мой кус-кус!

Но Кускус ответил грустно:
– Что ты! Вовсе я невкусный.
Сверху Какаду хохочет:
– Не тебя он скушать хочет!

Ах ты, эдакое чудо!
Ведь кус-кус-то – это блюдо!
– Блюдо? Это же посуда!
– Ох, какой же ты зануда!

Блюдо – это суп, жаркое,
Это первое, второе,
Третье. – Сколько их всего?
– С тебя хватит одного!

Раз тебя зовёт сосед
Добрый Поссум-Медоед,
Не веди себя как трус!
Оцени его кус-кус.

Окажи ему услугу,
И скажи ему как другу,
Если так считаешь лично:
«У кус-куса вкус отличный»!

Фотоснимки водосвинки (первая южноамериканская небылица)

На страничке Водосвинки
Неплохие фотоснимки.
Вот она с любимой мамой,
Со своей подругой Ламой,

С Пекари, своим соседом,
Броненосцем, Муравьедом,
Щелезубом, Гоацином,
Тамарином, Капуцином,

Оцелотом, Ягуаром,
Нутрией и Кугуаром,
Туко-Туко и Агути,
Нанду, Ара и Загути,

Колоколо, Гуанако,
Какомицли и Альпакой,
Длиннохвостую Шиншиллой,
Кинкажу, Маргай, Онциллой,

С Пакараной, Пакой, Марой,
И Носух весёлых парой.
Вот Колибри, Игуана,
Ламантин и три Каймана.

И Тукан с Ленивцем есть,
А в альбоме номер шесть
Даже вьётся Анаконда,
Улыбаясь, как Джоконда.

Только две Морские Свинки
Удалить просили снимки –
Там одна с набитым ртом,
В позе кверху животом,

У второй же рот открыт,
Ус торчит и глаз закрыт,
И к тому же, однозначно,
Стрижка очень неудачна.

Александр ГЕРАСИМЕНКО, г. Сыктывкар
Лауреат III степени в номинации «Поэзия для детей»

Самокат

У Жени пружинки, у Стаса мелок,
А Костя рисует красиво,
У Паши наклейки, у Светы цветок,
У Влада есть волос из гривы.

Мне хвастался Толик старинным рублем,
Денис самодельной рогаткой,
Фонариком Лёша, с ним ночью, как днём,
А Коля – цветною закладкой.

А мне подарили вчера самокат,
Блестящий, как мамина брошка.
На нём прокатиться любой был бы рад:
Катайтесь, друзья, понемножку.

Зато есть в кармане теперь у меня
Рогатка, пружинки, закладка,
И волос предлинный из гривы коня,
Мелок и рисунок в тетрадке.

А также фонарик, цветок голубой,
Наклейки и рублик в придачу...
Мой папа сказал, покачав головой:
«Растёт коммерсант, не иначе».

И стало мне стыдно. Я завтра отдам
Все ценности эти ребятам.
И будем бежать мы опять по дворам,
И пыль поднимать самокатом.

* * *

Две весёлых хохотушки
Во дворе,
Мы скатились на ватрушке
По горе.

И на кочке вверх ногами –
Кувырок.
Ну а если б был под нами
Колобок?

Или кекс с изюмом, или
Чебурек
Мы б тогда не угодили
Носом в снег.

* * *

Я мешал в стакане ложкой,
Чтобы слаще был мой чай.
Брат играл на кухне с кошкой
И сказал мне невзначай:

«Не туда возвращаешь ложкой,
Ты крути наоборот,
Станет слаще чай немножко.
Будет вкусный, как компот!»

Я попробовал. Не сладко!
Что же делать, где ответ?
Тут пришла ко мне разгадка –
Сахара в стакане нет!

* * *

Летит над речкой огурец
Из собственной берлоги.
Слепил ему на днях кузнец
Летательные ноги.

Его движения легки.
Он мчит среди снежинок,
Да так, что падают шнурки
На дно реки с ботинок.

Один шнурок поймал налим,
Второй – глазастый окунь.
Им крикнул огурец: «Летим!
Втроём не одиноко!»

И вот уже за огурцом
Пристроились рыбёшки.
И машет окунёк крылом
У водоёма кошке.

И улыбается налим,
И ветер свищет в жабрах.
И небо распахнулось к ним.
Вот вам абракадабра.

* * *

Улыбнулся Ваня маме,
Пряча кисточку в кармане:
– Кот был серый, словно мышка,
А сейчас красив, гляди ж-ка!

Похвалила мама Ваню:
– Ты художник, ты дизайнер!
Не видала никогда я
Котофея-попугая.

* * *

Фартук бабушкин возьму
И на швабру натяну,
Получился классный флаг,
Не нарадуюсь никак.

Близнецы

– Зачем порвал, не жалко книжку? –
Задал вопрос отец сынишке.
– Нет, папа, книгу я не рвал,
Её Илья вчера листал.
Отцу найти виновных тяжко,
Ведь сыновья его – двойняшки.
И не найти совсем концы,
Они с рожденья близнецы!

* * *

Влад задал сестре вопрос,
Поднеся зверька под нос:
– Что за серенький малыш?
Взвизгнула сестрёнка: мышь!

Стихи финалистов конкурса

Ольга ХМАРА, г. Воркута

Финалист в номинации «Поэзия на русском языке»

* * *

Я буду плакать, затаюсь
в плену сладчайшей из печалей.
Надёжным дождевым стежком
к земле вчерашний день пришит.
До слов несказанных зачем
глаза твои не докричались?
А мне без них тебя терять
ни сил не хватит, ни души.

Немые дни пропишут вкривь
ещё несуетные сроки –
Сходить от ревности с ума
ко всем страстям, что не сбылись.
Мы до ближайших холодов
пройдём, светлы и одиноки,
И падать вздумает вослед
ещё всю зелёный лист.

Не допускай в своё окно
мотив неслышного разлада:
У кротких сумерек до слёз
давно известная алчба...
И кто-то плачет под дождём,
и утешать его не надо,
И хорошо, что про наркоз
не знает мудрая судьба.

* * *

*Я – поэт. И мой воздух – тоска,
Можно ль выжить, о ней не поведая?
Б. Чичибабин*

Котейку замучили блохи.
...Уткнувшись в плечо январю,
Сажу на обломках эпохи.
Молчу. А курить – не курю,

Поскольку неважно дружила
И с водкою, и с табаком.
С того ли с немыслимой силой
Тоска бьёт в лицо кулаком?..

Глазею безмолвно, без толку
На полки прочитанных книг.
Скажите же что-нибудь, полки!
Ответь, грандиозный старик:

Что проку от читаных книжек?
Что смысла в тугих парусах,
Когда не надеется выжить
Уже и сам Бог в небесах?!

Сей выводок – до середины...
Сей поезд крылатый – к нулю...
И с прошлым порвав, пуповина
Мастырит степенно петлю.

Метели надрывные вздохи
Доделали дело таки:
Котейку покинули блохи,
Не вынеся русской тоски.

* * *

Живой или мёртвой, какою из вод
Вражды утолить жажду?
Повинную голову меч не сечёт.
Моя же отрублена дважды.

В прощёные сроки твержу слова, –
От самой души, не со страху.
Но чует бедовая голова,
Что снова идти на плаху.

Пора бы страстишкам давно поостыть.
Беду не манить всуе.
Сознанием нелепым своей правоты
Отрубленную – бинтую,

Что снова скатилась в трин-траву...
На лунное блюдце не вою.
Вот так вот, дружочек, вот так и живу –
С отрубленной головою.

* * *

Листвы над землёю кружит эскадрилька, –
Полмира желтò!
Роскошная Осень на тоненьких шпильках,
В роскошном манти

По трапу на землю ступает неслышно.
Походка – ожёг!
Забылся, невидимый, тронул Всевышний
Её локоток.

Небесная, тесною стала квартира,
Не стыдно седин!
За Женщиной этой готово полмира,
И Этот, Един.

О чём-то забыв, и о чём-то мечтая,
И чем-то согрет,
Бренчит осторожно ключами от рая
И смотрит вослед.

Александр ГЕРАСИМЕНКО, г. Сыктывкар
Финалист в номинации «Поэзия на русском языке»

* * *

В шуршащем рыже-огненном пальто,
Подолом поднимая лист с дорог,
Она идёт, вплетая тлен цветов
В промозглый серо-бурый вечерок.

Иной раз юркнет луч под зонт её,
И бывший тёмным глаз светлеет вдруг.
Она тогда о будущем поёт
И кормит птиц рябиною из рук.

И в песне этой нотки веры в то,
Что будут мир, любовь и доброта.
В шуршащем рыже-огненном пальто
Она идёт, роняя лист с куста.

Что в сумочке её? Узнаешь ли?
С ней связано немало горьких дат,
Горели люди, страны, корабли
И год, и два, и много лет назад.

И мой отец ушёл под ручку с ней.
И друга увела она потом.
Прошу, угомонись и просто грей
Шуршащим рыже-огненным пальто.

* * *

С Богом в бой.
Из боя – к Богу.
Примут неба васильки.
Скорой выдалась дорога
Всем надеждам вопреки.

В прошлом – стынъ сырых окопов,
В бывшем – свист свинцовых ос.
Позади – сердечный топот
В пору плачущих берёз.

Далеко мой тихий север,
Деревянная изба.
На лугах гвоздика, клевер,
В речке лещ, налим, чебак.

Там закаты красногруды,
И озёра – бирюза.
Там лазурь и изумруды –
Северяночек глаза...

С Богом в бой!
Громи их, братцы!
Смерти скорой вопреки,
За озёра стоит драться
И за клевер у реки.

* * *

В моё окно влетает птица,
Со светлым именем – рассвет,
И сердце стало чаще биться,
Грядущий день – всегда секрет!
Что ждёт меня в его пределах?
Огонь вулканов, холод льда?
Опять душа помолодела,
С утра она свежа всегда.
Благодарю Того, Кто свыше,
Кто охраняет мой покой,
За то, что вижу мир и слышу,
Что разум есть, что я – живой!

* * *

Я вновь с тобой, родимая глубинка,
Твой ветхий быт для глаза с детства мил,
В душе поёт старинная пластинка –
Гармонь соседа, с кем я водку пил.

Зашёл в свой дом заброшенный, продрогший,
К холодной печке подалась рука,
В углу лежат отцовские калоши,
Без очага скучает кочерга.

Ухват всё так же в саже застарелой
Напомнил мне, как мать пекла с утра
И колобки, и шаньги. Песни пела.
Как их любили я, отец, сестра.

Я бросил вас, уехал на чужбину,
И приезжал, чтоб лишь похоронить...
Смотрю в окно на спелую калину,
Сквозь трещину стекла – седую нить.

Зашёл я в сени: сани, сети, вилы, –
Всё как всегда: знакомый колорит.
Мой милый дом – подгнившие стропила,
Заросший сад, сарай доской забит...

Пойду я в магазин, возьму закуску,
Куплю вина, на кладбище схожу,
Там помяну родных своих по-русски,
Цветов нарву, к могилам положу.

Я вновь с тобой, родимая глубинка,
Но скоро мы расстанемся в тиши,
И горько мне, что на моих поминках
Не будет ни одной родной души.

Евгения АРКУШИНА, г. Усинск

Финалист в номинации «Поэзия на русском языке»

В каморке

...Она вбежала переждать
 Случайный дождь в его каморку.
 И начала, сметая шторы,
 Все окна настежь открывать.
 А он смотрел и понимал:
 Она сама как этот дождик,
 Цветной, грибной и осторожный,
 Что так прекрасен и так мал.

А он смотрел, и видел стать
 Её стремительных движений.
 Каморку покидали тени,
 Что так мешали рисовать.
 А он смотрел, и на мольберт
 Безудержно летели краски,
 Чтоб ей хотелось без опаски
 Вбегать в распахнутую дверь.

Пусть будет дождик проливной,
 Пусть будут солнце или ветер.
 Ведь ей, единственной на свете,
 Он доверял, лишь ей одной.
 И как же счастлив он теперь,
 Всесилен в линиях и в цвете!
 Волнуясь, даже не заметил,
 Что нет её, закрыта дверь...

Поэтам

Поэты в поисках себя:
 Кто на войну, кто в храм, кто к морю.
 Века строкою серебра,
 Своей действительности вторят
 И предугадывают всё...
 Не сразу (время так беспечно),
 Но изучает их жизнь
 Потом случившаяся вечность...

Вся поэтическая рать
На поиски уходит рано,
Чтоб мысль успеть зашифровать
В сиянье на холсте тумана,
И в сень волнующих берёз,
И в расплескавшуюся осень.
Их шёпот в переливах грёз
Зов о взаимности доносит...

Судьба поэта непроста:
Есть свыше дар, но тяжек посох.
Боль на исписанных листах
Не утоленья, милость просит:
Увидьте в красках сентября,
Какое небо голубое!
Поэты в поисках себя...
Для всех, для каждого, с любовью.

Алёна МИТИНА, г. Сыктывкар
Финалист в номинации «Поэзия для детей»

Не разлей вода

Дождь по лужам прыг да скок,
Я с дождём насквозь промок.
Прыгаю я с ним по лужам,
Хоть немного и простужен!

На ногах моих сапожки,
Пошалим с дождём немножко.
Без зонта мы, ну и пусть –
Прогоняет дождик грусть!

Дождик мокрый, мокрый я,
С лужей мы теперь друзья,
«Не разлей вода» втроём,
Вместе мы не пропадём!

Тучка

Я сегодня с тучкой подружилась,
Целый день гуляли мы вдвоём!
Тучка так домой ко мне просилась –
Холодно и мокро ей с дождём!
Я почти была готова тучке
Кров и стол, и дружбу предложить,
Только вот вопрос один замучил:
Как же дождь без тучки будет жить?

Светлячок

Лучик света на стене –
мой фонарик в темноте!
Если грустно, то включу
я фонарик – посвечу!

Светлячок – фонарик мой,
мне не нужен свет другой.
И не страшно в темноте,
светлячок со мной везде!

Туфли на каблуках

Подрасти б ещё немножко,
сантиметров хоть на пять!
И тогда смогу я выйти
в туфлях мамы погулять.
Только мама почему-то
против, говорит – мала!
Как мала? В такой обуви
хоть сейчас пойти б могла!

Наталья КРЕВСКИХ, г. Усинск
Финалист в номинации «Поэзия для детей»

Домовой

С котом он песни пел на чистом коми,
Под утро складывал в носочки паучков,
Он плёл косички лошадям в загоне
И собирал гирлянды из пучков
Душистых трав, расцветших поздним летом.
И, отдавая чаю аромат, бодрят
они иль усыпляют до рассвета.
Одним – лекарство, прочим – чистый яд!
Успеть как много надо домовёнку –
На речке рыбку приманить к блесне,
Собрать чернику, утащить цыплёнка
И косточкой постучать в тишине.

К Сиянью Севера ручонка потянулась.
Надёргал ниток, оседлал забор,
Достал иглу и... волшебство проснулось:
На кофту лёг причудливый узор!

На чердаке – уютно, пахнет дымкой
Рассветной иль берёзой из печи.
Украшен дальний угол паутиной,
Танцуют тени с пламенем свечи.

Пусть не пугают вас его сторожка
И этот танец призрачных теней.
Он принесёт вам баночку морошки,
Чуть с сахаром – вам вроде так вкусней!

Вера в чудеса

Изучен мудростей массив
И найден Истины учебник!
Где Дед Мороз лишь только миф,
А Гудвин вовсе не волшебник.

И домик Бабушки Яги
Не самоход, а так, коряга.
А Шапочкины пироги
Не Волком съедены гулякой.

Прекрасный первобытный лес
Отнюдь не сказками был полон,
И не случается чудес,
Не плачет Дева с ореолом.

Казалось – надо воспарить!
Вот, наконец, глаза открылись!
Но... как-то грустно стало жить...
Как будто краски растворились.

И Сказочник вдруг загрустил.
Туман накрыл поля Фантазий.
Кащей животик отрастил,
Свет-зеркальце покрылось грязью.

Нешадно била моль ковёр –
Он в небеса уж не взмывает.
А Шляпник – кофе контролёр,
Бариста! Чай не наливает.

Собрав последние гроши,
Скупив тираж разоблачений.
Дождусь, чтоб в доме ни души.
И для грядущих поколений,

Я как в Эфесе чародей,
Из книг воздвигну баррикаду,
Ради себя, ради детей,
Сожгу в костре такую правду!

Евгения Филиппова, г. Ухта

Финалист в номинации «Поэзия для детей»

Мой друг

У меня друзей не счесть,
Но один дружок есть...
Дружим мы не первый год,
По соседству он живёт.

Если он приходит в дом,
Всё становится вверх дном:
Вот сидим мы на диване,
Ворох книжек между нами.

Мы с соседом не скучаем:
Вместе книжку читаем,
Говорим о том о сём,
Чай из блюдечка попьём.

Говорит он мне любя:
«Как всё вкусно у тебя!»
А всего-то угощенья:
Сушки с хрустом, чай с вареньем.

Ухожу на кухню. Вдруг
Раздаётся грохот, стук:
Видно, что-то натворил,
Уронил или разбил.

Присмирел, притих, молчит,
На меня и не глядит.
Потихоньку отступает
И за дверью исчезает.
Я одна. Тоска грызёт:
Вдруг он больше не придёт.

Но проходит день-другой...
Кто-то мне кричит: «Открой!»
В дверь стучится. Что ж, пока
Не достать ему звонка.
Ростом маловат сосед,
Ведь ему всего пять лет.

Память

Нина
ОБРЕЗКОВА

Нина Александровна Обрезкова – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Родилась и выросла в селе Готово Удорского района. Окончила Сыктывкарский государственный университет. Автор книг стихотворений «Коркё ставыс лоё бур» (Когда-нибудь всё будет хорошо, 2003), «Ойдёмин» (Затопленное, 2003), «Нинпу» (Липа, 2007), «Дзирыд дой» (Мерцающая боль, 2007), «Вуджод менё, пыжандой» (Перевези меня, лодочка, 2010), книг для детей «Петук Васё» (Вася – задира, 2013) и «Дивё-козин» (Волшебный подарок, 2015), сборника рассказов «Сизим пыжа» («На семи лодках», 2017). Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Сиг по-коми кебёс

Сложно вспоминать человека как умершего, когда он практически жив. Надо сказать, в гробу ему было тесно лежать: он казался каким-то сжатым – домовина явно была ему мала. Словно после смерти он расправил наконец-то плечи...

Оригинальный был человек, нетривиальный, небанальный, с завидным умением наживать врагов, с неусыпной жаждой справедливости, неуживчивый, но вместе с тем открыты были каждому двери его дома.

– Пöжа-а-алуйста! – с характерным растягом звука «а» неизменно отвечал он в ответ на моё всегдашнее: «Часа полтора времени есть. Зайду?» Времени могло быть и час, и двадцать минут, и полдня. Не во времени дело. На любой его отрезок находился и чай, и угощение к нему, а порой и первое, второе, третье, и компот. Компот, к слову, мог быть разным. А в один из моих приходов на стол, по его словам, совсем нечего было ставить: не варил и не пёк в тот раз. Но... он хитро улыбнулся и вытащил из холодильника тарелку, большую (!!!) тарелку... сига. Кто в теме, тот знает, что такое слабосолёный сиг, который... Ну, опять же, кто не в теме...

– Вот это ты зря, – сказала я, подсаживаясь ближе к столу и придвигая к себе это невиданное чудо-блюдо... – Зря. Ты кому это угощение такое готовил?

– Ты пришла, значит, тебе.

– Врёшь.

– Я никогда не вру.

– Ладно. Будем считать, что я тебе поверила. Некогда спорить.

Я ещё ближе подвинула к себе это изумительное лакомство: аккуратно и ровно нарезанные кусочки сига, разложенные кусочек к кусочку, один вид которых, а что уж говорить о вкусе и всех прилагающихся к нему компонентах, вызывающих неудержимый восторг, пожалуй, да, это слово наиболее точно выражает то моё состояние. Я взяла лежащий с самого края кусочек, помедлила, чтоб ощущение счастья началось уже до... и положила в рот.

Алексей явно ждал моей реакции.

– Говорю же тебе, зря.

Хозяин довольно улыбнулся. Он понял. Понял, что угодил. Любил он угождать людям, в хорошем смысле этого слова, любил радовать, любил, чтоб им восхищались. Красиво так можно жить – ты радуешь, тебя радуют – такой круговорот радости в природе.

Второй кусочек, третий, четвёртый, пятый... хочется ещё и ещё и есть, и писать об этом. Но съев ровно половину тарелки

слабосолёного сига, нарезанного тонкими ломтиками, я сказала:

– Хватит. Унеси!

Алексей не стал меня уговаривать продолжить пиршество, просто встал и отнёс оставшуюся половину вкуснейшей сиговой тарелки на кухню. Всё банально, понятно и гениально. Почему-то теперь мне часто хочется говорить – «гениально» по отношению к Лёше. Это не потому, что он ушёл, а потому, что приходит понимание каких-то его поступков, слов...

Уходил он на Донбасс, и объяснение этому поступку было простое: я умею воевать, и нескольких пацанов спасу своим умением, то есть помогу выжить... И когда он потом показывал на фотографии братья-нов-воинов, говорил – этот ещё жив, и вот этот вернулся. Так и надо, наверное, жить: своей жизнью спасать другие жизни. И это не только в боях. Шли мы по Ирве с командой финно-угорского центра. Дождь лил так, что казалось – небо упало на землю. Алексей вёл лодку медленно, по пути то и дело выдёргивая из воды щук. Казалось, он настолько был увлечён этим делом, что больше ничего не замечал. И вдруг заглушил мотор, снял сапоги и протянул их «капитанше» нашей команды – Анне.

– Надевай.

– Да не надо, – пыталась сохранить лицо Аня, хотя видно было, что ей, сугубо городской девушке, совсем не айс в лодке под проливным дождём. Лёша заставил-таки

снять Аню её промокшие сапожки и надеть свои бахилы сорок последнего размера. А сам снова завёл мотор и, сидя на корме с голыми ногами, так же спокойно вёл лодку и привычно выдёргивал щук...

Кстати, в той поездке я в первый и последний раз была в его охотничьей избушке на Ирве, в той, куда он так стремился и в эту весну, и почти доехал... В последнее время Алексей часто говорил, что хотел бы умереть на Ирве, и я, как всегда, спорила с ним, и главным моим аргументом было:

– Ну, конечно, давай, конечно! Ты о людях подумай – это ж какая забота – искать тебя, везти сюда...

А ведь так и получилось – умер на Ирве... И ведь нашли и привезли... И никто не сказал ему – зачем ты это сделал. Значит, человек имеет право мечтать о своей смерти, о формате её и месте. Значит, так надо было Лёше. Человеку леса и реки и умирать-то комфортнее там, не среди людей, не в больнице, не на диване...

Тогда же я в первый раз попробовала удорское рыбное блюдо – люль. Правда, ждать пришлось долго, что-то не шло так, как хотелось мастеру, и он сокрушался, что вот обещал всех попотчевать таким деликатесом и не может, а так нельзя – он ведь обещал... И как бы себе в оправдание, но,

”

И тогда же, на пути туда, он вдруг пристал к берегу, поднялся сам и велел всей съёмочной группе подняться на крутой берег, чтоб прочитать на камеру одно-единственное стихотворение Альберта Ванеева.

конечно, больше в шутку сказал, что щука какая-то неправильная попалась. И вернул историйку про необычную рыбу в какой-то реке. А историй-то таких он знал не одну, и не две. Бывая в сёлах района, он в каждом из них находил человека, про которого рассказывал его односельчанам, то вспоминал ушедших, то живущих. И частенько живущие становились героями его баек, и обижались частенько. Потому что байки эти были правдой, а герои показывались в не очень лестной для них истории: то в лесу потерялись, то на медведя не там охотились, то ещё что-то... Он много и часто рассказывал о лесе, его законах и чудесах, случавшихся не по законам людского понимания.

И тогда же, на пути туда, он вдруг пристал к берегу, поднялся сам и велел всей съёмочной группе подняться на крутой берег, чтоб прочитать на камеру одно-единственное стихотворение Альберта Ванеева. Много раз останавливал съёмку, когда ему казалось, что что-то не так. Он уже тогда сам снимал фильмы об Удоре, вернее, о её лесах и водах... У него было удивительное качество: знать, что он знает как надо. И это было во всём. В рыбной ловле, выпекании пирогов, сборе трав, чтении стихов, умении жить...

На слиянии Ирвы с Мезенью он поставил обетный крест. На материну пенсию заказал высокий крест, нанял машину, чтоб привезти, собрал мужиков с лодками, вывез на место, которое сам выбрал, выкосили кустарник, нанесли камней... Стоит крест как благодарность удорской земле и предкам, сохранившим её для потомков.

Надо, наверное, написать, как мы с Алексеем познакомились. На семинаре молодых писателей в Сыктывкаре. Он пришёл на семинар с рассказами, а, на мой взгляд, этнографическими очерками, где главными героями были его бабушки из далёкой деревни Яг (Кучмозерье). Настолько там всё было не литературно, не придумано, и ещё много не... И мне подумалось, интересно, насколько хватит этого чистейшего материала этому человеку, чтобы не уходить в выдумку, в придумку... В итоге, пройдя через «литературные» рассказы, он вернулся к тому, что знал лучше всего, – в свою древнюю Удору. В свой честный, справедливый мир. Где жили по совести. Где умели работать. Где умели любить свой язык, свою культуру, свой образ жизни. Где помнили предков.

До последнего доказывал чиновникам

от культуры, что праздники, особенно праздник коми книги, надо проводить с учётом древней культуры Удоры, до последнего говорил с детьми о важности памяти человеческой, до последнего писал об ответственности за результаты своего труда.

На последний день его рождения я подарила ему пачку белой писчей бумаги. Он так обрадовался. Сказал, что как раз закончилась бумага. Что будет писать, что ему много ещё надо написать. Обманул. Или зов Ирвы сильнее человеческих желаний...

А сиг на языке коми – кебӖс. Вкуснейшая рыба... Ещё живёт в реках любимой Алексеем Вурдовым Удоры.

Алексей
ВУРДОВ

Алексей Иванович

Вурдов родился 21 февраля 1956 года в г. Инте. Окончил Архангельский лесотехнический институт. Служил офицером УВД, работал помощником лесничего, инструктором райкома комсомола, начальником службы безопасности, директором охранно-сысской фирмы, советником по экономическим вопросам. Публиковался в журналах «Войвыв кодзув» (Северная звезда), «Арт», в российских и республиканских газетах. Автор книг «Менам Йирва» (Моя Ирва, 2005), «Сир войт» (Капелька смолы, 2007), «Ирвинские сны» (2008), «Удоралён история – мойдёмъясын» (История Удоры в сказаниях, 2011). Член Союза писателей России с 2008 года. Жил в посёлке Усогорск. Ушёл из жизни 17 мая 2024 года.

От автора

«Я ежесекундно, ежечасно, ежедневно... ощущаю каждой клеткой, что Мир, в котором живу, который окружает меня, больше эфемерный, это, скорее, Мир иллюзий и фальши. Люди, которые призваны по сущности своей жить в единстве, всё более отдаляются друг от друга, меняя общие принципы на какие-то меркантильные, личные интересы, проявляя малодушность, нетерпение, а главное, равнодушие. Стремление извлечь материальную выгоду толкает многих продать душу дьяволу, не задумываясь о смысле жизни... В какой-то мере и я долго не мог всего понять, хотя по крупницам старался создать свой собственный мир. Скажу искренне, он хрупкий и ранимый, но пока его удаётся сохранить, и надеюсь, что так и будет впредь. Переносить страдания, а порою унижения исключительно тяжело, но потерять совесть и веру – значит предать себя и других. Лично меня все тяготы, лишения и научили ценить жизнь. Созидайте и творите только добро, тогда будете самыми счастливыми на свете.

Этот рассказ основан на собственных размышлениях о далёких предках с их мировоззрением и убеждениями. Секреты души неисчерпаемые, и поиск самого себя – это нормальная человеческая потребность. Но разгадка тайн человеческих, на мой взгляд, не поддаётся даже времени, хотя узнать о прошлом есть удел благодарных. Не исключено, что читателю покажется странным развитие событий, участником которых случайно оказывается «герой из будущего». Думаю, так тоже бывает, только надо поверить. В детстве наверняка каждый из нас верил в чудеса и сказки. Ведь мечты сбываются!

Не правда ли? Быть мечтателем, значит, верить и надеяться, чего и Вам желаю!»

Гость из будущего

Рассказ

Горячее дыхание и испарина от пота витиевато клубами парили вокруг сидящего человека. Прислонившись спиной к дереву, охотник опрокинул голову и закрыл глаза. Войлочный лузан сберегал тепло, хотя и покрылся еле заметным тонким инеем от холодного воздуха. Сей год осень рано ошетилилась заморозками, и ночью даже выпал первый снежок. Сумерки сгущались. Семён понимал, что не успеет дойти до избышки. Травмированная нога опухла. Одолеть почти шесть километров практически было нереально, да и не впервой ночевать под елью. Человек спокойно отдыхал, вытянув уставшие ноги.

Рядом валялся рюкзак с двумя добытыми глухарями. «Господи! За что мне муки бесконечные? – сморщился Семён. – Опять не повезло! То рука, то нога!»

Семён неторопливо соорудил небольшой навес над головой, лежак из сухих веток и мха, очаг для костра с валежиной, процедил скопившуюся в ямках воду через платок в котелок, натаскал целую гору сушины и только после этого устроился на передышку. Удивительно, но дремучая тайга, несмотря на похолодание, сама дышала теплом, тяжело охая скрипучими звуками. Звонкий воздух гудел, переливаясь редкой трелью. Наконец, мгла совсем окутала ажурной шалью всю округу, оставляя на верхушках деревьев частые светлые блики и голубые просветы. Ярko-красные языки пламени жадно пожирали тень, выбрасывая искорки. Маленькая огненная феерия создавала некую гармонию света и тепла. Съёжившись, охотник задумчиво смотрел на огонь, медленно разжёвывая кусок ржаного сухаря, будто хотел разгадать великую тайну Природы. «А почему бы и нет? Если честно, об этом каждый мечтает, кто хоть немного познал таёжную быль своей шкурой! – подумал неожиданно про себя Семён. – Господи! Прости грешного!»

И вдруг совсем рядом сова: «Бу-а-а! Бу-а-а!» «Тьфу, ты! Забуукала, шалая!» – недовольно буркнул уставший человек и начал укладываться спать. Улёгшись на боковую, охотник по привычке высвободил ноги наполовину в голенищах и подвинул ружьё под локоть. И всё-таки тишина казалась тревожной. Станные ощущения вызывали беспокойство, вместо сна в голове Семёна закрутился клубок мыслей и ожидания какого-то непредвиденного события. Первый раз в жизни волнение перевесило самообладание лесного человека, видавшего виды, причём такие, какие не снились другим. Такое состояние не было страхом, а, скорее, надломленностью от неудовлетворённости жизнью. «Да-а! Видимо, нервишки не шалят, а просто поизносились, – закрыв лицо руками, выдавил из себя Семён. – Вот завтра доберусь до своей «берлоги» и выплюсь сначала, сколько захочу. Тяжко, тяжело на душе почему-то!»

Однако магия огня всё же одолела его через какое-то время, и наступила умиротворённость. Кто знает, много ли человеку надо? Но сейчас, пожалуй, был именно тот случай, когда истина в спокойствии, а сон, как известно, и есть благодетель. Спящий не мог видеть ни зарницы, ни сполохов над головой, ни окутавшую его дымку... В конце концов, всё загадочное имеет свою тайну, а значит, не грех и заглянуть, если прошлое и настоящее рядом с будущим.

От толчка в плечо Семён открыл глаза. И лишь когда присел, с удивлением посмотрел на трёх бородатых мужиков с копьями, одетых в оленью парку с поясами, конусовидные с длинными полями на тесёмках шапки из бобра, сапоги, сшитые из разных лоскутов кожи, похожие на бахилы, холщовые рубахи... «Здорово, мужики!» – растерянно поздоровался охотник, но взаимного ответа не последовало, а только мужик, который стоял в центре, видимо, старший, переглянулся с товарищами и издал два звука, похожие на «ы-ыз» и «ме-е». Причём он повторил ещё раз, указывая пальцем на свой амулет, висевший на шее. Семён натянул сапоги и встал. «Да, вообще-то, вы кто будете? – твёрдым голосом спросил он незнакомцев, пытаясь так же «достучаться» до взаимопонимания жестом руки. – Я Семён! А вы откуда будете?»

Пауза затянулась, и он просто предложил всем присесть к костру, который ещё «дышал» огоньком, а сам подбросил пару сушинок. Гости молча уселись напротив, а старший вынул из-за пазухи нечто похожее на кусок сушёного мяса и протянул Семёну. В знак благодарности тот кивнул головой, достал из рюкзака остатки сухарей и несколько карамелек. «Угощайтесь! Лучше с чаем, сейчас разогреем, и всё будет в порядке!» – с улыбкой на устах пояснил охотник, жестикулируя руками.

Старший разделил угощение каждому поровну и крупными глотками отпил чай из котелка. Затем передал своим товарищам. «Да вы подождите, чай не разогрелся ещё», – пытался как-то подсказать Семён, но понял, что уже поздно. Бородачи, как ни в чём не бывало, моментально осушили котелок и слопали еду. «Уж извиняйте, у меня больше нет ничего, кроме глухарей, – как можно медленнее, по слогам, пытался объяснить Семён и начал собираться в путь. – Уже почти рассвело, и мне, уважаемые, пора домой. У меня ещё и нога больная, так что давайте прощаться! Хорошо?» Люди молча наблюдали, как охотник завязывал рюкзак, куда наперёд положил кружку и ложку; закрепил топор, за спиной к лузану; закинул ружьё на плечо; поправил вязаную шапку на голове и опять обратился к сидящим: «Ну что? Станные вы люди! Как сюда забрели и откуда? Разговаривать не умеете, да и одежда на вас какая-то театральная, или вот как в кино показывают исторические фильмы... Ну, да ладно, Бог вам в помощь! Прощайте! Не забудьте костёр потушить!» Не успел протянуть руку на прощание, как бородачи встали, а старший заговорил по-своему: «Ыз-ы, А-а-мз, Сэ-эт! М-оз, М-оз! Ты-ыт!» Несколько раз махнув рукой в одну сторону, он добавил: «Ми-и-кё! Ми-и-кё! М-у-у-н!»

Закидав костёр землёй, гости поклонились и пошли впереди, оборачиваясь назад, и жёсткими подзывали Семёна. Какая-то неведомая сила принуждала невольно следовать за непонятными людьми. Хромая на одну ногу и превозмогая боль, охотник слепо выполнял их желание, будучи совершенно уверенным, что скоро они выйдут к реке, где он наконец расстанется с ними. Но всё получилось с точностью наоборот. Семён прекрасно ориентировался в этой местности и ничего не понимал: не было ни реки, ни сосновых куртин на буграх, ни старого горельника, кроме дремучего тёмного леса, а под ногами – сплошной моховой покров. С трудом преодолев около четырёх километров, Семён уже хотел было устроить себе передышку, но неожиданно перед взорами открылся светлый бор с крутой террасой возле реки. Повевало дымком, и он даже немного воспрял духом. Теперь уже надо дойти через «не могу». Кровь стучала в висках, выжимая солёный пот из-за внутреннего напряжения. И... как будто сначала почудилось, но перед глазами действительно появились силуэты людей, похожие на землянки сооружения, а в центре – костровище под навесом.

«Господи! Да что со мной творится? – опять призадумался Семён. – Или с мозгами не в порядке, или глюки? Что за люди здесь? Вроде бы местечко Нёша-ыб, ведь берег тот, а лес другой!» Напротив него стояли шесть-семь бородачей. Среди них выделялся мужчина небольшого роста, жилистый, с седой бородой. Судя по возрасту, самый старший, с посохом, с медвежьими клыками с круглым медальоном на груди. Что удивительно, женщин и детей не было видно, лишь на шестах около каждой землянки колыхались хвосты пушных зверей, хвосты боровой дичи, тесёмки...

Семён растерянно стоял перед загадочными лесными людьми, озираясь по сторонам. Молчание нарушил седовласый. Он поднял руки на какое-то мгновение, а затем поманил взмахом к дымящемуся костровищу. Охотник доковылял и уселся на плоский камень, как ему указали. «Здорово, люди добрые!» – обратился Семён, раскинув руки, и мотнул головой. Старейшина поднялся с места и приложил ладонь к груди: «Тэ-ко, тэ-ко коді Тэк? Вын-но сэн то вын!» Остальные повторили эти слова так же стоя.

Семён встал и поклонился перед ними, ибо ничего не оставалось делать, как ответить на приветствие подобным образом. Старейшина что-то шепнул соплеменнику, стоящему рядом, и тот удалился.

«Фу-ты, пронесло, – подумал про себя Семён, снял с плеча ружьё и рюкзак. – Ну, я попал! Господи! Спаси и сохрани!» Правда, воздержался от каких-либо излишних жестов и не перекрестился.

Откуда-то сбоку незаметно подошла женщина в лисьей шапке, холщовой одежде и кожаной накидке и подала ему горячий напиток в деревянной чашке. Тут же и остальным мужчинам поднесли подобный напиток, но в глиняных чашках. Струящийся запах напоминал смешанный отвар из трав и листьев. Кто-то подбросил в костёр несколько дров, и огонь вновь обрёл силу. Повеяло жарким дыханием, смуглые лица заблестели потными бликами. В этот момент старейшина что-то спросил на своём языке, и старший бородач, который с товарищами привёл охотника, начал рассказывать о чём-то короткими фразами. Семён молча, почти не отрываясь, продолжал допивать мелкими глотками горьковатое угощение. Тепло медленно разливалось по телу, и, наконец, от расслабленности он сомкнул глаза, покорно отдавая себя приятным сновидениям.

Очнулся гость только ночью. На лежаке, устланном лосиной шкурой, он заметил тёмно-зелёную присыпку и лишь после этого ощутил тугую повязку на больной ноге. Семён присел, осторожно опустил нож на земляной пол, оглянулся. В землянке было очень темно. В её глубине сопели ещё несколько мужиков. Со стороны входа через ширму виднелись проблески от горящего костровища, и Семён босиком вышел тихонько из жилища. Около очага лицом к лесу сидел сторож. Ушлый бородач спокойно указал копьём отойти в сторону от себя. Гость присел на край камня и стал смотреть на языки пламени. Безветренная тихая погода веяла прохладой, а ясное ночное небо благосклонно обнажило таинственный купол сотен тысяч звёзд. Где-то близко и далеко изредка нарушали покой странные звуки, похожие на лопнувшие струны, глухой скрежет, короткий рёв... Но вдруг эхом разнёсся по округе язвительный хохот! Семён аж вздрогнул от неожиданности и вскочил. Однако сторож, ничуть не удивляясь, только помахал рукой гостю, произнеся вслух только два слова: «Бу-а, у-а!»

«Неужели я нахожусь в каком-то другом мире или во времени? Всё это настолько странно и непонятно, что с ума можно сойти! – Смутные мысли уже настолько раздражали Семёна, что он не знал, как успокоиться. – А может, просто надо, пока не поздно, бежать отсюда?»

Всё же мысли улеглись, и через некоторое время изрядно озябший гость зашёл обратно в тёплую землянку, чтобы продолжить спокойный сон.

Утро выдалось пасмурным и ветреным. На первый взгляд, церемония приёма завтрака выглядела довольно обыденной: женщины раздали сначала мужчинам лотки с кусками запечённого мяса и тестоподобных лепёшек, затем детям и себе, но все принимали пищу под одним навесом вокруг очага. Перед началом трапезы вместе со старейшиной племени все поднимали руки в сторону неба. Семён внимательно повторял жесты, дабы не нарушать процедуру. Хотя мясо было жестковатым и пресноватым, а лепёшки, казалось, приготовлены из борщевика, он усердно старался подражать этикету приёма пищи. Но, что поразило, горячий напиток из берёзовой чаги вполне удовлетворил его скрытую прихоть, ибо долголетняя привычка соответствовала наслаждению вкусом полезного чая. И вот Семёна только тут осенило, что в рюкзаке – два глухаря, а он, как паразит, приобщился к чужим харчам без зазрения совести! Семён отложил чашку, резко встал и тотчас нырнул в землянку, вынес свои трофеи и положил рядом со старейшиной. Вопреки ожиданию, люди рассмеялись в знак благодарности, но подарок приняли. Растерянный человек не понял их реакции и, смутившись, сел обратно на место. Оказывается, глухарь у этих людей не настолько котируется из числа боровой дичи, как, к примеру, рябчик или тетерев, а вообще, самыми популярными в потреблении оказалось мясо лосей, оленей, бобров, белок, выдр. Честно говоря, откуда было знать коми охотнику Семёну, что нравилось предкам? Но вот тут-то и блеснул своим умом смекалистый гость. Недолго думая, он ещё раз

сходил в землянку, вынес двустволку, зарядил патронами, отошёл на пятьдесят шагов, сделал затёску топором на стволе сосны, а потом подошёл к старейшине и указал рукой, куда смотреть. И только поднял ружьё, как вперёд, в сторону мишени, выбежали трое детей, которые угольками, дружно подпрыгивая, закрасили свежую затёску. Ошарашенный непонятным поведением озорников Семён терпеливо выждал, когда малышня возвратится обратно к очагу. После чего он снова поднял ружьё, прицелился и выстрелил. Громкое эхо раскатом разбудило округу, а вокруг оторопевшие люди, кто с криком, а кто просто застывший на месте, ушли в себя. Пауза длилась недолго. Старейшина молча встал и указал в сторону затёски. Все устремились к дереву, внимательно разглядывая толстый ствол и о чём-то переговариваясь между собой. Один из бородачей тыкал пальцем в место попадания пули.

«Сэн, мы-кё! Мы-кё!» – строгим голосом обратился старейшина, жестикулируя рукой перед носом Семёна. Тот, недолго думая, передал ружьё старейшине: «На, держи и сам стреляй, чтобы все поняли, что эта штука не от вашего Бога, а от меня! Я научу стрелять и даже подарю, жаль, патронов маловато! Мне не жалко, добро за добро!»

Старейшина сначала вроде бы опешил, но, крепко держа ружьё, повертел и вдруг крикнул всем: «Ы-ккё! Мун-н!» Все мигом собрались вокруг очага. Благодетель толкнул Семёна локтем, показывая на ружьё. Гость приложил двустволку к плечу и указал пальцем на целик и мушку: «Вот, смотри сюда и сюда, чтобы они были вровень с мишенью! Как же объяснить? В общем, вот так и нажимаем на курок, как только видим по стволу мишень!»

Охотник ещё раз показал, как приложиться и куда стрелять. Затем взвёл курок и пояснил, каким пальцем нажимать. Прогремел выстрел. От испуга стрелявший чуть не выронил ружьё из рук, но моментально собрался с духом и крикнул: «Ан-нз!»

Пуля оторвала ветку ближнего дерева, и сородичи, конечно, заметили такое падение, но выжидали нужное слово. К счастью, оно прозвучало: «У-йя! У-йя! Бу-ур!» Старейшина поднял ружьё вверх – остальные радостно последовали за ним, так же выкрикивая: «Бу-ур!»

Седовласый старичок склонил голову перед Семёном, обратно передал ему ружьё и похлопал по плечу. Не совсем понимая такую доброту, гость вытащил из ножен свой нож и протянул старейшине, тот принял, опять же склонив голову. По сути, так бы и закончилась эта взаимная церемония, если бы не испуганный крик женщины, которая прибежала со стороны реки. «О-ош! О-ош!» – упала она на колени, указывая рукой назад.

Глухой прерывистый рёв «хозяина» тайги не на шутку всполошил людей, которые упали на колени лицом к берегу. Семён не последовал их примеру. Он понимал, что медведя надо просто отвлечь. Бросившись к очагу, Семён схватил горящую чурку и побежал с бугра вниз. Огромный зверь, оттопырив уши, выглядывал из-за кустов можжевельника, словно выжидая некого соперника. Охотник, недолго думая, смело подошёл ближе и швырнул горящую головёшку в его сторону. Медведь рывкнул и медленно ретировался в сторону, недовольно оглядываясь на смельчака.

Какое-то время Семён просто стоял на месте, пока совсем не потерял из виду силуэт зверя. Увы, его смелость никто не оценил, наоборот, во взглядах людей было заметно явное осуждение его поступка. Но мудрый старейшина лишь покачал головой и указал гостю присесть на своё прежнее место. О банальной причине, что медведь считался священным животным, Семён даже не задумался, ибо инстинкт самосохранения для него был решающим.

И сейчас, на какое-то мгновение, он почувствовал обиду, ибо сыграло самолюбие. Так или не так, но следовало смириться с правилами прапрамира в силу сложившихся об-

стоятельств. Однако, чтобы выжить в диких условиях, нужно было многому научиться и много трудиться. Всё это постигалось только коллективным разумом и неимоверными усилиями, а надеяться на слепую удачу, значит, повергнуть себя и других на трагический исход.

Со стороны казалось, что распорядок дня у этих людей строго расписан. Даже дети с кузовами в сопровождении женщины ушли на реку ловить рыбу, несколько молодых женщин отправились в глубь леса собирать ягоды и грибы под охраной вооружённого охотника. И вот настал черёд главных добыччиков – четырёх мужиков, занимающихся промыслом зверей и птиц. Вся ответственность главным образом возлагалась на них, впрочем, так же, как и особые привилегии в отличие от остальных сородичей. И каждый понимал, что только усердием и стараниями можно преодолеть любые удары судьбы. Мудрый старейшина всё же определил Семёна в группу охотников, и те после недолгих сборов сгруппировались сначала вокруг очага для совершения традиционного ритуала перед выходом на промысел. «Умылись» золой и попросили у своих богов удачу. Затем каждый прикоснулся рукой к священному посоху старейшины. Благодетель проводил людей до Большого дерева, где на стволе диаметром в два обхвата виднелись множественные мелкие зарубки и непонятные знаки.

Скорее, путь лежал не близкий, и Семён настроился на любые опасные неожиданности.

Держа заряженное ружьё в руках, он, прислушиваясь, изредка озирался по сторонам и легко выдерживал выбранный ведущим темп. Вот рябчики с писком разлетелись, а вот – глухарь шумно поднялся из-под полога мохнатых елей... Живая тайга суетливо заботилась о своих подопечных, сохраняя тысячи маленьких и больших тайн и оберегая покой окружающих от вмешательств извне. Даже ветрам и свету были недоступны потаённые уголки. Незведанная аура казалась недоступной для разрушения. Видимо, в этом и заключается величайшая сила Матушки Природы!

Но удача не сопутствовала охотникам, покамест погода не внесла свою лепту: к вечеру небо заволокло отяжелевшими хмурыми тучами, и закружился мягкий снежок. На привале Семён, показывая пальцем в небо, не удержался: «Добрый знак! Правда, осталось ещё найти свежую тропу зверей, а там, глядишь, и удача улыбнётся, как раз можно близко подобраться!»

Бородачи вряд ли что поняли, но улыбнулись. «А вообще, как хоть вас величать? – спросил Семён. – Вот меня Семён!» Похлопав себя по груди, затем поочерёдно каждого, снова проговорил: «Се-мён! А твоё имя как?» И тут старший бородач залепетал: «Се-ме-ме! Лу-у! Лу-у!»

«А-а! Лу? – догадался Семён. – Лу!» «Ук!», «Як!», «Ту!» – наконец уяснил от каждого имя, и как-то сразу на его душе стало легче. После горячей похлёбки из сушёных кусочков оленины усталость отступила, но Лу торопил всех идти дальше. Конечно, Семёна удивляло, как эти люди ориентировались в лесу без компаса, но, увы, так и не довелось узнать эту тайну. Если даже предположить, что запросто можно определить четыре стороны света по характерным формам кроны хвойных деревьев, всё равно погрешность была большой. «Признаться, я бы не сумел в незнакомом лесу так хорошо ориентироваться, – подумал Семён. – Тут какой-то особый секрет. Жаль, не умею разговаривать на их языке».

Удивление вызывал ещё и выбор маршрута, когда старший охотник каким-то чутьём избегал лишних подъёмов через бугры, низменных заболоченных участков, выдерживая при этом нужное направление. Очередной раз подтверждением тому явился удачно выбранный обход ветровальной полосы без каких-либо трудов.

Вскоре нахлынувшие сумерки вынудили путников подыскать подходящее место для

ночлега. На одном из склонов Ту обнаружил небольшой родник, что вполне устраивало неприхотливых людей.

Уже к ночи травмированная нога вновь заныла, но Семён старался не думать об этом. Сейчас он вновь осмысливал своё двойственное положение в прошлом времени. Но, не найдя вразумительного ответа, погрузился в сон. Всю ночь бородачи поочерёдно дежурили возле огня, а Семёну дали выспаться до утра. От обильного ночного снегопада земля спряталась под белым одеялом, деревья и кусты покрылись узорчатыми очертаниями, и даже воздух насытился зимним ароматом. Воодушевлённые надеждой на успех охотники изменили направление – пошли на север. Вполне логичное решение оправдалось хитростью замысла и опытом выслеживания добычи.

И, действительно, через две версты охотники вышли на свежую оленью тропу. Небольшое стадо, судя по следам, состояло из шести особей – четырёх взрослых и двух сеголеток. Копытные двигались примерно на северо-запад. Лу высказывал вслух свои предположения, подтверждая их словами: «Ню-юр сэн! Тэ-ко ты-ку!» Хотя Як засомневался, что было заметно по его поведению, остальные участники не возражали. Итак, общее решение было принято. Семён догадался, что олени следуют к болотам, а значит, в любом случае, надо осторожно, но быстро тропить. Лу приказал всем натереть одежду и руки хвоей, чтобы исключить посторонние запахи. Животные за версту учуют любую оплошность, тем более с подветренной стороны, и услышат звуки, которые несведущим покажутся пустяковыми.

На самом деле тропление и впрямь оказалось непростым. Вожак вёл своих сородичей без отдыха, даже не жалея телят. Суровые правила выживания для сильных, а коли так – во многом жалость не союзник и не благодетель. Незримое состязание на выносливость между людьми и зверями продолжалось довольно долго, пока не вышли на верховые болота. Стадо свернуло направо, явно замедлив темп, а преследователи уселись на привал. Все понимали, что, главное, сейчас не торопиться, а точно определить место стоянки животных. Очевидно, олени останутся в этой местности надолго. На ягелевых сосновых борах можно спокойно пастись, корма достаточно, добывать болотную соль не составляет особого труда, а ещё не надо опасаться волков до глубокого снега.

Дальний горизонт изрезанного болота виднелся лишь фиолетовой полосой. То там, то тут лесные островки образовали куртины из мелкого хвойного молодняка. На фоне панорамы болота по обеим сторонам вытянулись вдаль сосновые бугры. Где-то дробью стучал неутомимый дятел, а совсем рядом любопытные синицы писклявым щебетаньем радушно оказывали знаки внимания.

После короткой передышки, пригнувшись с луками на изготовке, охотники по-кошачьи двинулись дальше. Не пройдя и трёхсот шагов, двое продолжили идти по склону, а трое по низу. Семён держался за Лу. Знак! Все замерли! Як медленно указал пальцем в сторону болота. В шагах восьмидесяти, как на ладони, неподвижно стоял олень с ветвистыми рогами и, закидывая голову, обнюхивал воздух, а немного поодаль на боку лежали остальные. Выдержав небольшую паузу, сторож уставился в сторону спрятавшихся людей. Слава Богу, пронесло! Олень отвернул голову к болоту. Его туша лоснилась пепельным отливом, а тёмно-серая полоса вдоль хребта подчёркивала гордую осанку. «Вот это памятник! – подумал про себя Семён. – Какая грация! Творение Природы!» В этот момент Лу подал знак последовать за ним. Подкравшись ещё на несколько шагов ближе к стаду, ситуация мгновенно изменилась. Чуткий сторож вдруг развернулся. Охотники как по команде «пружиной» выскочили из укрытий, чтобы на ходу выбрать обзор получше. Испуганные животные устремились за вожаком, но две меткие стрелы вонзились в крупного оленя,

который успел ещё прыгнуть, но через несколько секунд рухнул на бок. Семён выстрелил в сторожа – тот медленно опустился на передние ноги. Второй выстрел не достиг цели. Напарники успели выпустить ещё по одной стреле, но было поздно. А бегущие тёмные точки через болото отдалялись всё сильнее.

Спустившиеся со склонов, Ук и Ту недовольно помотали головой от досады, что не смогли внести свою лепту. Однако Лу поднял руки к небу и громко крикнул: «Ен-на! Ен-на! Тэн! Ме-е тэн!» Все опустились на колени и также выразили благодарность Богам. Семён по-своему сказал: «Спасибо, Господи! За пищу, за дары твои!» – и перекрестился.

По традиции бородачи тут же выпустили тёплую кровь и, набрав полную чашку, первым предложили сделать глоток Семёну. Тому ничего не оставалось, как покорно подчиниться закону предков.

Освежёванные и разделанные пополам туши оленей развесили на шестах, а скатанные в рулон шкуры перевязали бечёвкой. Там же возле болота и заночевали. Малоразговорчивые и довольно скромные, отнюдь не воинственные напарники после сытного ужина безропотно уснули, а Семён с великим удовольствием остался охранять их ночной покой. Он сидел у костра и радовался тайге дремучей, рекам и озёрам, болотам, птицам и зверям, травам, огню... А потом вдруг тихонько и протяжно запел:

*«Ой, леса, леса
Пусть зелёные.
Ой, вода, вода
Да пусть чистая.
Ой, любовь, любовь
Вечно светлая.
Ой, земля, земля
Моя Матушка!»*

Грусть невольно закралась в душу охотника да так ущипнула от воспоминаний о родном доме, родителях, жене и сынишке, что Семён прослезился. Но утомительная тёмная ночь не смогла сломить дух коми человека. «Не гневайся, Господи, за слабость мою временную! Спаси и сохрани!» – охотник перекрестился, подняв голову к небу, и возрадовался ярко светящейся Полярной звезде.

Под утро задул северо-западный ветер, который не сулил ничего хорошего. Лу дал всем понять, что предстоит нелёгкий обратный путь домой. Как знать, как знать! Погода и правда не на шутку рассердилась!

Порывы ветра то усиливались, то затихали. Каждый тащил на своём горбу тяжёлую ношу, поэтому приходилось часто устраивать привалы. Тайга гудела, трещала, скрипела... Путники упорно преодолевали версту за верстой, но неожиданно на безобидном спуске одно за другим с грохотом и скрежетом повалились несколько деревьев. Казалось, идущие успели избежать опасности, но по окрикам недосчитались Ука. Ту быстро сообразил, что Ук шёл сзади него. Сбросив груз, кинулся к сосне, упавшей рядом, где под сломанными ветвями и обнаружил пострадавшего. Ук лежал лицом вниз и стонал. Подбежали остальные, высвободили его из-под завалов и только тогда заметили торчащий в его боку обрубок сучка.

Короткие фразы, и Ту без всякой суеты начал лечить. Сначала достал из лузана небольшой деревянный футляр, лоскут мягкой ткани, затем кончиком лезвия ножа извлёк небольшое количество маслянистой тёмно-бурой массы, похожей на топлёный жир, и ровным слоем нанёс на кусочек материи. Оставалось извлечь сучок из тела и закрыть рану. И тут Семён вспомнил, что у него остался бинт после перевязки ноги. Лекарь с удив-

лением осмотрел белую тончайшую ткань и кивнул головой в знак одобрения. Уже после перевязки Лу похлопал Семёна по плечу: «Бу-ур!» Все улыбались, а раненый Ук даже рассмеялся, обнажив красивые зубы. После того как груз пострадавшего разделили между собой, снова продолжили движение.

Непогода продолжалась до темноты. Последний ночлег выбрали в пихтовом лесу, где были защищены и от ветра, и снега. До родного очага оставалось совсем немного, и каждый из них явно пребывал в приподнятом настроении, несмотря на все тяготы. В конце концов, охотники возвращались с желанной добычей, а значит, оправдались и надежды единой большой семьи.

Хоть новый день вновь не порадовал спокойной погодой, мужественные люди собрали всю волю в кулак и упрямо завершали свой сложный путь.

И вот она радость! Долгожданная радость унюхать дым родного очага!

Первыми с наблюдательного дерева возвращающихся заметили дети, которые звонкими криками известили взрослых.

Трое мужчин поспешили навстречу вдоль берега реки, и вскоре уже все обнимались возле очага. Старейшина похлопал по плечу каждого охотника, благодаря богов. Затем добытчиков напоили горячим отваром и отвели по землянкам на отдых. А вечером, после вересковой бани, вся большая семья уселась вокруг очага на праздничный ужин. Не было хвалебных речей, но были добрые слова и почтение, улыбки и веселье под мелодичные звуки дудочек. Этих суровых и трудолюбивых людей объединяло нечто большее, чем условия выживания. Они жили единым духом, общими помыслами, одной верой и светлыми мечтами о будущем. Пожалуй, в этом и заключалась величайшая сила, чтобы сохранить род и племя на многие века.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Семёна, которого приняли в большую семью, если бы не гнев богов. Через несколько дней и ночей в ясную погоду вдруг прогремел первый сухой зимний гром, да так, что земля вздрогнула. Старейшина считал грозу знаком свыше и на общем совете предложил Семёну покинуть племя и возвратиться к своим сородичам.

На прощание охотник хотел подарить своё ружьё, но старейшина великодушно отказался от огнедышащего оружия. Тогда Семён просто передал в руки благодетеля коробку спичек (у него больше ничего не было), а взамен глава племени надел на его шею медвежий клык как символ главного охотника.

Уходя, Семён остановился и обернулся: дымящийся очаг и десятки поднятых к небу рук прощались с ним навсегда. Еле сдерживая слёзы, гость из будущего тоже поднял руки.

Так закончилась эта необычная история из будущего в прошлое и из прошлого в настоящее.

Да будет так

Рассказ

Летняя жара дышала мне в лицо, и я никак не мог привыкнуть, хотя уже второй месяц терпел такую погоду. «Нацики» лупили по Марьинке и нашим позициям, как хотели, из крупных калибров.

Честно говоря, мне и другим ополченцам было наплевать на их остервенение. Мы спокойно переносили такие опасности, хотя, конечно же, внутри оставался так называемый «жим-жим». Мои боевые товарищи «Колобок» и «Круглый» находились на задании, а я сейчас пока по времени выжидал свой «выход». Темнота уже давно окутала всю округу, над головой сияли звёзды, и лишь изредка с мерцанием пролетали «укроповские» беспилотники. Периодически по мобильнику на связь выходил «Колобок» и коротко докладывал обстановку. Пока всё было спокойно. Я ещё раз проверил экипировку, прокрутил в голове схему обхода местности и скрытного наблюдения за возможными продвижениями противника. Ожидать от них можно было разного: и обстрелов, и диверсий, и прицельного огня снайперов, и локального вторжения бронетехники на наши позиции...

Дислокация «укропов» обозначалась примерно двумя рубежами: ближний – на расстоянии двух-трёх километров, дальний – около десяти километров от оборонительной линии сил народного ополчения ДНР. С учётом этих обстоятельств и менялась оперативная обстановка на линии фронта. Наконец, выждав появление первых утренних проблесков на горизонте и предупредив ребят на блокпосту, я выдвинулся вперёд. С возвышенности виднелись очертания жилых домов, деревьев, купола православного храма, пики столбов линии электропередачи, несколько тусклых уличных огней... Уже порядком израненный каждодневными обстрелами городок казался сиротливым, тоскливым, брошенным. Где-то в глубине округи послышался недолгий прерывистый гул, и опять всё стихло.

Я благополучно добрался до «точки», где в кустах, недалеко от речной протоки, и затаился как мышь.

Время шло, но ничего подозрительного не заметил. Надо сказать, что подобная тактика наблюдения позволила в предыдущие разы уничтожить одного корректировщика огня и одного наблюдателя противника. Просто-напросто в обоих случаях живым взять не удалось ни того, ни другого. Так уж получилось.

И сейчас, когда только-только успел сменить место «секрета» в сторону моста, каким-то чутьём уловил характерные шорохи в камышовых зарослях с противоположной стороны. Ещё через минут десять окончательно убедился в передвижении человека, чья фигура промелькнула в шагах двадцати от меня.

Как гончий пёс на полусогнутых ногах, прыжковым ходом я устремился вдогонку. Уже на близком расстоянии мы встретились взглядами, когда худощавый в чёрной «ветровке» мужчина, лет сорока на вид, выхватил из-за пояса пистолет и направил в мою сторону. Я успел плюхнуться в траву, когда прозвучал выстрел. В ответ я дал короткую очередь из автомата.

Однако противнику удалось скрыться. Когда совсем рассвело и солнце снова извещало о наступлении нового дня, я начал медленно пробираться по своим тайным тропкам параллельно главной дороге в сторону блокпоста. Слева находился нежилой объект,

представляющий из себя кирпично-блочное одноэтажное здание со складскими помещениями, а рядом находилась на сваях трансформаторная будка, кстати, весьма привлекательная для врага. К слову сказать, я давно изучил в округе важные по значимости объекты и скрытно контролировал на предмет предотвращения диверсий. Да к тому же эта инициатива была согласована с командованием, поэтому также являлась моей обязанностью.

И вот во время осмотра на сей раз обнаружил растяжку со взрывным устройством с тыльной стороны будки. Честно говоря, сложности не составило уже через десять минут определить тип устройства и способ установки, а главное, дополнительных «сюрпризов» не было выявлено, то есть «ловушки» при разминировании первичного заряда «ВВ».

После разминирования пятикилограммового фугаса я улёгся на траву прямо возле свай и незаметно уснул. Хорошо, что очнулся через двадцать-тридцать минут от укусов надоедливых мух, облепивших запотевшее лицо. Немного уморённый и утомлённый от жажды, поспешил в сторону блокпоста.

Бойцы обрадовались, что я вернулся живой и невредимый: «Евсей», чем порадуешь?»

«Да, честно говоря, одна радость – диверсия «нациков» оставить людей без электрического света не удалась. Спасибо им за подаренный фугас! – довольным голосом обрадовал товарищей, а заодно, как бы между прочим, дал новую вводную. – В общем, так, мужики! Внимательно следить за трансформаторной будкой, раз, и второе: за той аллеей глаз не спускать, два перехода через протоку как раз позволяют скрытно подобраться прямо до наших позиций. Сегодня одного наблюдателя упустил. Будьте крайне бдительными! Любое нападение возможно! Вот так вот! Мои хлопцы вернулись?»

«Да, «Евсей»! Твоих на машине привезли, всё в порядке!» – ответил «Бородач».

«Ладно, удачи вам! Почапал к себе на «базу», – махнул рукой и удалился.

И, действительно, мои ребята оба уже уснули на одеялах на полу в обнимку с автоматами. Хозяйственная пристройка в жилом дворе, огороженная забором, и была нашей «базой». В подвале хранились взрывчатые материалы с различными компонентами и кое-какое снаряжение.

Как специальная подрывная группа, мы обязаны были соблюдать режим секретности и, конечно же, держались подальше от посторонних глаз и ушей, хотя располагались совсем рядом с блокпостом. В свободные часы несли совместную службу в наряде на блокпосту и участвовали в иных необходимых случаях в порядке усиления. А специфичные задачи – это разведка, «секреты», диверсии в расположении вражеских подразделений, минирование и разминирование – оставались основными функциями. Но, в целом, все действия зависели от оперативной обстановки на линии фронта.

Не успел ещё поставить на газовую конфорку чайник, как проснулся «Колобок».

«Ну как, Иваныч? – присев на корточки, загадочно спросил он. – Фашисты не дремлют?»

«Да, Паша, они не дремлют, – улыбочиво ответил я. – Чую! Нюхом чую, что-то они готовят, наверняка какую-то очередную подлянку!»

«В общем, докладываю! Обстановка была спокойной. На Ахметовской церкви, в колокольне, постоянно сидит наблюдатель. Передвижений противника не заметили. Фугасы на местах в порядке. Правда, ездила одна и та же автомашинка марки «Жигули», пятёрка, за один вечер четыре раза туда-обратно, то есть через плотину и обратно возвращалась спустя час-полтора. Со стороны Красногоровки изредка слышались разрывы. Больше добавить нечего».

«Ладно, сегодня попробуем выспаться, если, конечно, новую вводную не дадут, – уселся на табурет и закурил сигарету из распечатанной пачки. – Ого! Какие-то «Голд»! Откуда надыбал, признавайся!»

«Иваныч, да я тебе чай искал, и заодно сердобольные жители сигаретами угостили, три пачки, американские, – Паша развёл руками. – А ещё пакет свежих огурцов дали. Слушай, давай я тебе чай сам сделаю, а ты пока отдохни».

Надо сказать, что Паша и Олег, как местные жители, всегда предпочитали обычные напитки – соки и компоты, а я, как северянин, привык пить чай. И как мне тут не благодарить смекалистого, шустрого «Колобка», который каждый раз где-то, как-то почти всегда находил выход из проблемной ситуации и доставал не только чай, но и другие продукты питания и сигареты. К тому же систематически не хватало питания, и, когда удавалось хотя бы один раз в день утолить голод, мы испытывали полное удовлетворение. А ещё, где можно было, подбирали с земли упавшие с уцелевших деревьев полусгнившие фрукты.

Конечно же, частенько на блокпост и местные жители еду приносили и делились, чем могли.

Обстановка вокруг Донбасса тем временем обострялась с каждым днём. Карательные подразделения украинских вооружённых сил начали активные боевые действия с северо-запада и юга.

В один из дней, вечером, к нам на временную подмогу прибыли дополнительные группы ополченцев из соседних батальонов. По данным разведки, ожидался возможный прорыв войск противника на нашем направлении. Выдвинутые вперёд от рубежа обороны мобильные отряды ополченцев только через сутки приняли бой, затем почти без потерь отошли обратно до основных позиций. Такая тактика оказалась верной, потому что, получив «по зубам», фашисты отказались продолжить дальнейшее наступление на рубеже «Марьинка». Зато с новой силой продолжились обстрелы из тяжёлого вооружения. Жестокая борьба обрела новый виток эскалации, и это было очевидной реальностью.

Центральная дорога городка Марьинка проходила через небольшой мост, а далее через наш блокпост в сторону Донецка. Расстояние отделяло всего-навсего около 500 метров. А около предмостного участка мною был установлен замаскированный управляемый двадцатикилограммовый фугас направленного действия. Обстановка требовала повышенного контроля, и я практически каждое утро «сидел на mine».

А тут ещё бойцы вражеского снайпера засекли в заброшенном здании. Уничтожить не удалось, а тот сменил позицию и, скорее, выжидал удобного случая нанести ответный удар.

Ранним утром я лежал в укрытии около дороги и издали наблюдал за мостом. Уже рассвело, а кругом ни души и ни звука. «Странно, понедельник, и ни одной машины», – подумал я и перевалился на другой бок.

Наконец, на пустынной дороге появились двое велосипедистов, которые двигались в мою сторону. О чём-то переговариваясь, они спокойно промчались мимо меня. А вот стая чёрных дроздов с галками с шумом перелетела через дорогу в сторону водоёма... И опять тишина.

И вдруг слева от моста я заметил три человеческие фигуры, явно в камуфляжной одежде с оружием. Причём среди них выделялся один в балахоне и с карабином. Раздумывать было некогда, или-или. Или взрывать, или уйдут из радиуса поражения. Я замкнул проводка к клеммам аккумулятора и таким образом привёл в действие фугас. Вспышка, грохот, дым, пылевая завеса... Из поля зрения люди исчезли. Медлить было нельзя, и я с автоматом на изготовку короткими перебежками от дерева к дереву рванул к месту взрыва.

Оставалось около ста метров, как услышал стрельбу. Пули пролетели где-то рядом, срывая листву. Я прилёг, укрывшись за комель дерева. Трава и кусты не позволяли видеть, откуда вёлся огонь. Ясно было одно, что работает группа прикрытия. Через пять-семь ми-

нут возникла пауза, и я вновь сделал короткую перебежку вперёд. И лишь краем глаза увидел, как мелькали фигуры среди деревьев уже по ту сторону моста, которых насчитал около десяти. Хотя и успел послать вдогонку две короткие очереди, но ответный плотный свинцовый град заставил меня снова прижаться к земле.

Когда всё стихло, лишь запах гари витал в воздухе и прослойка дыма висела под пологом деревьев.

Асфальт был измазан кровью, несколько лоскутков ткани с комьями земли валялись на мосту, что уже подтверждало поражение живой силы. Очевидно, что группа сопровождения или прикрытия унесла с собой тела убитых.

«Слава Богу!» – глубоко вздохнув, сказал я вслух и на какое-то мгновение устремил взгляд в небо. Потом неторопливо смотал провода и, тихонько про себя напевая свою любимую «Тёмную ночь», уверенно зашагал в направлении блокпоста.

Навстречу мне бежали пятеро бойцов. «Евсей», живой! Чёрт тебя побери! Устроил там войнушку! – похлопывая по плечу, радовались ребята. – А мы выждали по времени, как сам указание давал. Всякое можно было подумать. Ну, молодец! Главное, живой и без царапины!»

На блокпосту меня встретил старший, которому я подробно доложил о произошедшем, а тот в свою очередь сообщил при мне командиру батальона. Однако, судя по выражению лица, наверху эту новость восприняли весьма сдержанно. Уже потом, час спустя, меня нашёл командир разведки и после расспросов признался об отмене некоего секретного рейда, спланированного ранее именно на сегодня, а случившееся явилось тому причиной. Как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает», – в таком контексте мы закончили начатый разговор.

Уже на следующий день украинские СМИ обвинили донецких «террористов» в разрушении моста в Марьинке, чтобы жители не могли передвигаться на автомобилях и чтобы парализовать движение рейсовых пассажирских автобусов. Антинародная истерия против жителей ДНР и ЛНР, немыслимые обвинения в адрес России в агрессии против Украины, блокада Донецкой и Луганской территорий, карательные операции и массированные обстрелы мирных сёл и городов из тяжёлого вооружения в это время как раз набирали обороты в самых уродливых формах со стороны киевской власти. И в таких условиях крайне важно было правильно ориентироваться и принимать грамотные решения именно командирам подразделений народного ополчения на линии соприкосновения с противником. Хотя и не всегда получалось так, как хотелось, но сохранялся главный фактор – боевой дух каждого защитника.

Один раз вражеский снайпер обстрелял блокпост. Слава Богу, никто не пострадал. Я находился в окопе и наблюдал за местностью. Пуля по касательной угодила в металлический браслет от наручных часов и оборвала его. Чтобы перехитрить снайпера, я медленно опустился на дно, а автомат оставил лежать на бруствере. «Всем пригнуться, не высовываться! Передать остальным!» – крикнул другим, а затем взял автомат соседа и предупредил, чтобы меня прикрыл только пулемётчик. Сам скрытно двинулся в обход. Где-то через полчаса ползком на местности пытался обнаружить хотя бы примерное место огневой точки. Ещё через какое-то время снайпер сам себя выдал очередным выстрелом. Этого стало достаточно, чтобы подобраться сзади ближе к «объекту» поиска. В конце концов, выбрал две цели, наиболее характерные и подходящие для укрытия. От напряжения сердце колотилось как у зайца. Чутьё подсказывало проверить очередь сначала куст, который выглядел погуще, а потом уже отработать вторую цель.

Выдох, три секунды, короткая прицельная очередь... Есть движение! Я тут же добавил

ещё несколько раз. Минут пять лежал без движений и для страховки поразил вторую цель. Когда перебежками добрался до первой цели, сразу стало ясно: не ошибся.

Под маскировочной накидкой ничком лежало ещё не остывшее тело человека невысокого роста, в зелёном комбинезоне, рядом винтовка с оптическим прицелом, надкушенное яблоко... При осмотре снайпер оказался женщиной; на шейном позвонке татуировка в виде крестика соответствовала символическому знаку принадлежности к «ремеслу», а за левым ухом – латинская буква «эл»; в двух подсумках, кроме аптечки, находились разные предметы (карандаш, линзы, зеркальце, иголка с ниткой, фонарик и т. д.) и две обоймы с помеченными пулями калибра 7,62 мм; два бросковых самодельных ножа; на шее, скорее, в качестве оберега каплевидная янтарная бусинка.

По всем признакам, убитой оказалась не просто молодая женщина, на вид около 30 лет, и обученная снайперскому делу, а наёмник со стажем, по национальности литовка, имеющая именной код в Лиге или братстве ветеранов. Впрочем, сейчас мои выводы особой значимости не имели, ибо здесь свои законы и выбирать не приходится: «Либо ты, либо тебя!»

На сей раз обошлось, и я выиграл дуэль. Но так бывает не всегда. И существующим «золотым» правилом: «Никогда не недооценивай противника!» пренебрегать никак нельзя.

К слову сказать, это был второй случай, когда пуля снайпера ошиблась на какие-то сантиметры от попадания в голову. «Тьфу, тьфу! Хоть бы не сглазить!» – подумал я и перекрестился.

Вечером начался обстрел реактивными снарядами из «Градов». С воем и шипением они падали на прилегающей территории, разрушая жилые дома, хозяйственные строения, опоры линий электропередач и другие коммуникации. Обычно оставшиеся жители укрывались в погребах и подвалах, а ополченцы в окопах.

Под утро к блокпосту подъехал местный житель на своих стареньких «Жигулях» и сообщил, что недалеко, прямо на проезжей части, торчит снаряд.

Ну, что ж! Дело привычное, необходимо проверить информацию. Не теряя времени, взял с собой сапёрный подсумок и пешком направился проверить дорогу. Пока дошёл до неразорвавшегося снаряда у обочины, обнаружил неразорвавшуюся мину калибра 82 мм. На разминирование ушло около 20 минут, хорошо, что почва была рыхлая, и без труда удалось вывернуть взрыватель.

«Да, вот она, сволочь! – недовольно выражая эмоции, больше всего я боялся, что достаточно проехать рядом большегрузной машине и от вибрации снаряд может сработать. – Так, надо сначала перекрыть дорогу!»

Дождавшись очередной машины, я попросил водителя и пассажира остановить движение автотранспорта и указал им границы безопасного участка. Честно говоря, после осмотра полутораметровой «дуры» надо было торопиться: она довольно сильно разогрелась под лучами солнца.

И надо же случиться такому! Я уже протянул провода и только хотел подорвать, как откуда-то из-за кустов выскочил чёрно-белый любопытный пёсик, который явно не собирался покидать смертельное место. Дважды пытался я поймать собачонку, но животное убегало в сторону и выжидало, когда я удалюсь. Выручила, как всегда, смекалка. Подозвал к себе одного из добровольных помощников, привязал к шпегату пучок травы, попросил мужчину затеять игру с пёсиком и таким образом увести на безопасное расстояние. После благополучного подрыва ко мне подошла пожилая женщина, которая, как оказалось, искала своего сына, который ушёл в народное ополчение и уже почти месяц не даёт о себе знать. «А вот скажите мне, где ещё ополченцы стоят? – спросила она, теребя в руках фото-

карточку сына. – Если командование не знает, если в подразделениях, где я уже спрашивала и узнавала, тоже не знают, – куда мне идти, к кому обратиться?»

Я, с трудом подбирая слова, попытался успокоить несчастную мать и добавил своё видение: «...а сейчас вам не стоит разъезжать вокруг линии фронта. Во-первых, это опасно для жизни, а во-вторых, находился бы он здесь, наверняка бы нашёл способ сообщить о себе. Думаю, сейчас вам надо ехать в Донецк, обратиться с письменным заявлением о пропавшем сыне в комитет обороны ДНР, что размещается в Доме Правительства, и, пожалуй, ждать хороших вестей. Да, ещё один совет: там же, в Доме Правительства, обратитесь в Донецкую телерадиокомпанию, они помогут показать по телевидению фото вашего сына и ваше обращение. Может, кто-то и откликнется?»

После разговора мы расстались. А я долго ещё, усевшись на обочине дороги, пребывал в раздумьях: вспоминал свою старенькую, больную маму, которая осталась далеко в России и ждала моего возвращения; вспоминал недавно погибшего молодого парня, которого забрали домой родственники; вспоминал тела женщин, детей, стариков, убитых снарядами и минами; вспоминал бесстрашную старушку, которая обратно вернулась в свой разрушенный дом с узелком в руках и не свернула с дороги, когда рядом рвались снаряды...

Через две недели, к моему удивлению, эта женщина снова приехала в наше расположение, но уже не сына искать, а меня найти. И когда мы встретились, Анна Никандровна рассказала о том, что сын её, Антон, похоронен под Горловкой, ополченцы помогли ей, показали место захоронения, передали личные вещи и документы. Она обнимала меня и плакала. Не удержавшись от слёз, я обещался честно защищать землю Донбасса и отомстить фашистам за погибшего сына. На прощание Анна Никандровна подарила мне на память православный образок, который до сих пор храню как оберег.

Разные встречи случались с людьми. Помню ещё одну памятную встречу с местным жителем Марьинки, который совсем рядом жил в собственном доме. После первых обстрелов осколком ранило его жену, и он вывез всю семью к сестре в Донецк, а сам остался. По возрасту был старше меня, двадцать пять лет проработал на шахте, поэтому страдал хроническим лёгочным заболеванием, но каждый день старался чем-то нам помочь: то нужный рабочий инструмент принесёт, то аккумулятор достанет, то продукты для нас закажет через родственников и знакомых.

Я не знал его фамилии, но звали Геннадием Григорьевичем, из потомственных донских казаков. Как-то раз во дворе его дома мина упала на грядку и не разорвалась. Ясно, что Геннадий Григорьевич позвал именно меня и показал прилетевший «подарок». Мину я обезвредил и только собрался уйти, как хозяин настоятельно пригласил в жилище. «А вот эта комната – смысл моей жизни. Всю жизнь я собирал материалы о своей родословной, – с гордостью пояснил Геннадий Григорьевич о семейных реликвиях и предках. – На этой фотографии мой прапрадед с сыновьями – Иннокентий Власевич, участник Крымской войны, а эта шашка деда Григория Васильевича, это – грамота на пользование землёй, жалованная царским Указом, это – фотографии моих дядей, погибших в годы Великой Отечественной войны... Отец четыре года воевал и домой вернулся. Дважды был ранен, освобождал Киев от фашистов, а сейчас украинские фашисты нас уничтожают, свой же народ! Где же мораль?..» Я молча слушал, осматривал семейные предметы, пожелтевшие письма с фронта, старые фотографии, различные награды, именные вещи... и всё более убеждался в правоте слов хранителя и продолжателя родовой династии: «Это земля моих предков, политая потом и кровью во имя будущего, а значит, я сегодня должен защищать честь и сохранить память...»

А дальше... Дальше случилось то, что не должно было случиться. Я со своими ребятами двое суток был на задании с выездом, и только после возвращения мне сообщили, что Геннадия Григорьевича больше нет. Оказывается, во время обстрела в ночное время прямым попаданием снаряда в дом его убило. За телом приезжали родственники и увезли в Донецк. Я был потрясён случившимся. Что это, роковое стечение обстоятельств? Да, все мы ходим под Богом, но как привыкнуть к несправедливости. Увы, никто не даст ответа.

И пока на Украине до сих пор продолжаются боевые действия, жестокие и бессмысленные, несправедливость будет доминировать в сознании «поджигателей» и сочувствующих. Но я знаю, Донбасс никому не покорить! Да будет так!

20 марта 2015 года.

ЗЫРЯНСКИЙ МИР:

визуальная этнография коми

Виктория
ВЛАСОВА

Виктория Владимировна Власова, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, кандидат исторических наук. Сфера научных интересов: этнокультурные и этноконфессиональные процессы на европейском севере, государственно-конфессиональная политика (история и современное состояние), религиозные практики и религиозные институты, вопросы этнической и конфессиональной идентичности, визуальная антропология. Автор порядка 100 научных работ, в том числе монографии «Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни» (2010).

«Сегодня в клубе...»:

фотоматериалы этнографа Л. Н. Жеребцова
1950–1960-х гг.

С именем Любомира Николаевича Жеребцова (1925–1991) связано становление и развитие этнографических исследований в Коми филиале АН СССР. Более четверти века он возглавлял вначале группу этнографов филиала, а затем сектор этнографии Института языка, литературы и истории. Первым опытом полевых исследований Л. Н. Жеребцова стала этнографическая экспедиция в северные районы Коми АССР, состоявшаяся в 1950 г. под руководством В. Н. Белицер, ведущего специалиста по этнографии коми и коми-пермяков. За два месяца исследователи посетили 10 поселений (Кожва, Усть-Уса, Щельябож, Мутный Материк, Усть-Цильма, Ижма, Бакур, Сизябск, Подчерье, Троицко-Печорск). В этом же году Л. Н. Жеребцов совместно с младшим научным сотрудником О. Н. Воздвиженской обследовал бас. Лузы и Сысолы, верховья Вычегды. Усть-Куломский, Летский, Прилузский, Сысольский, Сыктывдинский районы. В 1951–1954 гг. состоялись его выезды в Удорский, Усть-Вымский, Железнодорожный, Усть-Усинский, Сторожевский, Корткеросский районы. Вплоть до первой половины 1970-х гг. Л. Н. Жеребцов практически ежегодно выезжал в этнографические экспедиции, география которых простиралась от Кольского полуострова до Алтайского края.

С первых экспедиций фотофиксация (традиционных поселений, домов, одежды, обрядов, а также «меняющегося в процессе социалистических преобразований облика села») была обязательной практикой экспедиционной работы, отмечалось, что «современную этнографическую экспедицию нельзя представить себе без фотоаппаратов и фотосъёмки». В секторе этнографии ИЯЛИ Коми НЦ сохранились плёнки (негативы) этнографических экспедиций Л. Н. Жеребцова, которые датируются 1950 – началом 1970-х гг., часть из которых вошла в научные отчёты, но не была опубликована и остаётся неизвестной широкой публике.

Для создания целостной картины развития общества, объяснения влияния исторических событий на жизнь конкретного человека и его окружение представители разных гуманитарных дисциплин обращаются к исследованиям повседневной жизни в разные исторические эпохи. Изучению различных аспектов советской повседневности, таких, как мода, досуг, культура питания и др., в настоящее время посвящено зна-

Агитпункт, с. Сторожевск, начало 1950-х гг.

Клуб в с. Кослан, начало 1950-х гг.

чительное число работ отечественных и зарубежных учёных. Культура и досуг являлись сферами, которым советское государство уделяло пристальное внимание с первых лет своего существования, прибегая к этнографическим знаниям на разных этапах определения и реализации собственной политики (социалистического строительства, решения национального вопроса). В 1951 г. на Всесоюзном этнографическом совещании на первый план перед этнографами выдвигается задача изучения современной культуры и быта социалистических наций СССР. В качестве главных проблем этого изучения были обозначены проблемы «формирования нового человека» и «социалистической перестройки быта в условиях различных по своей национальной форме культур» (Алымов, 2006: 185). Неудивительно, что в 1950–1960-е гг. этнографы Коми филиала АН активно работали над темами «Изменение культурно-бытового уклада населения Коми АССР в период строительства социализма», «Развитие культуры в период развёрнутого строительства коммунизма», «Культура и быт сельского населения Коми АССР», «Культура и быт населения лесных посёлков».

В 1966 г. Ю. В. Гагарин и Л. Н. Жеребцов подготовили научный отчёт «Культура и быт сельского населения Коми АССР», отметив, что работа по сбору материала была начата ещё в середине 1950-х гг. В 1968 г. была опубликована их книга

Объявление о лекции Л. Н. Жеребцова, с. Покча, 1962 г.

Лектор общества «Знания» на лекции по атеизму, 1963 г.

Слушатели лекции по атеизму, 1963 г.

Бильярд в клубе
дер. Лопыдино,
нач. 1960-х гг.

В читальне,
с. Кослан,
начало 1950-х гг.

В библиотеке
с. Мордино,
1963 г.

Колонна пионеров
на празднике,
с. Летка, 1959 г.

Выступление
школьников,
с. Летка, 1959 г.

Выступление
на концерте,
с. Летка, 1959 г.

Волейбольные состязания,
с. Летка, 1959 г.

«Быт и культура села», в которой этнографы демонстрировали «динамику советских преобразований в общественной и культурной жизни села, уделяя при этом значительное внимание дореволюционному и раннему советскому периоду» (Гагарин, Жеребцов, 1968: 6). В этой книге число иллюстраций минимально: помимо нескольких фотоснимков 1920–1940-х гг., присутствуют фотографии передовиков производства, беседы агитатора на полевом стане, праздника наречения имени, участников группы художественной самодеятельности, посетителей библиотеки и медицинского пункта, а также воспитанников детского сада. Отсутствие иллюстраций кажется несколько странным, ведь фотосъемка стала неотъемлемой частью этнографических экспедиций, в ходе которых материалы фиксировались как для научного изучения, так и в качестве иллюстрации этнографических реалий. В фотоархиве Л. Н. Жеребцова сохранилось значительное

13

Прыжки в длину, с. Летка, 1959 г.

Зрители в зале
на спектакле,
с. Летка, 1959 г.

В будке киномеханика,
с. Бакур, 1961 г.

Перед началом сеанса,
клуб пос. Мехбаза, 1958 г.

Летняя
танцплощадка,
с. Кослан,
начало 1950-х гг.

Танцевальный вечер
в с. Сизябск, 1961 г.

Танцевальный вечер
в с. Сизябск, 1961 г.

число кадров, характеризующих «культуру и быт» сельского населения Коми АССР 1950–1960-х гг. Некоторые фотографии были включены в альбомы иллюстраций, прилагавшиеся к научным отчётам о работе экспедиций. Большая часть снимков (в клубе, библиотеке, магазине) не являются постановочными в том смысле, что они не демонстрируют искусственно созданные сцены в заранее подготовленных интерьерах: люди на фотографиях знали о присутствии фотографа, но не всегда знали, кто именно и в какой момент попадёт в кадр.

Характеризуя культурную жизнь коми села, Л. Н. Жеребцов и Ю. В. Гагарин писали, что «с победой Октябрьской социалистической революции в Коми крае бурное развитие получила культура: все её блага стали достоянием народных масс», обращая внимание на работу культпросветучреждений (Гагарин, Жеребцов, 1968: 111, 114). Клубы, Дома (Дворцы) культуры, объединявшие в одном здании актовый зал / кинозал, библиотеку и помещения для досуга, стали важнейшей составляющей в организации культурного досуга на селе. По сведениям Л. Н. Жеребцова и Ю. В. Гагарина, в 1946 г. в сёлах Коми АССР работало 214 клубных учреждений, в том числе 140 изб-читален, а в 1956 г. – число клубов достигло 416. Долгое время библиотеки находились при клубах, к концу 1950-х гг. они стали самостоятельными учреждениями, и их число значительно выросло (Гагарин, Жеребцов, 1968: 130–131). Клубы (Дома культуры) в сёлах располагались в зданиях бывших церквей или в частных домах, реже в специально построенных зданиях (фото 1, 2). По сведениям Л. Н. Жеребцова, до 1961 г. клуб и библиотека в с. Сизябск находились в «бывшем кулацком доме»: библиотека была на втором этаже, на первом – клуб. В 1961 г. они были размещены в новом двухэтажном здании, построенном на самом высоком месте. В с. Бакур клуб находился в «бывшем церковном здании» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 66. Л. 21). В посёлках лесозаготовителей

строились типовые двух- или одноэтажные клубы. В 1963 г. в 86 посёлках лесозаготовителей Усть-Куломского района было 19 клубов, 20 красных уголков, в них 27 стационарных киноустановок (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 92. Л. 53).

В ходе экспедиций этнографы активно собирали данные о работе сельских клубов и библиотек. Так, характеризуя работу культпросветучреждений Троицко-Печорского района в 1952 г., исследователи отметили, что в районе функционируют шесть сельских клубов, пять изб-читален. За год было проведено 208 лекций и бесед, прошли спектакли и концерты (81), киносеансы (231); были подготовлены стенгазеты (121 выпуск) и боевые листки (157 выпусков), проведено 365 вечеров молодёжи и танцев. Лекции читали «о вождях, великих стройках коммунизма, дружбе народов и советском патриотизме, на медицинские, сельскохозяйственные, технические темы» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 21. Л. 221). Просветительная и пропагандистская деятельность являлись, по мнению исследователей, важнейшими направлениями культурно-просветительской работы, основной формой которой стало чтение лекций и проведение тематических вечеров. Лекции читали представители местной интеллигенции и активисты, представители райкомов и обкомов КПСС, приглашённые лекторы общества «Знание», а также и сыктывкарские этнографы (фото 3–5). Судя по сохранившимся фотографиям, лекции Л. Н. Жеребцова были связаны с антирелигиозной работой на селе, о чём свидетельствуют их названия: «Происхождение христианских праздников», «Был ли Иисус Христос».

Своеобразным «клубным минимумом» в этот период являлись сцена и зрительный зал, в новых зданиях были устроены вестибюли для игр в бильярд и настольный теннис, комнаты для работы кружков. Небольшой бильярдный стол могли установить и в общем зале (фото 6). Для оформления клубов использовались портреты

руководителей партии и правительства, политические плакаты и лозунги, стенгазеты, доски почёта, диаграммы, отражающие экономические показатели, перспективные планы и т. д. Исследователи отмечали, что некоторые клубы находятся в неудовлетворительном состоянии: плохое состояние помещений, отсутствие наглядной агитации (Гагарин, Жеребцов, 1968: 144-145). В июне-июле 1961 г. художник, входивший в состав этнографического отряда, руководителем которого был Л. Н. Жеребцов, принял «активное участие в изготовлении лозунгов и красочных плакатов». Плакат имел большое значение в советской культуре: плакаты, портреты вождей, транспаранты использовались и как инструмент практик по формированию мировоззрения, основанного на ценностях советского государства, и как способ реализовывать просветительскую деятельность посредством визуальных образов и текстов. Изображения, использовавшиеся на плакатах, должны были быть понятными и доступными для всех слоёв населения, как и краткие и яркие послания. На фотографиях интерьеров сельских клубов Л. Н. Жеребцова можно увидеть лозунги «Искусство принадлежит народу», «Претворим решения... пленума в жизнь», «Братский привет всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социа-

19
Танцуют «Шондibanй», танцевальный вечер в с. Сизябск, 1961 г.

20
Гармонист, танцевальный вечер в клубе дер. Лопыдино, нач. 1960-х гг.

20а
Гармонист, танцевальный вечер в клубе с. Сизябск, 1961 г.

*Девушки на вечере танцев,
с. Сизябск, 1961 г.*

*Молодые мужчины на вечере танцев,
с. Сизябск, 1961 г.*

лизм!» и др. Девушки на танцах в с. Сизябск сидят вдоль стены под транспарантом «Да здравствуют советские женщины – активные строители коммунистического общества!» (фото 21). Одним из самых распространённых цветов, используемых для праздничного украшения зданий, был красный, ставший символом рабочего класса и коммунистической партии (Колесник и др., 2023). Помимо революционной и политической тематики, различные плакаты и графики демонстрировали достигнутые и указывали на будущие успехи. И в клубах, и в библиотеках были портреты Ленина, основоположников марксизма, руководителей советского государства, а также репродукции картин, посвящённых революции, её выдающимся деятелям и военной тематике.

Постоянными посетителями клуба и библиотеки были дети и молодёжь. В читальном зале (читальне) не только просматривали журналы и газеты, но и играли в лото, домино, шашки, шахматы (фото 7-8). В 1951 г. библиотека с. Красный Бор Ижемского района выписывала газеты: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Учительская газета», «Социалистическое земледелие», «Труд», «Литературная газета», «Советский спорт», «За новый север», «Вёрлэдзысь», «Пионерская правда», «Печора», «Патриот родины».

Танцевальный вечер в пос. Кажим, нач. 1960-х гг.

По словам заведующей библиотеки, центральные газеты поступали на седьмой-десятый день, республиканские на пятый-шестой (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 21. Л. 8). Библиотеки вели и просветительную работу: устраивали литературные вечера, обзоры литературы, выставки книг.

Как правило, при клубе (Доме культуры) работало несколько кружков художественной самодеятельности: танцевальный, музыкальный (хоровой, инструментальный), драматический. Помимо них были спортивные кружки, кружки кройки и шитья, агро- и зоотехнические. В 1951–1952 гг. были и кружки по изучению биографии тов. Сталина (с. Коровий Ручей), краткого курса истории ВКП(б) (с. Коровий Ручей, дер. Мамыль). В этот период каждая знаменательная дата советской истории закономерно становилась поводом для проведения смотров, конкурсов самодеятельного творчества, одно из таких культурно-спортивных мероприятий было зафиксировано Л. Н. Жеребцовым в с. Летка в 1959 г. (фото 9-14). Участники ху-

дожественной самодеятельности регулярно выступали перед односельчанами: спектакли и концерты проходили непосредственно в клубе или на открытой сцене, в период сенокоса концерты проходили прямо в полях. Не менее популярны были и спортивные состязания (волейбол – летом, лыжные гонки – зимой).

На протяжении многих десятилетий кинематограф являлся неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека. Исследователи отмечали, что в кино охотно приходят даже старики и старухи. Заведующий клубом с. Коровий Ручей И. И. Носов сообщил исследователям, что в 1951 г. в клубе два раза в неделю демонстрировались фильмы, а во время сенокоса через день работала «передвижка». В августе этого года демонстрировались кинокартины: «Богатая невеста», «Закалённые», «Клятва», «Повесть о настоящем человеке» (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 21. Л. 3). В 1960-е гг. во многих клубах почти ежедневно проходили два сеанса: для детей и для взрослых

(фото 15-16). Однако были и такие сёла, где «кинообслуживание налажено слабо, кино не бывает месяцами».

Для сельской молодёжи одной из самых популярных форм проведения досуга оставались танцевальные вечера, которые, как правило, превышали своим числом остальные мероприятия. Этнографы отмечали, что работа отдельных сельских клубов сводилась к демонстрации кинолент и проведению танцевальных вечеров молодёжи (Гагарин, Жеребцов, 1968: 151). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в клубах танцевали под гармонь и баян, популярными танцами тех лет были: краковяк, «шондыбаной», фокстрот и вальс (фото 18-20). Судя по фотографиям, танцы, как правило, проходили в кинозале / актовом зале, чтобы освободить пространство, перед их началом многоместные секции кресел сдвигали к стенам. Наблюдая за танцевальными вечерами в Ижемском районе в 1961 г., Л. Н. Жеребцов отметил, что в клубе на танцах большинство танцующих пар составляли девушки. Молодые мужчины, как правило, сидели вдоль стен, и немногие из них танцевали. Схожую картину можно на-

блюдать на фотографиях с танцевальных вечеров этого времени и в других населённых пунктах (сёлах Лопыдино, Мордино, посёлке Кажим) (фото 19, 21-23).

В центральных журналах конца 1950-х – начала 1960-х гг. регулярно публиковались фотографии восхищённой публики в театрах, концертных залах; занятий и выступлений кружков самодеятельности, а также людей, читающих газеты или книги (де Кегель, 2008: 445). Подобные изображения рядовых граждан имели большое значение для саморепрезентации советского государства как общества, в котором «социалистические преобразования» привели к «росту уровня образования и культурного развития населения». Тот факт, что фотографии коми этнографов не использовались в публикациях, можно объяснить не всегда хорошим качеством (проблемы с освещением, сложности съёмки движущихся объектов и т. п.), а также тем, что эти изображения не вписывались в конструируемый и тиражируемый властями образ советской действительности (порой весьма скромное оформление сельских клубов, одежда сельской молодёжи и т. п.).

Гагарин Ю. В., Жеребцов И. Л. Быт и культура села. Этнографические очерки по общественному быту и культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. 171 с.

И. де Кегель. Симуляция изобилия? Визуализации советской культуры потребления в 1960-х гг. // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 437-445.

Колесник М. А., Лещинская Н. М., Омелик А. А., Ермаков Е. К. Искусство оформления массовых советских праздников (1918–1923 гг.). Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. № 16 (11). 2023. С. 1918-1935.

НА КНЦ – Научный архив Коми научного центра УрО РАН.

Литература сегодня

Татьяна
ОСТАПОВА

Татьяна Александровна Остапова

чужис 1962 вося июнь
15 лунё Важгорт сиктын.
Совхозлөн направление
серти помалис СГУ-ын
экономика факультет,
сэсса 16 во уджаліс
совхозын главнэй
экономистён да 23 во
Сбербанкын. Олө аслас
чужан сиктын. Прөст
кадө радейтө туявны
мам-батьлысь, пöль-
пöчлысь вужъяс да важъя
оланног.

Ачым лоа Кудінса

Усть-Кула – ичөтик коми сиктъяс: Кудін, Катша, Митьöв сикт да Матвей Яг. Найö сулалісны коркө Вашка вудорын. Гөгөр мича видзьяс, тыяс и озыр вөр-ва. Олісны сэні старöверъяс – уджач да сьöлöма войтыр. Медводдзаысь архивын казътылöма найöс 1742 воын. Но историяыс сиктъясылөн ёна на вöдздзык заводичöма.

Анна Сивковалөн «Крестьянское родословие» небöгысь позьö аддзыны, мый 1678 вося Яренскöй уездса переписной книгаын медводдзаысь висътавсьö кудінса олысьяс йылысь. Гижöма, мый медбөръя 15 онас Усткава (Усть-Кула) деревня-ын лыдö сюрöма 6 овмös. Быд керкаын олöмаось ай-мамыскöд тшöтш пияныслөн семьяс. И овныс вöлöма ставлөн – Бутырев. Сё во мысти, 1785 воын, Важгортса Вознесенскöй вичкоса метрическöй книгаын позьö нин аддзыны Кудінса Плаксинъясöс да Долгинъясöс. Гашкө, найö и вöдздзык на во-исны Кудинö овны, но старöверъяс кутчысисны асланыс важъя эскöмö, кевмысисны нэмöвöйся книгаяс серти, эз ветлыны вичкөй ни венчайтчыны, ни пыртчыны, ни чужöм кагаös ку-пайтны, ни кулысьясöс молитны. Став обрядсö нуöдісны ась-ныс. Та понда найö дыркодь эз сюрны метрическöй гижöдъясö. Кыдзи збыльвылас вöлі, некод нин оз тöд. Сöмын тöдам, мый Долгин овныс рочысь воöма Вашка вылö. Пöль-пöчьяслөн сёр-ни серти, кудінса Долгинъяслөн вужйыс локтö Новгородскöй муясысь.

Коркө кудінса сиктъясын олöмыс пуус. Ставөн асывсянь да рытöдз уджалісны видз-му вылын, видзисны скöт, кылöдісны вөр, стрöитчалісны, гöтрасялісны, чужталісны челядь. Вывті

сьöкыд крестьянскöй удж, кок йылысь пöрöдана тöдтöм висьöмъяс, гöльлун, тшыглун, уна мукöд мытшöд пыр прöйдитісны миян пöльяс да пöчьяс, батьяс да мамыяс. Но эз бырны, эз вошны, а сьöкылунъяс вöсна лоины вынаджыкөн.

Кöленаысь кöленаö найö вуджöдісны тöдöмлунъяс, эскисны югыд аския лунö. Кудінын, Катшаын, Митьöв сиктын да Матвей Ягын олысьяслөн рöд паськаліс. Öні йылöмыс олö миян страна са каръясын да сиктъясын. А 1920 воын тайö сиктъясас олöма 182 морт (38 овмös). Комынод воясянь уджаліс «Пламя» колхоз. 1959 воын кольöма 72 морт. 1968 воын «Пламя» колхоз вуджöдісны Важгортö «Вашкинский» совхозö. А 1974 воын Усть-Кула киритісны учётной гижöдъясысь.

Но миянлы оз позь оровтны йитöдсö, вунöдны пöль-пöчьяслысь оланногсö, чужан местаяссь. И медсясö оз позь вунöдны налысь дзеванінъяссь. Колö быдöнлы аддзыны кад да волыны сэтчö, вильмöдыитны крестъяссь, весавны пуяссö да бадъяссь гуяс дорысь, чöвтны пернапас, муöдз копыртчывны, прöща да пöсöб корны му вылын олысьяслы. Ми – вöйна бöрын чужöм кöлена, олім бурджык кадö, эг прöйдитöй пужсö, код пыр мунісны пöль-пöчьяс, и донъявны налысь оланногсö миянлы сьöкыд. Но колö век помнитны, мый

найö олісны миянлөн югыд аскиалун вöсна. Кыдзи страна пасьта став йöзыс, сідз жö и ичöтик Кудін сиктын уджалысьяс да войनावывса геройяс матыстісны Победа лун. Миян сьöлöмын найö кольöны чужан сиктнымлөн, странанымлөн вернöй да повтöм пиянөн. Унаөн олöмнысö сетісны ыджыд тышкын. Кодъяскö бөр воисны, ылі тöдтöм муö дзоньвидзалуннысö кольöмөн, но морöс тыр медальён. Ми, Кудін вужъя йöз, гöрдитчам асланым геройясөн.

Катша сиктын чужлісны, быдмисны да лоисны Коми Республика да Россия пасьта нималана йöзөн:

– **Дмитрий Ильич Плаксин**, ачыс Катшаысь, вöйнавивса ветеран. Воис бөр гортас геройён, младшöй командиръяс пöвстын Коми Республикаын дзик öти морт, кодöс наградитöма Боевöй Гöрд Знамя орденён куимысь. Нöшта на сьлөн вöлі «За оборону Ленинграда» медаль. Войнабöрся медся тшыг воясö уджаліс председательён «Пламя» колхозын.

– **Евгений Дмитриевич Плаксин**, Дмитрий Ильичлөн пиыс, лои зэв нималана хирургён, пыдди пуктана да йöзлы колана мортён. Сійöс тöдöны Россия пасьта. Президент В. В. Путин 2008 воын наградитіс Евгений Дмитриевичöс «За заслуги перед Отечеством» II тшупöда орденён.

– **Илья Африканович Бутырев** чужліс Катша сиктын. Медводдзаяс лыдын котыртіс Вашка вылын «Пламя» колхоз. Уджавліс Коми Республикаса вузасян министерствоын, зэв тöлка веськөдлысьён вöлі. Коми АССР-са народнöй овмöсын да культураын заслуженнöй уджалысь. Наградитöма Трудöвöй Гöрд знамя орденён, медальясөн.

Кудін, Катша, Митьöв сикт да Матвей Яз! Тайö нимъяссö шуан, да кымынкö мортлөн ёвкнитлас сьöлöмыс! Кымынкö морт чышкыштас синва! Мыйысь? А сыысь, мый вужъяснаныс да ловнаныс нэм кэжлö кольöмаöсь медся озыр пувъя ягъясас, мырпома нюръясас, югыд тыясас, дзоридза видзясас, визув Ку ю дорас, сöстöм Вашка ву дорас!

Талун юкся тіянкöд менам мамöлөн казътылöмъясөн, коді Кудін сиктын чужліс и оліс. Мамöс шуöны Мария Алексеевна Лукина (Долгина). Комиён кө, Öльöш Маш. Менам мамук – сьвет вылас медмуса да меддона морт! Менам сьöлöмшöр, менам борд! Сылы 91 арöс (1932 вося). Ичöт тушаа, варов ки-кока, йöз дорö сибалысь коми ань. Челядьдырыс веськаліс вöйна кадö. Дас кыкнас пырис колхозö. Сэсся нэмсö уджаліс скöт дорын. Трудöвöй книжкаас мебöръя гижöдыс 2004 воын.

Кутö тöд вылас зэв уна и ставнысö, кодкөд слöймылöма быдмыны, овны, уджавны. Помнитö, кымын керка быд сиктын вöлöма, кодъяс олöмаöсь. Гашкö, кодлыкö интереснö лоас, кодöскö тöдмаланныд сьлөн висьталöмысь. Эн дивитöй, кодöскö кө вунöдіс. Уна ва нин визувтöма сійö кадсянныс. Казътылöмъяссö гужи вашкаса кывсикас вылын, кыдзи мамö сёрнитö, сідз и гужи. Лоöны кө лыддьысьысьясянь кутшöмкö пасйöдъяс, содтöмъяс, позьö öтвылысь пыртны вежсьöмъяссö тайö гижöдас. А ме и вöдзö вылö кута юксьыны Усть-Кула сикт йылысь казътылöмъясөн, снимокъясөн, кодъясöс видзöмаöсь дед-бабөн шуысьяс семейнöй альбомъясас.

Тайö ыджыд уджсö сиам ставлы, кодъяс чужлісны, овлісны, уджавлісны тайö ичöт сиктъясас, кодъяслөн вужъясыс сійö местаяссьыс, кодъяс помнитöны и вуджöдöны асланыс челядьлы дед-баб оланног йылысь висьтъяссö.

Менам дона мамлөн олан туй

Казытылө ас олөм, ас чужан сикт йылысь Мария Алексеевна Лукина (Долгина):

Ачым лоа Кудінса (Усть-Кула грездысь). Сэтчө тшөтш пырисны Катша, Матвей Яг да Митьөв сиктьяс. Менам быдмигөн Кудін сулаліс 5 верст Пөгөст (Важгорт) кывтчöсын шуйгавылын, а мукöд куим сиктыс веськыдвылын. Но зэв-зэв важөн Вашка юыс кывтöма Кудін сайті. Век на важ ковтысыс тыдалö. Сэсса Вашка вежöма ковтыссö да оровтöма Кудінсö мукöдысь. Уна керка кылöдöма ыджыд ваыс, быд во пластөн-пластөн берегсö буждöдöма. Абу ставлөн тырмöма выныс да мужичöй кийс, мед разны керкасö да пыдöджык выльысь лэптыны. А керка-ясыс вöлöмаöсь зэв ыджыдöсь, джуджыдöсь, райскöй (ыджыд) сараяöсь, звöзаöсь, мукöдыс и кык судтаа. Öти керкаас олöмаöсь кык-куим семьяён (мам-бать да челядьлөн семьяяс).

Менам бать – Арсей Öльöш, мам – Аркадь Öгей. Кыкнанныс колхозникъяс. Айö 1915 воын ветліс служитны роч армияö. Фото улас 1917 во пасйöма. Арсей Öльöш батьöлөн чой-вок: Арсей Öдэй, Арсей Сашка, Арсей Кöсча, Арсей Марей (Öльöшкöд двöйня). Аркадь Öгей мамöлөн чой-вок: Аркадь Маша, Аркадь Анэй, Аркадь Сандра, Аркадь Ваня.

Ай-мам мырсисны лун и вой, миянöс, 5 чоя-вокаöс, быдтісны: Ваня, Коля, Вася, ме и Лидя.

Арсей Öльöш. 1917 во. Аркадь Öгей. 1971 во

Кутшöм удж сöмын эз ковмывлы вöчны колхозникъяслы: гөрны-көдзны, ытшкыны, силöсуйтчыны, пуктыны турун, вундыны, вартны, кыскавны турун-силöс, вөр пöрöдны, сир кисьтыны, скöт видзны (курöг, баля, порсь, мөс-кук, вöв). Бать гежыда воывліс гортö, уджаліс вöрын, кыйсис. Став тöждыс, став гортса нокус, челядьöс кок йылö сувтöдöмыс öшйисны мамöлөн пельпом вылö.

Овмөс миян вöлі йöзлөн кодь жö. Гид тыр скöт. Мөскыс некор эг ордчывлö.

Коля, Ваня, Вася, Маша и Лидя.

Ас куканьысь мөстө быдтылім. А өтпыр, помнита, ньоблім. Асланым мөс, гашкө, пöрысь вöлі, либө неминуца суис сійöс, ог тöд. Но гезйөн вайöдісны да гидйö йöртисны зэв рам да мича бана мөс. Ермакөв Мишка да Ермакөв Ваня вузалісны. Найö, кык вок, томджыкна-ныс айöв керкаын öтнаныс олісны. Керка пытшкын нывбаба ки эз на вöв. Абу вермөмаöсь вöдзö видзны мөстө, лоис вузавны. Аркадь Öгей мамö шуис, мый мөс ньобигөн шуом дон-сьыс век унджык колö сетны, мед ставлы сьöлөм вылын лөвкөджык¹ вöлі, вузасьысылы и ньобысылы. Мамö дон вывтійыс на сетіс кос көш² тыр пызь.

Мөс – сійö семья вердысь. Аслад сёян пызан вылө лэптыны век мыйкө да выйым. Да и государствалы сдайтны колö йöв, вый, яй. Нарöшнö яй сдайтөм вылө мамö тутыліс³ балястө. Йöрын быдтім картофел, капуста, лук да редка. Дикöй лук турун батё на угождьöсьыс ваявліс – но и курыд! Капуста пуам сёр арсö да карандасьясö личлалам. Садитлыны морков эз вöв мода. Совла кудінсаяс ветлывліны Нюкчаö, туйыс муніс Паспом пыр. Ву дорын, Кудін ты дорын олім да век чери кыйим, солалім, лым гуын кранитім. Магазинысь тшай, сахар, папирос бурджык ойлуннас ньоблывлім. Кöч ёна кыйисны сэк. Папö прöмыссö нортйөн Субасьысь, аслас угождьöсьыс, 50 километра сайысь кыскавліс. А вöйна кадö и тайö эз вöв – государствалы сдайтөм бöрти эз мый и коль семьялы. Тшыгөм ойлунас косьтөм ур яй пуывлім, гөнейлысь вужсö да гумсö йирлім, сэтöрлысь сылөмсö эг и витлö⁴, кынөн сёйим либө сэтöра шыд пулім. Трудодень вылө сетлісны ид да рудзөг тусь, а изны ветлывлісны Гобрöсь мельничаö. Сійö Кудінладорын. Сэн кириксаяслөн помöд кодь сооруженньö ю вылас вöчöма вöлі, и мельнича сулаліс. Сава Ванька уджаліс. Сэн и оліс, мельнича дорö лэптөм керкаын. Гобрöсьтас помöд дорас ваыс төвбыд эз и кынмыв.

Старöверьяс. Миян семьяын весьöн⁵ старöверьяс вöліны. Мамö рыт и асыв молитчис. Пидзöсчань вылас молитчигöныс лэччыліс. Молитчытөг мөс лысьтыны эз пет. А гидьяс голис мөскыскөд, быттё морткөд. Здöрöвайтчис, юасис мыйкө мөскыслысь, либө ачыс висьтавліс сылы, ошкис да, любитыштіс да. Коркö и бöрдліс мөскыслы: мөс медся бура гөгөрвоис көзйакәс, шогсö сылысь пальöдіс. Пöдöйникыс мамөлөн пуысь. Лысьтысигас да йöвсö сысьялігас век вöмас кутіс пернасö. И пывсянын сідз жö. Старöверьяслөн öсöбöй чась-люська⁶. А лöшка, стöкан, румка вöлі домлалöма сьöд сунисөн, мед некод оз сорсьы.

Кудінын унджыкыс старöверьяс вöліны. Чужигöныс быд мортöс пырталісны старöверö. Прöкей Агей, Микита Наста, Трөпим Агней да Аркадь Öгей мамö главнöй молитчысь старöверьясыс сиктас вöліны. А юрөвöйыс – Трөпим Агней – ачыс гычейса, Кудінö верöс сайö петлöма. Мирскöй молитчысьясыс тшöтш вöліны. Тэсисны⁷ кө старöверьяс да мирскöйяс карезьня дырйи юкын, то молитчисны рöзь. Молитчисны карезьняяс дырйи сьылөмөн. Став молитва юраныс. Старöверьяс и мирскöйяс сёйны пызан сайö пуксисны тöжö рöзь. Молитчысь бабьяс уна эз гольны, некодöс эз дöжнавны. Чужөм челядьöс ась-ныс пырталісны.

Менö чужөм бöрти пырысьтөм-пыр старöверö пыртөмаöсь. Но ме старöверсьыс петі

¹ Лөвкөджык – уд. лөсьыдджык.

² Кос көш – уд. нянь форма вöчан пу чашка.

³ Тутны – уд. быдтыны.

⁴ Витны – уд. виччысьны.

⁵ Весьöн – уд. ставөн.

⁶ Чась – уд. чаша, миска, люська – уд. ичöt пань.

⁷ Тэсны – паныдасьны.

мирскойё, эг ас көсйом серти. Вася вокө пес юкасис⁸, а ме тэчаси. И мед сылы пескыс оз мешайтчы, ме варова кватитала вөлі юкалөм пес чуркаяссө кок горувсьыс. И негөразнө черыс сюри меным көсича дорам. Чегөма лыыс вөлі, вир ульгис. Менө нуөдісны Важгорт больничаё. Сыысь, мыйла общөй сөйөм сөйи, менө мирскойөн кутісны лыддьыны.

Рөштво – сійө празьник Кудінын, Катшавын, Митьөв сиктын, Матвей Ягын. Мамө празьник вөдзас миянөс, ассьыс челядьсө, велөдліс:

– Нолө, петалө ульчас да сод карө Енмыслы. Сійө лэччылас му вылө да ваяс ульлун.

Ми нин төдім тайө обычайсө и любөысь котөртім ывлаё. Сарай бөкас, лым толаас, тшупөдъяз моз тэчлывлім кыммө куйөд гомөльяссө, быттьө сод энэжө. Асьным виччысим празьник.

Кудінын быд семья вөдзвыв лөсьөдчис Рөштво кежлө, быд керкаын виччысисны гөсьястө дорся⁹ сиктьясысь. Вөдзвыв пуисны сур, вөддза лунас пөжалісны пирөг, шаньга, курник, чери жаритісны, пуисны кисель, сюва¹⁰. Асывнас ыджыд пачын шыд, рок пуисны. Бабъяс вой шөрөдз молитчисны. Празьник асылө вөлаяс заводитасны вөлі локтавын сиктьясө. Быд керка дорын вөла додьяс. Керка пөрөг вуджигөн гөсьяс рочакомион лыддьөдлісны көзьяйкалы:

– Ворота открывай, пироги подавай!

Не штшипай, не ломай, а челлөм подавай!..

Куш киён некод эз воывлы **Рөштво вылө**. Коді мыйөн озыр, сійөс сьөрсьыс и вайлывліс. Медсясө пөжас йөрлавлісны¹¹ пызан вылө. А кодкө и курыдтор на нөшта. Быд керкаын гораа нуөдісны сёрни, сылісны, балагуритісны. Кудінын Лёкөев Вася да Арсей Сашка сарайын ёна йөктылісны. Юкөртчывлісны сэтчө став керкаяссьыс том и пөрысь. Митя Сашка, Коля Ваня (ачыс Пөгөстса) рытбыд гудөкөн ворсісны! Уличын мөрөз! Вөмысь ставлөн ру петіс. Көдзыд вылө видзөдтөг гажмөм войтыр зутшөдісны сідз, мый сарайыс быдсөн вөри. Да и пос горувсьыс став скөтсө повзьөдлісны. Берысь¹² и венө волісны, берысь и ёрта-ёртөс зутшөдісны, берысь и потш-майөгөн вылыс-вылысө калісны! Кыдз нө сытөг?!

Со тадз и олім, дружнөя, өтсөгласа. Вывті озырыс некод эз вөв. Озырлуныс ставлөн вөлі өти – уна челядь. Со челядь шыыд да серамыд ёна кыліс сэкъя кадө сиктьясын. Нывзонкаяс ас костын олім зэв лөсьыда.

Ворслім ичөтдырйи ми **битукөн, дзебсясьөмысь**, син тупкам да кутасям. Төвъяснас сарайас вывсянь **чеччалім лым толаясө**. Первой калім крыша вылө ставным, индім вөдитысьөс, гораа лыддим: «Дедушко-о, дедушко-о, дедушко, попольничок! Ты траву-то не коси, ты давай-ка попляши!» И чеччалім, а вөдитысь куталіс. Ворсөм вөлі **чур-черепан**. Метрөвөй бедьястө дасьтылім, пекыль вылө ладмөдім тьөс пом, сы вылө пуктылім банка ли мый ли. Кослім бөрвыв и лөдім очередьөн – колө вөлі инмөдчыны банкаө бедьнас. Метитчан-метитчан, а он на зэв и инмы! Ёна ворсім **шучкөм мачөн**. Мачыс ротысь вурөма, шучкан, да ылө зэв эз и лэб.

Сиктыс сулаліс дзик Вашка ву дорын. Берег дорсянь нин ваыс сьөд джум (он сидзав¹³). Но став челядь век сэн котралісны да ваө лөдалісны мыняястө, а мам-бать эз эштыны

⁸ Юкасьны – уд. поткөдлыны.

⁹ Дорся – уд. орчча, орччөн.

¹⁰ Сюва – уд. чужва.

¹¹ Йөрлавын – уд. перьявын.

¹² Берысь – вым. унаысь.

¹³ Сидзавны – уд. судзны.

видзодны на бөрся. Видзны, төлкуйтны посниястё – тайё вёлі мог ыджыдджык чой-воклён. А кыздкё тай Енмыс видзёма неминуचाысь ставнымёс.

Парокодъяс ветлөдлісны ыджыд вана́с Вашка кузя. Парокод воо́мыд – празньник-сьыс на празньник! Сійё Путшкымдін дорын на локсис, а гудёкыс Кудинёдз кыліс. Катша весьтасөдз видзьяс вомён көмтөг, ордйысьёмён, горзёмён арава челядь пышъям вёлі вёча парокодлы. Сувтліс парокод Лёкёев Мирён керка дорё. Тайё сэтшөм лоёмтор, мый став сикт гызыліс тувсов ва моз: томджыкъяс ректісны груз, верстьё мужикъяс нюшкисны папирос да варовитісны, бабаяс синйысисны, кутшөм төвар воис, а челядь кок улын сорласисны. Отпыр ыджыд вана́с парокод пыраліс Ку ю кузя Матвей Ягёдз, разьём керка нуёдіс Лешуконскё.

Коркё первёй грузёвёй машина мөдлапөвті Діё вайёдісны – дивёыс! Первойысь татшөм чудёсө аддзылім! Ачыс машинаыс вартіс, вөвъястөг! Ыджыд көлесаяс бергалісны асьныс! Кытчөдз машинаыс тыдаліс, сэтчөдз и вөдитім! Машина Катша берег пөлөн, а ми Кудін берег пөлөн, ордйысим быттьё машинаыскөд.

А пуръяс кор кылөдісны! Пуръяс ыджыд шумён кывтісны. Быд пур вылын чом, көн кылөдчысьяс бипур пестылісны, шойччисны, сёйисны. Ми, челядь, пурйыскөд котрасим, горзім пур кылөдысьяслы, мыйкё юасим, мыйкё асьным висьтасим, а найё шумсьыс эз, буракё, кывны мяннёс. Вывті гораа керъясыс кылалісны. Дыр-дыр вөдитчывлім на пуръяс бөрти, радлім нинөм абусьыс. Ыджыд вана́с зэв уна пур кылөдлісны. Быд колхоз Вашка кузяыс төлын вөр лэдзліс, а тулысын кылөдліс. Быд пур вылын морт, киас сылөн зэв кузь багыр. Багырөн веськөдлісны пурсё, мед оз сибды да берегас оз тшук. А став пур бёрын пыжён кывтіс квөстөвёй – рөбөтшөй, коді лоём-карёмысь отсөг вылө век локтіс, тшөтш керъяссө йөрлавліс ли мынөм керъяссө бөр домлавліс.

Уна пур сибдывліс берегъясас. Ён визулыс пурсё сідз зутшөдліс берегас, мый разявліс. Кылөдчысьяс керйөн-керйөн өктасисны, берегө матөдавлісны кер чукөрсө, куръяё пыртавлісны, ыджыд тросөн домлавлісны. Мукөд воясө другысь усьлі ваыс, да пуръяс кос вылө кольлісны, арөдз куйлісны, ыджыд ваөдз. Гожөмбыд сөсса рөбөтшөйяс юкөртавлісны разалөм керъяссө. Арнас друг кө кёйтыліс, керъяс йизывлісны. Бара колі найёс йөрлавны йисьыс, лэптавны берег вылө, а то тулыснас йиыскөд тшөтш вермасны кылавны. Став пу лыдын.

Вотчөм. Кудін – зэв озыр тшак-вотөсөн. Весь вотчан местаясө ассьым помнита: Коськала да Чучырев (Катша весьтасын) – оз местаяс; Попитсай, Присад – рыжык, маська, мутшак местаяс; Кудін ты дор – сэн гоб быдмис; Керавож, Курника вөр – пув, чөд, чөтлас местаяс; Ягов нюр, Гобрёсь, Попитсай нюр – озыр мырпомён, турипувйөн; Ветөс, Тшаркей – сьөд да мича сэтөр, өмидз местаяс.

Ставыс дорся, зэв ылө оз ков мунны. Ёна вотчим тусь, тшак, рыжык, маська, гоб. Мырпомсө вотім да карандысьясө личкавлім. Ас сөкас и кранитчис лым гуын. Видзьяс бөкъясын гөрд, сьөд сэтөр, өмидз тырёма. Сакар эз вөв, да свежөйөн сөмын и сёйлім. Еджыд яла яг вылын зэв бур пув местаяс. Чунь пом ыджда пувйыс, сьөд, сыла! Оти раскысь сак тыр сюрө! Кузөлыд тырө, да он и төдлы, өдва лэччөдан гортад. Йөвкөд чась тыр ворсөдан! Турипувйыд да пувйыд оз тшык ёна, да сідз прөста и кранитім. Чөд да льөм косьтылім. Чөтлас радейтім вотны.

Коркё Йөгөр Маш, Ермаков Йөгөрлөн ныв, Вася вок да ме мөдім чөтлас вотны. Ягас

нин унаён вёліны, вёвсю вотчисны. Кадыс пажын бёрын нин вёлі, и ыджыд дозъястё эг босьтё, часьясён сёмын и мёдім вотчыны. Миянёс вотчысяс эз аддзыны. Думыштім найёс повзьёдны. Равёстыштім да, чась часьё тотшкёдыштім да! Некод эз и повзья миянысь, да вёдзё астырнаным мёдім. Мунім и мунім больгёмён, вотчигмоз, век вёдзё и вёдзё... Ылёкодъ мунім. Часьяс тырисны. Колё бёр бергёдчыны. Гортлань. Позис эськё ас туйёдным бёр локны, мед и гёгёрджык. Но Вася шуис, мый весьтас нуёдас гортё. Мун да, мун да... Некодарё эг кутё воны. Петім вёла туйё. Бытьё гортлань мёдім, ас ногнаным. Воим кутшёмкё кладбищё. Пемыд нин. Туйыс кладбище пырыс муніс и лэччис ты дорё. Мёдлапёлас керкаяс тыдовтчисны. Горзыны кутім. Кодкё мёдлапёлас матытысьны кутіс: «Матья! Войбыд ветлёны!» Косьча Микёл вёлёма, вуджёдіс миянёс. Ёдйё и кывлісны ичёт сиктад, мый ми вёшысяс. Кёджты дорысь миянёс босьтіс Ладей Сан, рёд на лоё мияны. Гортас нуёдіс, вердіс-удіс, пач вылё водтёдіс. Ачыс радиоузёлё котёртіс, мед юёртны, мый вёшысяс Кёджё петісны. А Кудінын рытбыд корсьысьёмаёсь, ягын пищальён лыясьёмаёсь, вадорсё гёгёртёмаёсь – абу-ё пёдёмаёсь вёшысясыс. А Аркадь Ёгей мам угёра¹⁴ бёрдёма. Асывнас кёджсяс кольёдісны берегті кытчёдзкё, а Кудінысь вёйтча¹⁵ мила волісны.

Велёдчём. Начальнёй школа сэк вёлі Катшаын. Лёк мешёкё тетрадь-карандаш гаровтыштім да тёвбыд котралім Вашка мёдлапёлө. Унджыкасё, гашкё, абу тёдёмлун вёсна, а сыысь, мый школьнёй стёловёйын ётикись луннас вердісны пым сёйёмён – кизьёр нурья шыдён. Учительница – Вера Николаевна Сивкова – воывліс быд лун Вильгортысь, ётнас велёдіс нёльнан классё. Тулыс-арнас, рёспутанас став кудінса челядь овмёдчылісны Катшаё рёдвуж дорё. Мамёлөн сёрнитчёмён ме кольччывлі узылыны рёдвуж Микша Неней дорё. Помнита, узылі пу крёвать вылын. Тшутшуё гурзис тшыгысла. А крёвать горулас вёлі тэчёма картофелё кёйдыс. Ме эг вермы терпитны, чёвчён¹⁶ босьті ёти картофелё да шытёг дыр-дыр йири. Лёктор вёчи, но тьётё эз вид.

Ётлаын велёдчисны мекёд Пахом Саня, Вася Ёльга, Плаксин Женя, Гриша Лиза да мукёд. Плаксин Женякёд дорся пукалім. Нёль класс помалём бёрти заводитлі арсё на ветлыны Важгорт школаё 5-ёд классё, но регыд ковмис тшыгысьс да сьёкыдсьыс энэвтыны велёдчём. Да и кём-паськёмыс эз вёв быд лун котравны мёд сиктёдз, вит километра тытчё да вит бёрё. А Плаксин Женя зэв бура велёдчис, оценкаяс сылён ставыс «4» да «5», кывзысьысь зонка, зіль. Нэмсё уджаліс хирургён Сыктывкарын. Коркё Ваня пиёс новлёдлі сы дорё лечитчыны. Водтёдліс пиёс отделениеё, кён ачыс уджаліс. Лечение помассис, да ме бёр Важгортысь карё волі босьтны Ваняёс. Женя висьталіс меным, мый пиё другьясыскёд больничаса аквариумысь став черисё куталёмаёсь. Мый татчё шуан? Сэссия Женя сразу звёнитіс мамыслы, Игёльёш Анэйлы, мед витас госьясёс, да сетіс миянлы адрес. Анэй тьёт пиыскёд карын оліс. Зэв бура, шоныда примитіс миянёс и помтёма радліс ас сиктасяслы.

Велёдчан во помасьём бёрын шлонъявны кудінса челядьлы сідз жё вёлі некор. Тулысысь арёдз отсасим «Пламя» колхозлы. Сійё кадё унджык мусё агсалісны челядь. Кудін ты гёгёрыс зэв ыджыд гёран муяс вёліны. Лунтыр кежлө сэтчё мунлывлім. Та могысь колхозса председатель челядь дорё мёдёдліс верстьё нывбабаёс. Нывбабалён могыс вёлі сэтшём: пуксьёдавны челядьёс вёв вылё, найё кё лэччыласны сы вылысь либё усьласны. А нёшта нывбабаыд лунтыр пазёдліс агас бёрти ыджыд гёмольяссё да новліс

¹⁴ Угёра – уд. гораа.

¹⁵ Вёйтча – уд. воча.

¹⁶ Чёвчён – уд. гусьён.

өктөм вужъяссө сидыр¹⁷. А корсюрө вөвъяс и асьныс усявлісны, слабөсь вөліны зэв. Бөр мырдөн сувтөдлісны найөс кок йылас. Норма лун кежлө сетөма, колө вөчны. А верстьояс горзісны: «Вөтлө! Вөтлө ньөрнаныд вөвъяснытө!»

Эськө и агасыс зэв кокни вөлі, пуысь карөма. Весиг миянлы, челядьлы, шеді веськөдлыны агаснас. Пу агасыд оз вөлі бура и пазөдлы му гөмөльяссө, гирысьяс бөрсяньным зырийөн да лэбынөн ладиталисны, пыркөдалісны эжасө. Бөрти нин совхозын уджалігөн көрт агасъяс лоисны. Пажнайтлім сэн жө муяс вылас. Ыджыд пөртйын пулісны нуръя шыд да чась тыр сетавлісны. Пөртыс кушмас, да челядьөс лэдзлісны нювны пөртсө. А коркө дорся ягсьыс рөиталім тшаркей¹⁸ позъястө да колькъяссө сетлім пөварыслы пуны. А турун пуктігөн челядьлөн пуд – юр кыскавны. Том войтыр вөліны радөсь, кор найөс төвнас босьтісны Гобрөсьтө, медым Кудінө бөр вайөдны силос тыра вөла додьяссө. Вөла доддьөн рулитөмысь миянөс вердлісны быдса литра пөсь шыдөн.

Вөйна обяввитөмсө ог помнит. Но помнита, мый сиктын мужикыс этша коли, а бабаяс век бөрдісны.

Коркө Шаров Марей тэльөга вөлөн гумлаө кольтаястө кыскалө да угөра бөрдө: «Гөре гөрөкөйө, көкушечкаө... Миян гортанным вөсприходитін... Пуля горулө нуөдін мужикөс... Сирөтинкаөн колин йилөмөс...» Как раз вөйна вылө босьтісны мужиксө, а буретш керка лэптисны. Керка джынсө да сарайсө гозйөн и лэптылісны, а мөд джыныс картөг колис. Керка тыр йилөм.

Ставлы сэк вөлі сьөкыд. И миян бать муніс вөйна вылө. Колхозын колины уджавны ныв-бабаяс да челядь. Мамө вөдз асывсянь да сёр рытөдз колхозын. Ыджыд вокъяс бөкын нин вөліны: Коля – вөрын да кылөдчанінын уджаліс, Ваня велөдчис ПЗО-ын көрт туй вылын, сэтчө сэсса и овмөдчис. Война заводитчигөн медся ичөт Лидя вөлі 3 арөса. Меным 8 арөс, Васялы – 12. Мед и ичөтөсь вөлім, а мамө ставлы индыліс удж.

Коркө менө мамө пес карны босьлывліс. Оти киас менсьым киөс босьтас, мед ог зэв мудз восьлавыны ягөдыс да варовджыка туй кузяыс муна, а мөд киас – чер да пила. Вөдзвыв пөрөдлөм керъяссө кыкөн пилиталам. Пилитчигөн век шуалас: «Машо, тэ сөмын кыскав асланыд пиласө, кыскав, а мамыс тэныд ётшышта. Тэ сөмын кыскав...» Медся любө, кор пекилыыс сэсса орө.

Мыскалім джоджъястө, сарайнымөс дзимбырөн. Та могысь вөдзвыв ветлывлім нюр дор ягө, медым йөрны бухта. Сразу босьтлім уна, ягас и өшлывлім увъяс либө потш вылө пөшөдны¹⁹. Мөдысь волім тэльөга вөлөн да кыскылім гортө. Во чөж тырмыліс. Төвнас лойлөм²⁰ паськөм лэччөдлывлім пожъявны юкмөс дорө. Сьөрссьыным босьтлім туисын пым ва, мед оз дзинав кийд көдзыдсьыс. Шонөдліс да, берег дорө лэччөдлывлім став чугун, укват, прөтивень, зыр, лэбын, ведраястө да зыртлім сотөм кирпичөн, мыським дзимбырөн. Лойлысьны да мыссьыны эз вөв майтөг. Та понда кунва карлім – пөим пузьөдлім да пөжлім. Нюльыд артмыліс кунваыс, майтөг кодь.

Сиктас вөлі нель струба: Аркадь Огей, Арсей Сашка, Арсей Көсча да Климей Ванька дорын. Ваыс зысысь кодь югыд да сөстөм. Струбаяссө сиктсаяс бура видзисны и быд во весалисны.

¹⁷ Сидыр – уд. межа.

¹⁸ Тшаркей – уд. дрозд.

¹⁹ Пөшөдны – уд. төлөдны.

²⁰ Лойлыны – уд. пеславны.

Шогыс вöйна кадö юасътöг-кортöг быд керкаö пыралис. Эз энөвт сийö и миян-лысь семья: нуöдисны Аркадь Öгей мамнымöс Човйö сыысь, гортас ид кольта вайöма да. Торйöдисны миянöс мамкөд. А ыджыд вокъяс ылынöсь. Öтнаным куим чоя-вока колим керкааным овны, мамтöг-батьтöг. Кыдзи вöдзö овны, кызди ловйөн кольны, кызди шогсö венны? Нуждаыс велöдис ставас.

Став удж чой-вок вöчим öтлаын. Вася миян главнöй: мый шуас, сийö и вöчам. Пес карим асьным. Мамö менö босътлывлис нин пилитчыны, да гөгөрвоыштi тайö уджсö. Мед и пес чуркаяссö юкөртны, увъяссö öктавны, а век жö пöсöб. Даддьөн и кыскавлім гортö. Коркö весиг керка пельöснымöс пилитыштiм кöч юръяснаным. Гашкö, песным бырлi да? Асьным жö и пач лонтылiм. Ыджыд пачас Вася ума-амаөн пырас, а ми Лидякөд сеталам пес, а сийö пытшкын бура тэчас.

Аркадь Маша тьötö миянöс эз сет детдомö, ачыс төлкуйтiс. Ёна отсалiсны дорся сиктьясысь ыджыд рöдвуж. Жытейястö²¹, тупöсыастö, сёянтор, коскус²² мөдöдавлисны. Асьным пöжасим жö. Вася кöтас няньшом, кос кöшын чеччöдлас. Берысь чеччöдлiгöныс кос кöшсыс няньшомыс джоджö усьывлiс, но бөр лэптам вöлi дай пöжалам. Кутшöм артмас, сийöс и сёйлiм. Слöймылiс миянлы ветлывлыны дорся сиктьясö корны милöсьтина. Гöльяслөн эз вöv, мый сетны, а крепыдджык олысьяс дорö и сiдз уна корысь пыравлiс.

Вöйнаыс öдйö миянöс, челядьöс, верстяммöдiс да вежöрмöдiс. 1944 воын, нель класс помалöм бөрти, ковмис пырны уджавны колхозö баля видзысьөн Катшаын. Вöлi меным 12 арöс. Верстьö бабаяскöд öтмоз уджалi, эз вöv некутшöм кокньöд. Жаль, абу кольöма Кудiнсьыс архивыс 1944–1945 вояссыс – сотчöма, öнi йöз моз эськö вöлi тылса труженик...

Вöйна бөрти воис гортö бать – **Арсей Öльöш**, раненöй, ёна висьысь (язва кынöмас). Ыджыд отсöг сыысь эз вöv – куйлiс паччөр вылын. Йиркас тувъялöм ременьö кутчысьтöг эз вермы сувтны ни водны. Сийö синва пыр видзöдiс миян вылö, Енмыс кодъяслы шуöма чужны медся сьöкыд кадас да быдмыны медся тшыг ойлунас. Ми ёна жалейтiм батьöс. Но эз дыр ов батьö, 1947 воын кувсис. Дзебны отсалiс Аркадь Маша тьöt – мамөлөн рöдимöй чой. Небыд сьölöма, шань да муса, медматысса миянлы морт, кодi мыйөн вермис, дорйис, отсалiс, мый вермис, юкис миянлы, видзöдiс миян бöрся мам вотöдз.

И мамным воис. Енмыс кранитöма сийöс йöзладорын, абу чорзьöма шогысла сылөн сьölöмыс. Кыдз мамö та мында сьöкыдсö да страданньöсö вуджөдöма ас

Аркадь Маша. Кудiн

Аркадь Öгей, Вася вок да Вова – Аркадь Машалөн внук

²¹Жытей – уд. шома няньтор.

²²Коскус – уд. сукар.

вывтіыс?! Корт сімас, а морт терпитас... Тылса труженичаяс... Сёйлыны бура эз сёйлыны, узылыны бура эз узылыны. Вылысаныс паськёмныс эз косьмыв ньылёмсьыс ни ки-кокныс эз шонавлы. Синтё рапнитны он удит, ошинё нин бригадир тотшнитас, колё удж вылө мөдны. Пыкисны-нуисны нывбабаяс став война кадся нуждасё да сьёкыдлунсё. Быдёнлы, тылса труженикъяслы, юкёма вөлі шудсё войт мында, а шогсё море мында. Но эз чегласьны йёзыс, эз лэдзны киньсё, а косіник пельпомъяс выланьыс матөдісны ыджыд Победа.

Аркадь Огей мамө зэв лада, шань, ыджыд сьолёма морт вөлі. Олөм чөж, мый вермис, вөчис йёзыслы бур. Сылөн кужысь киясыс, нимкывъясыс, югыд энергияыс, пывсьөдөмыс уна бур войтырөс мездісны висьомъясысь, доймөмъясысь, повзьомъясысь... Сы дорө пыр локтісны йёз, быд сиктысь. Сөмын эз удит мездыны да отсавны аслас меддона, медмуса мортлы – верөслы, эз су сійөс ловъяөн...

Коля вок вёрын уджаліс век. Гортын эз и вөвлы бур ног. А кор волевліс, помтөма радлім сылы. Варов, рөбөтлив вөлі. Кадраын (лесопункт) Йөртымдінын уджаліс – тадз йёз костас шуисны, кор дыр кежлө муна уджавны вөрө. Отпускө сөмын и волевліс сэк. А кор Сөдзимын, Вильвидз дорын, вёрын уджаліс, сэк тшөкыджыка волевліс. Йөртымдінын уджалігөн аслыс керка тыр вөр йөрис и сплав дырйи тшөтш кылөдіс Кудінөдз. Тшупис кык жыръя керка, ыджыд сарай. Гашкө, гөтрасьны көсйис, но эз артмы. Кирикө отпыр сёр арнас рөдвуж дорө ветліс. Ноябрьын. Вашкаөдыс нин жува²³ кылаліс, а Кирик тысө йи нин кутөма вөлі. Кирикө мунігөн вокө куръясө вуджис йи вывті, а бөр Кудинө локтіс пемыдөн и эз аддзы, мый лунсьомөссө куръясыс йисө кодкө пыжөн ветлысь поткөдлөма. Шома юрнас сэтчө и пөдіс, шапкаыс сөмын колис. Дзєбисны Матвей Ягө.

Кудінсаяс. Сандыр Агей дорын тшаюйтөны суседъясыс – Вася Агей, Ольош Вась, Ваня, Огей баб

Көр видзём. Кудінсьыс километра сайын яла яг вылас йөр потшөма вөлі ыджыдөс, чумъяс сулалісны. Уна көр видзисны. Яранъясөн уджалісны Поля Вась Мишка, Коля Ваня, менам Вася вок. Ягө пыран да, трина-тронакылісны көр сылыын ошалысь тоньгейяс. Тоньгейсө юрөвей көръясыслы век ошлісны, мед ягсьыс кокниджыка корсьны. Ми вөлі вотчам, а көръяс раминика сёйисны яла, эз ёна и повны йөзсьыс. Мукөддырйи сиктсаян позьё вөлі аддзыны, кыдзи стадаыс берегті мунө. Яранъяслөн гора чуксалөмыс ылөдз кылі. Найө аслыспөлөса горзісны көръястө юкөртігөн да вөтлігөн. Коркө ош кутіс дөзмөдны стадасө. Йөрмылісны яранъяс. Ыджыд ускөттё вөчліс ягса назлөнник. Медым кыйны ошсө, колі терпенньө да мудерлун. Ошкөн джагөдөм өти көр туша эз петкөдны ягсьыс, ко-

²³Жува – уд. наридз, шуга.

лисны пу горулө. Асьныс вөралысьяс пу вылас вөчисны кыйөдчанін. Бура дыр виччысьом бөрти артмис кыйны оштö.

Колхозын уджалөм. Меным дас кык арөс эз на тыр, а пыри уджавны колхозö. Примитисны баля видзысьон. Баля гидйис сулаліс Катша нюрын, колö вöлі быд лун вуджавны ю вомөд, көмкот абу, шоныд паськөм абу. Баля видзим Гриша Машкөд кыкөн, порсьсö – Мирөн Галякөд, куканьсö – Көстя Анкейкөд, а конюкөн уджаліс – Прөня Лидя, лысьтысьысьон – Ванька Анись.

Гидьяс көдзыдöсь вöліны. Помнита, тшөкыда волевліс Бугай Коля ветеринар, Бугай Көсчалөн вок. Пөгөстысьөдз подөн волевліс төв көть гожөм. Зэв лабутнөй, рам. Уколъястö вөчаліс скөтыслы. Гөтырыс учительница Люба – Пөгөстын велөдіс.

МТФ-са завөн уджаліс Микөл Маш. Катшаын вöлі колхоз кантора, школа, лавка. Ставыс олан керкаясын.

Тшөтөводөн вöлі Штэпан Ванька. Зэв бурморт, весьлызіліс ладладитны. Волевліс Пөгөстысь тшөтөвод – Теревась Ваня бухгалтер. Зэв жö грамөтнөй вöлі, и сы кодъ ладасö он вöлі мөдöс аддзы: гөлөс эз куж кыпөдлыны некод вылө, трудоденьястö лыддис правльнөй, некодöс эз обидит. Ставсö гөгөрвоөдіс, висьталіс, мый онджык вöлі гөгөрво. Сійö гожөмбыд на и ытшкысис кык вөлөн, вөвдым дасьтис туруна удж вылын.

Ванька Анись

Көсча Анкей

ВАНЕЕВ
Николай Александрович
Ворошиловский стрелок, работал ветеринаром

Бугай Коля – ветеринар

Микөл Маш – МТФ-са зав

Теревась Ваня – тшөтөвод

Штэпан Ванька – тшөтөвод

Төв улас став скөт вуджөдлывлісны Кудінө, көні вөлі заптөма уна идзас рудзөг да ид вундөм бөрын.

Колхозлөн торъя гидъяс Кудінын эз вөвны, та понда скөтсө юкыливлісны частнөй гидъясө. Ыджыд гид вөлі Михайлө да Ершөв Сандралөн сарай горулас. Арсей Көсча да Арсей Сашка сарайяс горулын шоныд гидъяс вөліны. Вот и ковмыліс миянлы, том нывъ-яслы, керкаысь керкаө новлыны кукань-балялы идзас да лавийи (пөжөм йики). Мед көть кутшөм тшыг во эз вөв, а ковмыліс видзны скөтсө веж турунөдз. Быд юр лыдын. Отпыр өти курөг видзысьлөн кувсяс курөг, и ревизия дырийи дядьбыд сувтөдас кулөм курөгсө штен дорас да пыкас сартасөн, мед лыдас сюрас. Зэв чорыд сэки вөлі законыс. Планъяс ыджыдөсь, государстволы став йөв-яй сдایتісны. Тшыгъялысь колхозникъясөс весиг эз лэдзны кулөм скөтлысь яйсө сөйны – порсыяслы нуисны. Учётчикъяс чугунъястө пачысь кыскавлісны – оз-ө кодкө гусяторйысь шыд пу.

1945 воын колхозаным председательён лоис Дмитрий Ильич Плаксин. Сійө воис вөйна вылысь. Морөс тыр медаль. Сразу мырдөн пуктісны веськөдлыны колхозён. Вөйна бөртийс нөшта на сьөкыд вояс вөліны. Урожай ичөт, көрым оз тырмы, скөт слаб, йөв-яй этша. Юр лыд чинтыны оз позь – арестуйтасны. Вөвли и сідз, мый мөсьяссө өшөдлісны гез да көв помысь йиркас (пөвсө мөс тшутшу горувтыс ладмөдлісны), мед оз усыны кок йывьсыныс. Усьөны кө, сувтны нин оз вермыны. Дерт, ускөттө вөлі. Председатель шуис чинтыны стадасө, мед мукөд скөтыс тулысөдз воис и веж луд вылө вермис петны. Эз кө чинтыны абу йөла мөсьяссө да укшаль, слаб скөтсө, юр лыдыс эськө быдсөн бырис. А сідз унджыксө мездісны. Но власьтыд эз миритчы татшөм шуөмнад, пуксьөдіс дас во кезлө Дмитрий Ильичөс. Көть сылөн шуөмыс и медбура лөсяліс тайө тшыг да урожайтөм воас. Пукаліс Дмитрий Ильич вит во. Воис бөр сиктө 1950 воын, но слаб дзоньвидзалун понда дыр эз ов.

Дмитрий Ильич
Плаксин – «Пламя»
колхозса председатель

Вартөм. Нань тупөсь пачысь перйытөдз мыйта удж коліс пуктыны!

Урожай лоас сэк, кор тулыс-гожөмыс удайтчас. Вундан рудзөг либө ид, кольтаясө домлалан, тэльөгөн вайөдан сөр дорө. Выйым торъя морт, коді шөтас кольтаясө сөр вылө. Кор косьмасны, бара тэльөгөн кыскасны гумла рынышө. Рынышас сөр вылө бөра шөтасны. Сэн пач выйым, лотасны пачсө, жарө сиптасны. Мөд лун-нас нин косьмас, и петкөдаласны кольтаястө чапавны чапъясөн (вартасны). Тусьыс киссяс, идзассө пыркөдасны нөшта, да ульчө радөн тэчасны – скөтлы көрым. А тусьсө йиркө өшөдөм ыджыд пожйын төлөдасны, вөрөдасны. Сы бөрын шердынын чеччөд-ласны кинаныс, мед гырысь тусьясыс юкөртчасны, тэчасны мешөкө, вөлөн кыскаласны колхознөй амбарө. Сэн став сю примитіс весөн Арсей Көсча. Либө трудоденьяс вылө юкасны. Кодъяскө ветлывлісны Гобрөсь мельничаөдз изөдны пызьө. Гижныссө этша гижсяс, а уджыс вывті сьөкыд.

Бөрын уджалөм. Колхозникъястө мөдөдлісны вөр лэдзны **Сөдзимө** да **Ыя** ю дорө (Көджладорө). Унаөн сэн уджалім, и том, и верстьө йөз. Олім казармаын.

Помнита, тшөтш уджалісны менам пөдругаяс – Вася Анэй (Алексашова) да Олексан Нина, нөшта Көджысь Ванька Маш (Юдина), Оней Маш (Терюкова), Сашка Настэй, Оней Ольш, Митя Женя. Митя Женя – немымын төлысьөн и томджык меысь, а бригадираліс нин. Учитель вылө ветліс: бура пасьтасис, статья восьлаліс, уна эз голь. Думөн эг думайтлө,

мый коркө, уна йи кылалом мысти, лоам сыйкөд сват да сваття. Пөжасис Саня – Маврей Ванькалөн ыджыд ныв. Рытын берег горулас бипурьяс вылө тырыс тшайник өшлісны, вөдзө казармаын тшайуйтисны. Пым тшай медся өдйө виртө шонтас.

Ме вөлөн кыскаси кер катыбищө. Сэтчө став пөрөдөм керсө юкөртавлісны, а тулыснас берегөд лэдзалисны ваө. Сэсса пурьяссө юкөртавлісны, кылөдлісны Вашка кузя Лешуконскөдз, Каменкаөдз.

Анна Алексахова

Настя Крюкова

Митя Женя

Вөвнам бара муна вөлі керьясла, а Оней Ольош горөдчас:

– Эн кев вөвнад лымьяс, дитяо, эн кев! Вөвтө эн мудзты! Сулав туй вылас, ме ачым керьяссө матөдала да сөвта додь вылас, ачым.

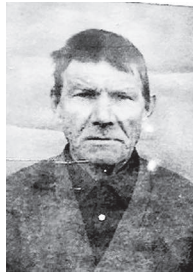
Вөвсө жалейтис. Сэтшөм сійө ён да зумид вөлі. Ачыс Чиркысь. Сы йылысь уна байка висьятавлісны, кутшөм сійө багатыр. Вөлөн кыскасигөн тыра турун доддыс кө пөрө, өтнас кокныда бөр сувтөдас додьсө. Некод оз ков. Стрөитчигөн керсө өтнас босьтас пельпом вылас да ваяс сруб дорөдз. Коми багатыр и выйым!

Оней Маша

Ванька Маша

Оней Ольош

Кылөдчанінө инмылі жө. Вит пур өтлаын мөдөдчим кывтны. Быд пурйын 6 плитка керьясысь. Вөвліны и 12 плиткаа пурьяс. А плиткаас на мыйта кер домлісны! Пышъялан керьяс вывтис, мед көть он сибдөд пурсө, мед көть оз разьсыны керьясыс, мед көть мукөд пурьяссыс он коль ылө. Пурьястө кылөдны колі Лешуконскөдз, сэн вөрнымөс примитлісны. Бөр подөн гортө локтім, кымалім ёна, көмкотьяс лөздісны.

«Партизан» колхоз.

Коркө сэсса «Пламя» колхоз юкөртісны «Партизан» колхозкөд, став скөт вуджөдісны Важгортө. Сьөрсьөн-бөрсьөн дорся сиктө сетчисны и олысьяс. Керкаяс вуджөдалісны. Ми, том войтыр, овмөдчим общежитиеө – Котовалөн керкаө (общежитиеыс уна керкаын сэк вөлі).

Важгорт. Анна Николаевна Устинова
25 во уджаліс МТФ-са завөн

Ме ёна эськё кёсий телятников уджавны, но МТФ-са зав, Анна Николаевна Устинова, зэв стрёг бригадир, пуктіс лысьтысьсысь. А лысьтысьсысь – сійё и пастук, и скётник, и йёв кыскалысь, и зелёнка ытшысь. Став кёрым, йёв флягаяс колё вёлі новлыны вылысад, шедё коть оз шед – некод оз юав. Ставлён 13-15 мёскөн, лысьтысим ки помысь, куимысь луннас. А кёрымнас тшыгём вёлі, йёв этша. Скёт колхозын вёлі уна. Быд кило турун да силос тшёт вылын. Яласё и то юклісны пестерён-пестерён.

Шуйгавывсянь: Ёгей Вась Анэй, Ольёш Маш, Коля Лидя, Павел Пагей, Вася Агей, Перша Миш Нина

Тулысын, Микёла вёдзвыв, скёт нуёдлісны Коладорё. Тёдам, сэтён кушом крут гёраыс ёні. А вётти вёлі ещё на крут. Ми, лысьтысьсысь, асьным кыскалім йёвсё Важгортё (Коладорсянь 10 км) кык вёлён, нель чильгана тарантасён. Вёвъяслы эз век удайтчы вёра йылёдз кайны. Берысь джын гёрасянь бөрвы в гёгылытчылісны йёв флягаяснаныс. Унджыкасё лысьтысьсысь мыш выланыс катавлісны тыра флягаясё крут гёра йылё.

Гожёмнас вуджавлім кудінса пёскётина вылё лысьтысьсны. Важгорт весьтасас, Чучырев мёдлапёлас (ву шёрас ді кодъ). Подён и вуджавлім Вашка вусё. Мышканым сёрысь босьтлім ременя фляга (ремень домёма вугъясас, мед бёр кокниджык вайны йёвсё). Куимысь луннас вуджавлім. Начальстволы век колё отчитайчыны уна йёлён, а мёсьяс этша лысьтісны. Тулыснас луд вылё петісны слабёсь, укшальёсь, кысь вёдзё ыджыд йёлыс. Вылысаным этша йёвсё подён и вуджёдалім, эз сёкыд вёв.

Арнас скёт видзисны Сёдзимын, сійё пёскётинаыс Важгорт таладорпёлын и «Партизан» колхозлён вёлі. Машина ни трактор эз вёв сэк, а вёлён он во, та понда подён берегті мунлім. Скётсё гуртён берегті жё вётлывлім. И олім сэтён гоз-мёд вежалун. Сёдзимсянь Койсянёдз на колі быд лун кылёдны тыра флягаясё, сэн тэльёга вёв вылё сөвтны, вайёдны маслёзаводё (бёрнас сэн вёлі сельпо) да джуджыд содйёд катавны. Ёчередён кык лысьтысьсысь малльён кывтлісны – кылёдлісны тыра флягаяс Важгортёдз, сдайтлісны маслёзаводё. Гортаныс тшук пыравлісны тóваркарны²⁴ семьянысё, ой улас бёр куш флягаясён тыра пыжнаныс катлісны Сёдзим лысьтысянінё. А сэтчёдз дас кымын километ-

²⁴ Тóваркарны – уд. видзёдны, чередитны.

ра ву кузя катны. Маслѡзаводѡ йѡв кыскалѣгѡн век вѡлі окота видлыны сливкисѡ. Ётпыр кык Маша (мѡдыс – Мария Степановна Ванеева) збоймыштѣм да юалѣм Пилимон Ниналысѡ сливки быдса стѡкан. Сійѡ эз жалит: «Юѡ, мыйта верманныд». Вот и юим... Сэксянь да ѡнѡдз сливкитѡ вомѡ эг на и босьтлы.

Коркѡ Сѡдзимын жѡ пастукалѣм мѡсьястѡ. Пастукалан вѡв эз сетны, подѡн век пастукалѣм. Сѡдзим юыс ыджыд вѡлі, берегысѡ берегѡ. Мѡсьяс ызѡбтѣсны мѡдлапѡлѡ, сэн ѡтаваыс ыджыдджык. Лои медбѡрѡя мѡскыслы бѡжас кутчысѡны да сѣдз и броткыны-вуджны. Бѡртиджык вѡлѡн пастукалѣм Педя Машкѡд. Ётпыр коркѡ вѡв вывсьыс уси, и певйѡ лутшсьыс петѣ да пѡперег лои. Эг удит немтор гѡгѡрвоны, а Педя Маш подругаѡ сразу матѡдчис да тракнитѣс чуньѡс. Правитѣс певйѡс, и ѡнѡдз киѡ рѡбѡтшей. Мукѡдысѡ вѡвѡястѡ эз сетны пастукавны, да асьным лудысѡ кутавлѣм. Сермѡд местаѡ берег горувсьыс кузь, небыд, но ѣн вуж йѡрлѣм да вѡвнас сійѡн и веськѡдлѣм.

Коркѡ кык пѡдружка – ме да Ёлексан Нина – пастукалѣм. Бура уджалѡмысѡ миянѡс весиг премируйтлѣсны куим кило выйѡн. Радлѣм помтѡг. Кѡть эськѡ и варова уджалѣм, но скѡтыс некымынысѡ пышйывлѣс миян дорысѡ. Коркѡ вѡдз асылѡ дояркаяс уже воисны гожся лысьтысянѣнѡ, а ми век на узим пастук керкаын, сѡрѡдз клубын йѡктѣм да. Бур, мый мѡсьясыс асьныс локтѣсны лысьтысян кад кежлѡ. Эз видны ѣна. Коркѡ на и сѣдз вѡлі: йѡв кыскалысѡяс вунѡдѣсны сиптыны коляыбѡссѡ²⁵ ас бѡрсяныс, сюсь мѡсьяс тѡрѡдчисны сѣтѣ да пырисны муяс вылѡ. Главнѡй огородникыс Маврей Ванька вѡлі. Эськѡ и сразу вѡтлѣм йѡрысѡ мѡсьястѡ, но нымѡн потш-майѡг бѡк кузяным эз сюр. Томѡсѡ да, юраным век вѡлѡсѡ вѡлі.

Ёлексан Нина (Ёвкѡджын) да Анна Давыдовна прѡверяйтѡны турунлысѡ качество

*Нывѡяс двѡрын уджалѡны,
Мѡс да кукань пелькуйтѡны.
Рытын клубѡ котралѡны
Да асылѡдз гажѡдчѡны!
Сэк эз бырлы клубйын гажыс,
Эз ков вина, эз ков спирт.
Йѡктѡмысла дзуртѣс джѡджыс,
Нѡрѡвитлы, гармонист!*

А гажѡдчыны сійѡ кадѡ ми, том войтыр, бура кужим. Коля Лидя, Гриша Лиза, Микѡл Маш, Кѡсча Маш да мукѡд вермим асылѡдз йѡктыны-гымѡдны клубын, лыдтѡм-тшѡттѡм частушкаяс сывлѣм Тимаков Сашка, Пѣтр Степанович да Соров Ганя гудѡкѡяс улѡ. Ставѡн биавича²⁶ кодѡ варовѡсѡ вѡлѣм, ѣсѡ сѡрниаѡсѡ, сералысѡсѡ!

Сійѡ кадѡ важгортса шопер Ванька Сашка машинаѡн кыскалѣс йѡв Коладорысѡ и

²⁵ Коляыбѡс – уд. сиктысѡ петан йѡрлѡн ворота.

²⁶ Биавича – уд. змея.

Өльөш Маш да Көсча Маш

Харитон Ванька Сашка (Бровкин)

лысьтысьысьястө тшөтш новлөдліс. Сэк и төдмасим верөскөд. Бровкинөн нимтісны. А мыйысь татшөм нимсө сетөмаось? А сыысь: кыскалөма делянкаысь тракторной доддьөн пес. Тракторыс вөлөма первобытной лыдысь – өшиньтөг. Медбөрья рейс, пемыд, гортө нин вартсө тракторнас, кыскө додь тыр пес и йөз. Оз и казав, кыз доддьыс кольө яг шөрас. Йөзыс горзөны, лым гөльөкьясөн бөрсяньөдыс лөдөны, а тракторист оз кыв, тургас-вартас гортлань. А буретш вөддза лунас клубын кино «Иван Бровкин» мунөма. Вот сэсянь и нимтісны. Коркө самолётысь өти пассажир каөма Важгортө да культурнөя юасьö: «Лукин Александр Ивановичыслөн көн керкаыс?» Некөд оз төд, висьталасны, мый татшөмыс Важгортын абу дай нимсө некөр абу кывлөмаось. «Дак Важгортын олө, совхозын уджалө, тракторист!» – кызди сөмын оз гөгөрвоөд пассажирыд, но вөйтча тэсысьяс оз төдны татшөм нима важгортсаөс. «Дак нимтасны на Бровкинөн!» «Сразу мед висьталін тадз, ата, ныр вөдзад керкаыс».

*Визув жө нин Вашка юыс.
Өдйө жө нин кылөддө.
Мудер жө важгортса зонмыс,
Өдйө жө нин ылөддө.*

*Али кодыськө ме пола,
Али кодыськө янда?
Өльөш Машөс ме корала,
Машинаөн вайөда!*

Зэв аслыспөлөса менө коралис: «Полян али он мунны ме сайө, менам керка ни двөр абу?» Ме ёнасө эг жө пов петны верөс сайө гөль зон сайө сыысь, мый ыджыд озырлуныс и аслам эз вөв: крөвать да гөна перина – со и став приданной. И 1960 воын юкөртчим.

Овмөдчылім том гозья важсьыс-важ виялысь керкаө. Но стрөитчыны думыштім пыр жө. Вөр лэдзигөн бензопила эз вөв, став керсө йөрөма ки помысь. Медым вөр петкөдны, Көстя Лёня председатель сетліс ассыыс правленскөй вөвсө. Вайөдны петкөдөм вөрсө көйисны тракторөн, но трактор доддьыс кыскасигөн вөйөма нюрө (өн на сэтөн). Вөлөн и вайөдалім вөрсө. Миянлы сетісны важья пекарня места. Мусө керка горулас тракторөн ётшлаліс Зымей Вась. Степан Андреевич Юдин предөн сельсөветын вөлі. А миян нин панөма керкасө вөлі некимын венеч, но тшөктіс разьны срубсө да вештыны метра мында бөрвыв. Öшинь да ыбөсьястө Степан Андреевич ачыс жө и тэчаліс. Сьөкыда, но керка лои лэптөма. 1964 воын выль керкаө петім. Нылөлы кык арөс вөлі, а пиө сөмын чужи.

Колхозса правление (Терепеп Агей, Öлексей Лидя, Першамиш Нина) пыр жө шуис сетны том семьялы ялавичөс. И сэсянь, кытчөдз вермим, мөскысь-куканьысь эг бырөдчывлө.

Туруна видз сэк некодлы эз сетлыны. Гобрёсьт йыв вёчлывлім, ытшкылім нюрысь зёридз, нёбйён-нёбйён кыскавлім, сёр арнас гыгалём корсё куравлім да кузёлён ваявлім гортё. А кор медводдза йиыс вёлі кутас, сэк Тит Рая тьёткёд йизьём тыяс вывсьыс кынмём эжасё да зёридзсё ытшкывлім, вылысаным гортё новлёдім. Ягысь яла босьтім, юръясён-юръясён. Кынталём бёрти ветлывлім юръяссё бергёдлыны да юкёртавны ыджыд юкъясё, мед бёрыннас лым кузя вёлён кыскавны. Мыйтакё да ётшкыштліс кёрымнас.

Унджык турунсё вылысаным кыскавлім нёбйён: ытшкам, косьтыштам да неджанас²⁷ и кыскалам.

Горт ульчын бёра паськёдлім пёшёдны, сёысь бергёдлім да выльысь сабриё тэчлім либё сарайё пыртавлім.

Коркё рытын нин Попетыр Чопаын чай юёны (Лиза Петровна бёртинас нин висьтавліс). Керкаыс туй вылын, джуджыд, ёшиньяс быдлаё видзёдасны, весьсё позьё аддзыны. Видзёдасны, а ыджыд нёб турун ачыс мунё. Морт оз тыдав. Нёбйыс муныштас-муныштас, сувтлас, вёдзё бара муныштас. Помёдз видзёдасны – турун нёб пырас Ёльёш Маш йёрё. Отсасисны став рёдвуж и турун карны, и гортёдз воштыны. И челядьё аслам быдмисны видз вылын да дворын, аскёд тшётш.

Терепен Агей, Перша Миш Нина – колхозса правление

Шуйгавывсянь: 1 рад – Павей Анкей, Педя Дуня, Ёльш Маш, ?; 2 рад – Тит Ёдэй, Коля Лидя, Ёлексей Лидя, Перша Миш Нина

Ёльёш Маш, Ванька Рая

Важгортын дворыд вёлі ёнія Дима Полещиков керкасянь да радиоузелёдз, пёшти ягёдзыс. Сэтён визяс скётной двор, телятник, КВ (пым ва шонтісны), куим конюшня. Торъя керка вёлі сиёс-завёд видзны, кёні шорник век уджаліс, ремонтируйтіс, вураліс ротчём сиёс-завёдьяссё. Двор дорас керка вёлі, кёні тёвнас лысьтысьысьяс пач лонтылісны да яла сывдалісны, вёдзё пестерьясён новлёдлісны мёсьяслы яслиасё. Гумлаяс, складьяс вёліны.

²⁷ Неджа – уд. улькёдь.

Гришка Анкей да Харкун Коля

Койсян берег дорын. Йёла пыж мөдсьё куш бакъясьон Кудинё, гожа лысьтысянинё

Ме дырйи лысьтысьсысясьон уджавлісны Лука Саня, Олексей Лидя (Томилова), Перша Миш Нина, Вася Агей, Павел Пагей, Павел Анкей, Гришка Анкей, Коля Лидя, Кёсча Маш, Катеван Агней, Ванька Рая, Сенька Валя.

Слесаралис дыркодь Харкун Коля – чудной, серам петкөдліс век, эз куж горөдчывны ни пинясны. Лысьтысьсысяс век сійос китшкөдісны, ачыс вөйтча найос дөсадитліс. Кудинё миянос вартөдліс гождьмнас ыджыд пыжон, «Гром» моторон. Моторсө вөлі крепитөма пыж шөрас, труба мунө пыж помөдзыс, сэн пукалө моторист да рулитө. Сідз помнитчас. Кывтём пыжон и век сьылім. Кор Кёсча Веча слесаралис, пыжас на ог удитө пуксьыны, ачыс первойон и заводитас сьывны: «В этот выужный и ласковый вечер...» Став лысьтысьсысьсыс радейтисны сьыланкывъястө, төдісны уна. Вөдз асыв, гөгөр лөнь, и сьылысь пыж кывтө. Йөлөгаыс ылө-ө-ө нуас сьыланкыв юргөмсө. А Кудинё кутан матыстчыны, сэн нин мөд сьылысьяс миянос паныдалоны. Мөсьяс витны эз вермыны асьыныс көзьяйкаяссө, «му» да «ма» берегсянь кыліс.

Як Катей

Ванька Саня

Телятникын уджалісны Чопа Саня, Як Катей, Павел Марей, Ванька Саня. Коньөръяс, кымынкө мучитчылісны. Нёль чильгана тарантасон кыскалісны обрат маслөзаводысь (важ сельпо керкаысь). Квайт фляга сөвтлісны, домлавлісны, флягаяс медся лёкось, вевтъястөг. Турун гаровтлісны да суйлісны фляга вөмас. Телятникөдз вайөдігкөсті

обратыс сёровно валькөдчис вылысаныс. Телятникын став уджыс ки помысь. Пач ломтисны, лавйи карисны, некор көдзыд обратон эз удлыны куканьястө. Пытшкын бель-белеет! Сідз белитисны штенъястө, клеткаястө. Куканьяс косось. Телятницаяс лунтыр ношкисны и ношкисны. Висьысь кукань кө вөлі, гортаныс эз и мунлыны. Быд төлысь веситлісны куканьястө.

МТФ-са завөн уджавлісны Мария Степановна Ванеева, Елена Александровна Созонова. Тулыснас, майын, ветлывлім босьтны яла. Трактор тэльөгө сөвтілм, вайөдлім двор дорө.

Тулысын Важгортса скотной двор дорын

Мария Степановна Ванеева

Мария Степановна каас вöлі тэльöг вылас и лыддяс, кымын көрзина быд лысьтысьысь нуас, мед ставлы вöлі öтмында. Изöм лыс комбикормкөд тшöтш вердлiм скöтлы витамин пыдди (совхоз дырйи нин). Ачыс Мария Степановна Туръяысь вöлі, воис сельхозтехникум помалöм бөрти. Зэв стрöг, уджсö бура котыртысь. Сы дырйи бур показателыяс вöліны, планъяс тыртiм, заводитiсны нуöдны зооветучёба да племенной удж.

Демонстрация дырйи клуб сод помын. «Партизан» колхозса уджалысьяс. 1959 во

Лена Созонова – МТФ-са зав, Коля Харкун – слесар да Рая Тимакова – лысьтысьысь. Кудiнын

Зэв тшöкыда воывлiс миян дорö библиотекар – Евдокия Андриановна Юдина (Тит Öдэй). Сылön мог вöлі – тöдмöдны книгаысön, газетъясön, медбөръя юөръясön, страна пытшкөсса лоöмторъясön. Дворын сiйö гөрд пельöс лöсьöдiс, быдторсö висътавлiс лысьтысьысьяслы. Öти кывiйön кө, югзьöдiс миянлысь уджөн пырзьöм юр. Гожöмын миян лысьтысян кадö пыр воывлiс, а сiдзжö ветлывлiс видз-муяс вылö ытшкысьысь-куртысьяс дорö, механизаторъяс дорö, аскöдыс книгаяс вайлывлiс. Весиг медматысса сиктъясас подөн ветлывлiс, книгаыстö разöдлiс. Сылön сэтшöм удж вöліс – абу сöмын библиотекаын пукалана, а йöз пиын, производство вылын лекция лыддяна да политинформацияön тöдмöдана.

Шуйгавывсянь: Як Катей, Павел Марей,
Ольш Маш, Тит Одай (библиотекар)
дворын гёрд пельосын

Ольш Маш – передовый лыстысьсы

Ставон уджалісны «на сөвесть». Скот дорын зілысьяс эз артасыны кадон. Мосьяс ваясигон ми узылім и олім дворын. Двор эз тырлы куйодон – петкодалім тачкаон, а бортиджык подвесной туй вывті. Ясли коласын порадок. Штенъяс, клеткаяс, яслияс, падосьяс белиталим. Мосьясто мыслалим кансер банкао майтог сюймон да шоныд ваон. Пилорамаыс опилки кыскавлім, вольсавлім мосьяс кок горулө. Челядь асланым ёна отсасисны. Найо миянкөд пыр дворын: гожомын Кудінын ыджид йорыс мосьясто вайодаласны гидодз, а толын ошиньод ясли коласо силос, турун лодасы, быд мослы сеталасы, котодом комбикорм разодасы воръяс, мос кок горув весаласы, яслиясто чыш-каласны, весьсо чышлаласы, мыслаласы тшотш. Нывъясто ичотысянь велөдім лыстысьны кион. Миян божъяс найо волины. Кудинө гожя лыстысянинө асыв и рыт водитлім. Мед коть кутшом водз модлім, челядь сёровно садмылісны, пыжын пукалісны верстыояс коласын. Став мөссо тодісны да вайодавлісны лыстысян ыбос дорөдз. Төвбыд дворын отсасисны. Челядьсянь зэв ыджид пособ воли миянлы. Став лыстысьсылон кодко да пособитысь воли.

Ыджид пропаганда нуөдісны и партийной уджалысьяс, ышөдісны шөдөдны уджын гырысь вермөмъяс. Торйон нин совхоз дыр-йи. Собранныясто, ад-дзысьомъясто нуөдісны, грамотаяс, премия-яс сеталісны, районө совещанньо выло модөдлісны. ВДНХ выло Москваөдз на волим Тоня Игушевакод да Нина Ивкинакод, ыбысь на кодко воли!

Совещанньо. «Партизан» колхозыс уджалысьяс мод да коймөд радын. 1959 во

**Профсоюз пыр путёв-
каяс сетавлісны.** Путёвка
воływліс совхозо, став-
лы вёзйылісны, эз ставон
ёкөтитны мөдны, полыштисны
йөзө мунны да семья коль-
ны эз көсйыны. Вөдзө сідзи и
ётшкылісны вөйсджыкъястө.
Некымынысь слөймылі вет-
лыны санаторийо шойч-
чыны да бурдөдчыны.
Сочиын өтпыр, Феодосияын
Маша Ширяевакөд и кы-
кысь Моршинин (Западнөй
Украина) дзик Польскөй гра-
ница дорас вөлі.

*Мария Алексеевна Лукина, Антонида Ивановна Изгушева,
Нина Александровна Ивкина. Москваын ВДНХ вылын*

Сэтөн төдмасьлі зэв шань, бур нывбабакөд. Сэтшөм олөмыс сылөн вөлөма сьөкыд. Ёна
тшыгъялөмаось. Вөйна дырйиыс өдва ловйөн кольөма. Гожөмнас тусь вылын и олөмаось.
Коркө вотчыны мөдөма ягө. Вотчө-вотчө, юр оз лэптыв. Друг дзик дорся бадь горувсьыс
аддзас автоматлысь дуло, сы вылө витөма. Вөдзө аддзас каскасө немечыслысь, синъяссө...
Виччысьө, кор нин лыяс сійөс. Но немеч немтор оз вөч, и ныв юр лэдзөмөн, вотчигмоз,
нөжйөндзик петас ягсьыс. Веськыд кыис эз вөв гыррдзаөдзсыс. Война кадас ранитчылөма,
да кисө вундөмаось. Пенсияыс ичөт вөлөма. Инвалидность абу сетлөмаось. Ачыс абу вөйс.
Зэв дыр мысти правдаыс кыздкө вөссөма. Вөлөмкө, став документас гижавлөмаось, мый
шуйга кыис абу. А шуйгаысь сэк абу сетлөмаось группа. Мортислөн збыльвылас эськө
веськыд кыис абу вөлөма. Ошыбка бумагаясаныс вөчөмаось. Дыр письмөястө гижалим
ёрта-ёртлы.

Ас нэмнам виль механизируйтөм дворөдз на воли. Ыджыд югыд двор, шөр
проходсө цементируйтөма. Отар помас – куйөд тамбур, мөдар помас – көрым тамбур.
Механизируйтлісны и куйөд, и кормораздача. Но бөр киён сетасьтөдз воим. И куйөдөн
тырлім. Транспортёръяс кымавлісны көдзыдъяснас, куйөд эз пет, поилкаяс йизявлісны.
А виль двор шусис!

Өтпыр татшөмтор лоис. Первой на пырталім мөсьястө виль дворө. Ёрта-ёртлы лысьты-
сьысыас отсалім сувтөдавын да домлавны найөс виль местаяс. Виктор Фокин, электрик,
тшөтш дворас вөлі. А менам аслам дзулей (өш) вөлі, нимыс Вопрос. Рам, кывзысьысь. Көн
көть вөлі горөдча – пышйөн локтас. Ачым эг и повлы, да и сылы зэв любө вөлі, кор гыжъя-
лан сыылі дорсө, куркөдан-весалан мыш вывсө. Лөня домлавны асьсө лэдзис, бөрсяньөдө
век вөдитіс. Сійө луннас, лудйысь скөт пырталігөн, дзулейтө ме и чукөсті пырны дворө.
Ачым турун моздөр босьті, да цементированнөй проходөдыс кыкөн и мунсим. Дзулей
мышкам, ме нөбнам вөдзын. Друг сійө сюрнас лэптіс менө, галөвтис вывлань да бруткис
кызд цемент вылас! Гашкө, любөысь, гашкө, бетоннөй джоджыс эз кажитчы. Юрө пемдыліс,
сувтны эг вермы ачым. Фокин матьтысьө. Висьталіс, мый вөлі кө пицаль, лыйис эськө сразу
өшсө. Вөлөн нуөдісны менө больничаө. Но ставыс тай правитчис, бөр уджавны дворө вои.

Сідз и олім-вылім. Нэмөс мөсьяс, куканьяс, порсьяс дорын уджалі. И гортын скөтысь
эг бырөдчывлө. Верөс шопер, тракторист совхозын, промысловик госпромхозын. Быдтім

да воспитайтім кык ныла-пияс, велөдiм. Вит внук, нель правнук быдмөны. Öнi олөмыс зэв бур и кокни. Висьöмъясыс кö эз вöвны, эськö дивъя овнытö пенсия вылад. Мед сöмын оз вöйитны, да лёк висьöмъяссö оз лэдзавны, да сиктьяссö кутышtasны киссьöмысь. Эз отсав государством сьöкыд кадас совхозъяслы, да киссисны. Дорся сиктьяссö рöвнö кудöтчанöн²⁸ ставсö чышкисны, сöмын нимъясныс паметьö колисны. А мыйта йöз олiсны, уджалiсны! Быд семьялөн гид тыр скöт вöлi. Челядьнысö ичöтысянь удж пыр воспитывайтiсны. А öнi йöзыслөн психологияыс вежсис. Ми моз ки помысь некод нин оз кут муын да скöткöд вöжжайтчыны, колö нин мöд технология. Да и руководствöыс сиктьясын, районаным зэв ылын прöстöй йöз дорсьыс. Абу öти йитöдынöсь. Оз кывны сьöлөм дойсö войтырыслысь. Но кöйсйысяс кутны надея, мый коркö бөр бергöдчасны милань, сиктын олысьяслань, поддержитасны, отсаласны коми сиктыслы не кусны öтьнив²⁹.

Со татшöм история менам мам йылысь. Со кутшöм олан туйыс вöлöма миян пöль-пöчъяслөн – помтöм уджын да тöждын, лишеннöын, страданнöын... Ас кадö тöдлiсны тшыгсö, кöдзыдсö, гöллунсö, бать-мамтöг быдмöмсö. Кöкъямыссянь да кöкъямысдас арöсöдз вабергач моз бергалiсны, олөм чöж гид тыр скöт видзисны, му гöрисны, турун

Мария Алексеевна Лукина
(Öльöш Маш). 91 арöс

пуктисны, ягсö-васö гöгралiсны, тшак-тусьсö вотiсны, звер-пöткасö, чери-яйсö кыйисны!.. А кызди нö удитлiсны та мында уджсö бергöдны, кысь налы сы мында эбöсыс, винёвлуныс, варовлуныс?! Кутшöм сюрöсайсь найö?! Со татшöм крепид да вына вöлины важъя йöзыс. Этшаөн нин колины му вылас. Мед жö Енмыс ставлы налы сетас зумыд дзоньвидзалун да ыджыд шуд!

А аслам дона да муса мамуклы ме муöдз копытча да висьтала: «Аттö, мамöй-сьöлөмшөрöй, ыджыдда помтöм мирас меддонаöй да медрадейтанаöй! Аттö быд бурсьыс, быд уджсьыс, кытчö велөдiн, отсöгсьыд, стрöжитöмсьыд и небыд кывсьыд, челядь-внукъясöс тутöмсьыд.

Асьным, ныла-пия, дзормим нин, внукъяс нин быдтам, а тэнад борд улын пыр на шонтысям, пыр на аддзам тэнсьыд нюм, пыр на мыла гöлöстö кылам. Кутшöм ыджыд шуд тайö, кор

тэ, мамук, видза олан аслад челядькöд дорся! Пöсь молитваөн пыр на благсöвитан асьыд тутасьястö мунiгөн и локтiгөн, ягын и ваын, и чужöй стöрöнаын. Шензьöдан аслад помтöм терпеннöён, вынөн, эбöсөн. Велöдан миянöс овны смиреннöя, ныр лэптавтöг, орччаястö пыдди пуктöмөн. Воис кад, и велöдан нин асьыд внук-внучкаястö радейтны олөм, чужанiн, донъявны олөмсьыс быд здук. Мед долыдджыка овсьö тэныйд миянкöд, дыр на шоныд нюмнад гажöд миянöс, и мед эськö жö кузьöс нэмтö сетас Ен!

²⁸ Кудöтчан – уд. рос.

²⁹ Öтьнив – уд. дзикöдз.

Любовь
АНУФРИЕВА

**Любовь Андреевна
Ануфриева** чужис

1987 воын Изъяв районса Гам грездын.
Помалис Сыктывкарса
государственной уни-
верситетын филология
факультет. Лэдзис
«Linnud ei tauni. Лэбачьяс
оз дивитны. Птицы не
осудят. Birds will not
condemn» (2008), «Мукöд
енкöлаын» (2011), «Дас
витöд из» (2012), «Еджыд
бобула турöб. Вьюга бе-
лых бабочек» (2021), «Мöд
шондi» (Другое солнце,
2022) небöгъяс.
Россияса гижысь котырö
пырысь (2016).
«Наше поколение» кон-
курсын «Поэзия» нимпа-
сын лауреат (Саранск,
2022), А. Е. Ваневлысь
литературной премия
босьтысь (2022).
Олö Санкт-Петербургын.

Вижовгöрд тупыль

Кывбуръяс

Жöлöбысь виялö кольöм войыс,
Бöчкаын дудöма бöръя сёрни.
Ыпъялö сьölöмын курыд дойыс –
Вöтчыны тэ бöрся вывтi сёрнин.

Öтнамön восьлала буса туйöд,
Кадыслön вугырö быттö йöрми,
Верман кö, шондiсö коркö суöд,
Дзикöдзнин зэрысь металун дзöрми.

Некытчö кежнысö меным öнi,
Радлуныс зонтулад эськö вöли,
Сьölöмын улялö дойлön сөнiк,
Зэръяса арыс менлоам сöлис.

Корсюрö надея дзöля сиськөн
Югнитлö кöнкö зэв ылын, пытшкын...
Жöлöбысь талунъя ваыс киссьö,
Öткалун лунысь-лун мейн витшкö...

Чукöрта туйбокысь свечатурун,
Паметьлысь гербарий коркö вöча...
Кадыс мен брезентысь плашсö вурас –
Олöмыс бöрся мевылысь вöтча...

Войнаыс, дертжö, помасяс. Аски.
Ярьюгид шаръяс энэжас лэдзам.
Лэбачöс кывзам лунысь-лун раскын,
Гузьгысьöм чипас вылысьöн тэчам.

Войнаыс талун кöин кодь быттö –
Тшыгъялöм пемöс орлалö мусö.
Салдатлысь лунсö кöкинысь лыддьö,
Шондiыс быдлун йöзыслы кусö.

Изкийн кадыс бергöдлö олöм,
Орсөн век лачкö – пызьон оз гажöд.
Вөрöгыс чужтö лоланым полöм,
Кабырын быдмö лöглуныс важөн.

Миянлы вуджис дедъяслөн выныс,
Бипурён талун ломалё сійö!
Победа пыжён съөлөмö сынас...
Войналысь регыд чашвартам сиöс.

Войнаыс миын помасяс. Коркö.
Сывъялас другён тулыслөн көрыс!
Югыдыс пыр жö пемыдсö торкас,
Шондіа луныс петкөдас вöрысь.

* * *

*Сиа Елена Афанасьевалы,
Диана Холоповалы*

Вайöдіс туйыс вичкоö бара,
Тöv нырыс войбыд молитчис татөн.
Виччысьтöг Сандра* воськовтіс арөн,
Кад пырыс сійö меным зэв матын.

Ловпырийö лэбö вижөдөм корйыс,
Кутны ме сійöс некыз ог вермы.
Ылалас корйыс кадыслөн горйын,
Сандралы кывсö шуны дзик сёрма.

Кисьмöма пелысь вичкоыс вылын,
Бытьтöкö Сандра öзтöма сисьсö.
Йöзыслы туйыс сы дорö ылын –
Вичкоыс татөн лунысь-лун киссьö.

Содйöдыс Сандра воча мен лэччис,
Моздорас кутö астрасö уна.
Дзоридзлы менам съөлөмöй сетчис,
Сандралысь шонді йöзыслы нуи.

Сандралысь шонді мортлы ме сеті...
Вичкоас колö пальöдны олöм.
Сандракöд туйö лунысь-лун петі...
Моздорам коли йöзыслөн полöм.

**Сандра (Александра Попова) –
Иван Куратовлөн радейтана ань.*

* * *

Вояс чөж муні кывбурёй дорё,
Некор ог лыдды тэныд ме сійёс.
Аддзысьлём миян ноябрын ори,
Шоныда сэки кутлін тэ киёс.

Йөктыны тэнё ачым ме кори,
Нинёмла вритны. Радейтчи сэки.
Вояс чөж шонді синъясёс ёрё,
Муслунлы век на, век на өд эска.

Яндзимыс лолёс истөгөн сотё,
Лолала нюмнад. Йөктёмас сылі –
Вотёс моз аслыд олёмёс вотін,
Сьёлёмыд тэнад меысь зэв ылын.

Помасьё ставыс. Тадз меным шуин.
Видзөдлін войлөн кузьсьыс-кузь туйё.
Чөвлунёс менсьым юкмёс тыр юин,
Ловпырйё налим унзіля уйё.

Веськалі тавой ру пиё здукён,
Налимыс изйён сьёлёмам пессьё...
Йөктёмас тэкөд муслунёс юки,
Вошті ме тэнё нэм кежлө сэсса.

* * *

Важиник лампа керкаын өзйё,
Чусалём биыс тывъялө лолёс.
Сьёлёмой туйё петны мен вөзйё,
Тшөкыда айё вөтъясам волё.

Гулюсё вердө ки помысь айё,
Төв нырсьыс дзуртё садъяным ниа.
Вижөдём коръяс гожёмыс вайё,
Шудсё ме аслым войт мында сиа.

Войвылө эськё пышйыны меным!
Лолёй сэн төдіс лэбачлысь вөля.
Орччён век вөлі быттьөкё Енмыс,
Йөз муын кыла ачымёс гольён...

Кытшовсё ассъыс сигөртас олём,
Вайёдас туйыс гортланьё бара.
Гулюён айё садъяным волас...
Өтлаын сыкөд лолалам арён.

* * *

Керканым төдө асывлысь сёрни,
Кисьмытөм озйыс чашкаын коляс.
Кухняё пырны миянлы сёрнин –
Ракпанысь воши шуднымлөн моллыс.

Керкалысь өдзөс тупки дзик өтнам,
Гожомыс зэрөн колльодіс туйө...
Керкаё коркё вола на вётнам,
Черіён норлун ме бөрся уйө.

Жалитны нинөм. Но бөрдө лолёй!
Бытьёкө вермис кисьмыны озйыс,
Бытьёкө вермис гөрддзасыны олөм,
Төв нырыс нуис эновтөм позсө.

Лэбачлөн вуджөр мыччысьліс меным, –
Паметъыс тадзи ас йылысь шуис.
Артмытөм олөм сьөлөмнам вена,
Выльысь мед лолёй шондісө суис.

* * *

Веськалі важас – чужи ме сөмын,
Шарманка ворсіс ньөжйөник гортын.
Геранысь быдмис алөйгөрд көмын,
Шудыс и шогыс оліс быд мортын.

Көрөбө өкті ва дорысь изсө,
Шоныдсө лолысь налы ме сеті.
На пөвстысь аддзи кадыслысь кизьсө,
Югнитіс сійө – олөмас петі...

Ыжмансө вотны ковмис мен уна,
Сакарыс тырмис сьөлөмысь сылы.
Шарманка шыланы корсюрө муна,
Туйыс кор гортланы кажитчө ылын.

Чужи ме сөмын – веськалі важас.
Быдөнлөн тадзи му вылас овлө.
Кадыс мен пачысь кыскаліс пөжас...
Томдырся платтьө мамөлысь новла.

* * *

Асывбыд ручыс пукаліс лолад,
Биавиж бөжнас ылөдліс арөс.
Өгуреч банка мейн зэв сола –
Пышйи ме тавой керкасьыд бара.

Сьөлөмам өкті пөнарлысь бисө,
Кок улам туйсө кылі ме выльысь.
Войыс мен сэки нюжөдіс кисө,
Быттьөкө вои сы дорө ылысь...

Өгуреч банка коли ме войлы,
Медводдза лымйыс лапъялө лолам.
Вуджөрөн ручыд лым пиас войлө...
Эскыны тэныд сэсса ме пола.

Завесөн лымйыс кад пырыс лоас,
Вештыны выныд сійөс оз тырмы.
Лымбаба коркө воча тэн воас,
Көдзыдсьыс здукөн сьөлөмыд сырмас.

* * *

Важ керка вылын воййылыс тырыс,
Дзоридзсө лолөй ылісянь кыйис,
Локті ме чветла – сьөлөмөс кырис,
Чөвлуныс быттьө пищальысь лыйис.

Кылі ме сэки керкалысь сёрни,
Важөн тан шудлөн вөлөма позйыс.
Но татчө воны мортыслы сёр нин,
Корскюрө каля өтнас тан ойзө.

Видз шөрас коркө вөлөма олөм,
Лов шысө керка кылө на вөтас...
А ставыс сэсса кадыслөн дольөм,
Керкаыс бөрдө өткалун слөтас.

Керкаыс мейн гымалө дойөн,
Но туйыс бөрся вөтчыны колө,
Воййылыс пырис сьөлөмам войөн,
Быттьөкө ачым коркө тан олө...

Вөрпа кад

Менö вöталіс ош –
сылы коліс
тöдмавны нимöс,
мед босьтны аслыс
му выв кадöс.
Но мыйöн киö
веськаліс ружье,
воссис: вöралысь –
менам нимöй.
Ошкöс лыйи,
пышйи вöрсьыс.
И вöтсьыс:
пув роз ыджда сьöлөмöс
öдва нуи.

Ошлысь гөлөс век на кыла –
сійöс вайö меöдз чизыр тöлыс.
Аддза сылысь
сьöд му кодь синсö –
вөрпа йирас,
топöдö вöляöс
пытшкöс выныс...

Ме вöталі ошкöс.
Веськыда юалі сылысь,
кытысь
татшöм выныс.
Сійö вочавидзис:
некод йылысь юөр оз коль,
кулöм бöрас кө
водзир-гыжсö босьтны.

Ошкыс пöрис пöчöө,
муса морт пыр
корис нимöс.
Син лапнитлытöг видзöдіс –
кыскис лолöс
вужнас.

...Гортын
мыськи джоджъяс.
И эг тöд, збыль-ö
вöталі ошсö.
Но вөрпа тальыштіс
сьöлөм горсйыс
пув тусьсö.
Кор тэрмасьтöг
мыськи джоджъяс –
тадз корис лолöй.
Скөрмис –
орлавны дась,
нöшта неуна,
и ньылыштас
анькытш-лолöс.
Помтöм кадас
аканьöн лоа,
пöда му выв адас.

Друг бöрыньтчи и
кок полөн тагесö крукаси.
Тшапыд киам
бара босьті ружье.
Лыйи ошсö
и чашниті гыжсö,
жугöді водзирсö.

Тайö кадсянныс
вөрпа саяліс ру сайö.
А нимöй колис.
Му вылас.
Мекöд.

Вижовгөрд тупыль

Му вывсьыс корся ме ассьым сад.
Сэн пулөн туган
кымөр пырыс
судзөдчө енэжө,
мен эськө удитны кивны
ассьым кадös.
Туйыс öтарö петкөдö менö
тöла видз вылö.
Сэнi кузь плаша
дзор тошка пöль
ветлөдлö тытчö-татчö
пуысь вöчöм важ öдзöсөн мыш вылас,
корсьö тöv нырысь керка.
Менам татшöм öдзöсыс абу.
Ме вöсни платтьö кежысь
вуджа видзсö
да корся ассьым сад.

Сьöd кöин петiс тöла видз вылас,
эг бöрынтьчы сыысь –
кöин пырыс аддзи
аслам рöдлысь пöшти кусöм бипур.
Мыйкö дрöгмунлiс меын,
и сэки кöин лолам гöрис туйсö,
кытi эськö аслам нэмөн эг мун.
Ылын-ылын тыдовтчис
вижовгөрд тупыль кодь шондi.
Сöмын сьölöм шоныдөн
ме верма сетны аслам рöдлы выль би,
и сьöd кöин рöднымöс видзас.
И саднымöс видзас, видзас...
Кузь плаша пöль водiс му вылас
да тупкис асьсö пуысь вöчöм
важ öдзöснас.
Ме эськö мездi сийös öдзöссьыс
да кори мунны аскöд –
сiмöм вугйыс колис киам.
Ме
вöсни платтьö кежысь
киын сiмöм вугйөн
вөрзытöг сулала.
Тöлыс лөнис.
Тайö здукас тöрис ловным.
И вöлi нин матынджык
вижовгөрд шондиa садьыс.

Гөрдовлөз тупыль

Тайё видз вылас
кельёймөм турун оз бырлы.
Тайё видз вылас
помасьлытөм ар.
Тайё видз вылас
ме сетча төв нырлы...
Тайё видз вылас
зэрё
оз зэрөн,
гөрдовлөз тупыльон сөмын.
Муөдз сійё оз во.
Вошө...
Лолөс тайё видз шөрас потшис.
Гөрдовлөз шөртөн
арыс лолам кысьё.

Тэ аддзин менё –
кольём кадлөн ныж емыс
выльысь сатшкысис
и сьёлөм пыр муніс.
Аскөдыд джекъяс вайин,
өта-мөдлы воча
пуксим,
кыдзи важөн.
Орччөн сулаліс – муса аныд...
Төлыс кымөрсө вештіс,

оз повззы мед аныд
татшөм зэрсъыс.
Унасьыс-уна гөрдовлөз тупыль
енэжысь уси сьёлөманым.
Видз шөрас төлаліс –
ловнымөс вермис нуны.
Но джекъясыд вужъясисны муас;
менама сёрни миянөс кутіс.
Но төлыс кывлысь лов шысө
нуис войвылө. Ылө... ылө... ылө...
Тупыль ловъя зэрё пөрис,
мыськис сьёлөмсө.

Сөмын инмөдчи киад,
муса аныд нуөдіс тэнө.
Тэ волін
кывзыны менө,
мед верми петны
арлөн кысян шөртись.
Тайё видз вылас
джекъяс вужъясисны
нэм кежлө.
Сідзкө, тэ коркө бара волан...
...Татөн зэв төла.
И зэрё ловъя зэрөн.

Фёдор
КОНЕВ

Фёдор Егорович

Конев – кинодраматург, писатель, член Союза кинематографистов Республики Беларусь, член Союза писателей Республики Беларусь. Автор множества киноочерков о жизни и судьбах северян. Родился в 1935 г. в с. Мужы Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. После службы в армии, вернувшись на родину, работал ответственным районной газеты «Ленинский путь». Окончил сценарный факультет Всесоюзного Госинститута кинематографии в г. Москве. В 1963 г. поехал в Сыктывкар, где открывалась республиканская телестудия. С 1968 г. – член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Беларусьфильм» в Минске, с 1991 г. – зам. главного редактора киностудии.

Снега великие

Роман

На домашнем письменном столе Никиты Егоровича Мехова под толстым стеклом хранится карта, подаренная братом в его последний приезд. Она отпечатана, видимо, способом ксерокопии на белой бумаге в четыре тетрадных листа, и на ней чёрными тонкими линиями выступают контуры рек и проток, соров и возвышений, среди которых штрихами отмечены болотистые места и оленьи маршруты.

При первом взгляде бросаются в глаза штрихи, которыми испещрена вся карта и что означает – одни болота в том краю, что лежат по разные стороны Малой и Большой Оби. Между двумя рукавами великой реки мелкой паутинной сетью выступают протоки, кончиком карандаша пройди, запутаешься, как в лабиринте. Соры – пойменные озёра – выделяются белыми пятнами. Отмечены не только малые деревни, но зимовки, летовки, отдельные юрты и даже охотничьи домики, но всё равно остаётся много необжитого пространства.

Иногда Никита Егорович, сидя в кабинете, забывался над братниной картой, уставясь взглядом в название какого-нибудь посёлка или протоки, и вспоминал, что осталось памятного из того времени, когда он там был. Много их сохранилось, воспоминаний, но никогда не приходила в голову та мысль, что возникла недавно.

На схеме Большая Обь подавалась на восток, а Малая Обь – на запад, и расходились они в районе села Мужы до восьмидесяти километров. Потом начинали сходитьсь, но карта обрывалась, и не было момента слияния.

Не так ли душа Мехова текла всю жизнь сама по себе и была многоводной, как Большая Обь? Вот что неожиданно подумалось.

Малая выглядела более суетливой, извилистой, делилась на другие рукава – Горная, Ильюшинская, Пароходная, словно беспокойно искала, как ей удобней, ловчей бежать по земле, ошибалась, круто сворачивала, оставляя старицы, разливалась безбрежными сорами или входила в узкое русло.

А Большая стремилась в океан широко, вольно и неодолимо, уверенная в своей силе, в своей мощи, в своей бессмертной сути.

Никита Егорович подивился тому, до чего додумался. Выходит, что он прочитал на карте, подаренной братом, то, чего о себе не знал и что только на закате жизни прояснилось, – душа и тело пребывали розно, то есть когда-то они разошлись и дальше текли по своим руслам, как Большая Обь и Малая Обь. Да может ли такое быть?!

Эхо

После учёбы в Москве и недолгих метаний по стране обустроился Никита Егорович в большом городе, тридцать лет отработал редактором на киностудии, вырастил двух сыновей вместе со своей благоверной супругой, уже и старожилом стал, корнями врос и окончательно привык к здешнему климату. Недавно вышел на пенсию, никуда его не тянуло, и была одна мечта на ближайшее время: всё лето провести на даче без всякой суеты.

А в середине марта, если быть точнее – семнадцатого числа – приснился Никите Егоровичу Мехову сон, о котором сохранилась в дневнике короткая запись: «Великие снега, и он в малице. Проснулся, в окне – луна. Точно такая, как явилась во сне».

Реальная луна была, как помнится, неправдоподобно велика, словно приблизилась и на самом деле нижним краем касалась крыши дома напротив.

В ту мартовскую ночь Никита Егорович не стал подниматься с постели, чтобы задвинуть плотные шторы, а смотрел на полный месяц в упор, словно затеял мальчишеский поединок – кто кого переглядит. И длилось это довольно долго, пока луна не уплыла за край балкона. Мехову казалось, что это она излучает ту безысходную печаль, что овладела им. Но вот она скрылась за стенкой, а облегчения не наступило. Сон оставил непонятную тяжесть на душе.

А ведь привиделось так много света!

Белизна вокруг сияла, одна белизна. И холод стоял. Это был невероятный холод, первозданный, неведомый даже Мехову, знавшему, что такое северная стужа. Во сне на нём были пимы и малица, он не мёрз, а только изумлялся холоду и белизне.

Никита Егорович понимал, что стоит посреди тундры, в самой середине великих снегов. Вокруг не было ни единого признака жизни, даже чахлой берёзки, только снег и снег. На горизонте лежал плоский круг луны. Он был пугающе велик и неподвижен.

Мехову подумалось, что это стылое око вселенной. На небе не виднелось ни одной звезды, словно холод загасил их, как угольки.

«Почему я здесь оказался? – подумал Никита Егорович. – Мне положено быть в постели в эту пору».

И тут услышал за спиной голос:

– Я тебя позвал.

Обернувшись назад, Мехов увидел человека, одетого точно так, как он, но к тому же – удивительно похожего лицом. Только незнакомец был гораздо моложе, лет двадцати. В эту пору жизни Никита Егорович покинул родные места и уехал за тысячи вёрст в поисках нового пристанища.

С самим собой, что ли, встретился?

Приглядевшись, Мехов понял, что это не он сорокалетней давности, а очень старинный человек, потому что незнакомец держал в руке туго изогнутый лук с тетивой, скрученной из оленьих жил, из-за левого плеча торчали стрелы с перьевым охвостом, и пряжка поясного ремня – тасмы – была костяной.

– Ты кто? – спросил Никита Егорович.

На вопрос незнакомец не стал отвечать, словно и не слышал, а поднял руку и показал на восток. Совершенно непонятно почему, но Мехов был уверен, что человек указывает на восток, а не в какую-то другую сторону.

– Тебе туда идти надо, – сказал незнакомец. – Шибко идти надо.

Там находилась луна – сквозная дыра в небе. Никита Егорович почувствовал, как снизу ползёт, втягивается в малицу, как в колокол, смертный холод, и очнулся, а в ушах всё ещё звучали тревожные слова незнакомца:

– Тебе туда идти надо.

Он показывал рукой на восток, где за уральским хребтом дремало в снегах большое поселение под названием – Мужы. Там находился род Никиты Мехова – в живых и мёртвых. Что там могло случиться? Отчего тревожно стало? Кому понадобился Никита Егорович?

Случаются такие сны, в которых душа подсказывает человеку о том, чего он сам ещё не предвидит, но что должно непременно случиться. Правильно разгадал сон – правильным путём пошёл, а не услышал предостережения – беды не миновать.

– Тебе туда идти надо.

А зачем? Не о том ли хотел сказать человек в малице, что пора собираться домой? Побыл в гостях и возвращайся. Под родными-то небесами помирать легче.

Да вроде Никита Егорович к исходу ещё не готов.

Второй раз незнакомец в малице, который приснился в начале весны, побеспокоил Никиту Егоровича в мае. В разгаре были дачные работы, наступила пора садить картошку, готовить парник под помидоры, перекапывать огород – всех дел не перечислить!

Он не был из тех оголтелых дачников, которые самозабвенно возились на своих участках. В его жилах текла иная кровь, не земледельцев, не пахарей. Далёкие предки были оленеводами, и только уже дед осел и построил большой дом в селе. Зато жена происходила из тамбовских крестьян. И он убедился теперь, что значило – гены.

– Ты всё делаешь, – упрекала она, – без души. Разве можно так с растениями? Они ведь живые!

– Я рабочая сила, – отвечал Мехов. – Большого не требуй.

На этот раз он остался один на даче, жена уехала в город и обещала вернуться через два дня, если заведующая аптекой даст положенные отгулы.

За это время Никита Егорович вскопает огород, подготовит и накроет новой плёнкой парник, натаскает компоста, то есть проделает всю грубую работу, и тут явится главная агрономша, чтобы взять руководство посадочными работами на себя.

Признаться, Мехов не любил оставаться в одиночестве, ему не хватало привычной воркотни и бесконечных придировок жены,

её деловитой серьёзности в пустяках и просто близкого присутствия. От очень редких людей Никита Егорович не уставал и, к счастью для него, к таким относилась его суетливая и «всегда самая правильная» Дарья.

Когда к вечеру он закончил возню на огороде и закрыл сарай, сложив инструмент, то вдруг почувствовал, что не хочется идти в дом. Отчего и почему это нежелание возникло, Мехов не понимал, но помимо воли опустился на ступень крыльца и решил погодить.

В своё время получив землю и позволение, люди понастроили настоящие хоромы, иные из которых достигали четырёх этажей, дачными домиками не назовёшь никак, настоящие особняки. Дом Мехова по сравнению с ними выглядел куда как скромно, однако был из добротного леса, пяти метров ширины и семи – в длину, с мансардой и верандой. Для его семьи простора хватало.

Сидя на крыльце, Мехов пытался разобраться в смутной тревоге, что поселилась в нём, и почему-то припомнился ему теперь уже давний, мартовский сон: снег, луна, человек в малице.

Опускался вечер, деревья потемнели, в их кронах уже загустели сумерки, однако в небе ещё светились облака, и почудилось, что они возносятся ввысь, снизу подхваченные прощальными солнечными лучами, как лёгким ветром. Они улетают туда, где всегда светло и не бывает той кромешной темени, что всегда угнетает Никиту Егоровича.

Возможно, детская боязнь темноты и породила сон о белых снегах, что лежат без конца и края, как застывшее молочное море? Но скорее всего – они всплыли из памяти, и в том не было ничего удивительного, он вырос и возмужал на Севере. Станным было другое: из тех же глубин памяти всплыл и этот человек в малице. Мехов не мог объяснить, почему и как это происходило, но в нём возникла полная уверенность, что он всё знает о приснившемся тундровике, но только запамätовал его имя.

– Как же зовут? – произнёс вслух неожи-

данно для себя Никита Егорович.

Он мысленно представил человека в малице. На этот раз тот стоял на коротких широких лыжах, обитых камусом, явно готовый пуститься в путь.

– Ты кто? – спросил его Мехов.

– Человек.

– Почему так похож на меня?

– Это не я на тебя, ты на меня похож, – объяснил человек, помогая себе жестами.

– Ты жил раньше меня? В каком же году?

– Давно было. Не знаю – когда. Это у вас годы, а у нас было лишь время. Оно продолжалось бесконечно, только меняло имя – утиное, первых комаров, вонзевое – тогда поднималась по реке рыба, – великой мошкары, оленьего гона... Рыбак давал свои имена, охотник свои, а время оставалось одно, и никто его не подгонял, как вы это делаете. Вон у тебя на руке тикают и тикают, торопят зачем-то жизнь. Разве можно долго смотреть на костёр или на воды реки, если они на руке всё время тикают? Время не надо мерить, тогда оно большое.

– Вижу, любишь поговорить. Как же зовут тебя?

– Би.

– Погоди, погоди... Я помню, это позырянски – огонь. Так тебя прозвали?

– Тут у меня огонь, говорят, – он прижал руку к сердцу. – Потому так прозвали. Но кто видел, что у меня тут? И разве может быть огонь в груди? Не может такого быть.

– Это прозвище – Би. А имя?

– Так меня зовут все. Значит, это моё имя. Так звала меня мама. «Ты такой шалун, как огонь в костре», – говорила она. Я обнимал её и спрашивал: «Разве я обжигаю тебя?» Она отвечала: «Нет, ты меня греешь». Но братья сказали: «Уходи. Ты в чуме опасен, как огонь, который вышел из очага». И мои соплеменники сказали: «Уходи, Би. Ты пугаешь нас».

– Потому ты один посреди тундры?

– Меня везли долго, очень долго, три раза поднималась луна, и оставили, не велев возвращаться назад.

– Ты хочешь домой?

– Я иду. – Он помолчал и показал рукой на восток. – И тебе туда идти надо.

«Ну, иди, – мысленно махнул рукой Никита Егорович, – а мне ужин сварганить нужно. Не знаю, как ты, а я проголодался».

Поднявшись с крыльца и поглядев на небо – имел он такую привычку, – Никита Егорович прошёл в дом и принялся готовить ужин.хлопот особых для этого не понадобилось, жена оставила в холодильнике жареное мясо, поставил греться на электрическую плиту и стал ждать, присев в конце стола у окна на полстены.

И пока Никита Егорович возился у плиты, Би, стеснительно улыбаясь, ожидал внимания. Наше воображение не подчиняется нам, иногда приходят такие фантазии, что сам себе дивишься. Но человек в малице не казался Мехову вымыслом, он его помнил, как свою, например, благоверную Дарью. И при этом был уверен, что никогда не встречался с Би. Эта какая-то наследственная память. Должно быть, и такая возможна в природе человека.

– Почему изгнали тебя твои соплеменники и братья? – спросил человека в малице Мехов.

– Я пел песни.

– И за это тебя бросили посреди тундры? Хотя чему я удивляюсь. Мало ли было в истории... А скажи, что за песни ты пел? Почему они так не нравились им?

– Они меня любили, когда я пел о солнце, о птицах, о смелых охотниках, – ответил горделиво Би. – Дети и старики, женщины и мужчины почтительно слушали меня, когда я пел им о делах старинных, о наших предках. Но братья шибко стали сердиться, когда я запел о ней.

– И кто же она?

– Самая красивая.

– Ты любишь какую-то девушку, но её не выдают за тебя? Иначе не стали бы злиться?

– Ты правильно догадался, – согласился Би. – Они не хотят, чтобы я пел о ней и чтобы она слышала мои песни.

– И что ж теперь делать тебе? Куда по-
дашься? Собрался же идти, вижу, куда-то.

– Пойду назад. Меня изгоняли вот
столько раз. – Би показал девять пальцев. –
Столько же раз возвращался. Теперь сказа-
ли – вернётся, убьём.

– Так чего же назад-то идёшь?

– Там – она.

– Тебя же убьют, наивный человек!
Нельзя назад.

– А без неё жить можно?

– Мне такие вопросы не задавай. Я ды-
шу в другое время. Может, девять раз я и
вернулся бы, но в десятый... Сказали же –
убьют. Чего тут неясного? Не пошутили же
братья?

– Не-е, не пошутили.

– Вот видишь. Ты мне другое скажи – я-то
почему должен идти туда, на восток? В про-
шлый раз говорил... А? Чего я там не видел?
Что там потерял?

– Там твоё стойбище, – ответил Би.

Запах подгорелого мяса вернул Никиту
Егоровича к действительности, он метнулся
к плите и снял сковородку.

За окном опустилась темнота, как зана-
вес, за которым не различались даже силуэ-
ты деревьев и контуры соседних построек.
Мехов зашторил окно, словно от кого-то
прячась, и расположился перед скворча-
щей сковородкой.

Полужинав, Никита Егорович помыл по-
суду в тазике и выплеснул на улице грязную
воду. Вернувшись в дом, решил почитать,
устроившись в качалке возле торшера, но
книга оказалась скучной и нагнала только
сон.

Стало уже поздно. Глянув на часы, Мехов
полез в постель. Усталость навалилась сра-
зу, словно ждала момента. Заныли мышцы,
мозги окутал туман. Едва успел накрыться
одеялом, как уснул.

Спал крепко, без сновидений.

А посреди ночи проснулся. Кто-то был в
доме.

Он очнулся от необъяснимого, непод-
властного воле и разуму страха. Он уже

испытывал однажды этот ужас. И теперь
вспомнил.

На окраине села возле рыбоучастка стоял
перевёрнутый чан, один край которого
был подпёрт поленом. Его привезли на за-
мену старого, сгрузили с баржи и оставили
на откосе возле дощатого длинного сарая, в
котором женщины в долгих клеёнчатых пе-
редниках солили рыбу точно в таких чанах.

Стянутый двумя могучими железными
обручами и высотой в мальчишеский рост,
он был таким широким, что на его дни-
ще могла загорать вся неразлучная гоп-
компания, считавшая себя грозой посел-
ковых мальчишек. Но друзей в тот раз не
оказалось с Никиткой, и вообще пусто было
на причале. В конце мостков стояли рядом
два просмоленных плашкоута, похожих на
чугунные тогдашние утюги, да белел опа-
лужкой за ними катер «Юган».

Гроза налетела внезапно, подкралась
из-за леса и обрушила такой ливень, что
вмиг набухли ручьи. Никитка нырнул под
чан, а подпорку подмыло, и чан накрыл его.
Никитка заметался, как зверёк, угодивший
в ловушку, и вдруг замер, услышав свой
жалобный мышинный писк. Сработанный из
толстых в три мужских пальца клёпок чан
не пропускал звуки, а темень была такая,
словно смолой залили глаза.

Возможно, с тех пор Мехов так не любил
темноту.

Крупные капли дождя барабанили по
днищу чана, и почему-то Никитке подума-
лось, что это прыгают и злорадно стучат
когтистыми лапками все те снегири, что он
выловил в силки за свой короткий век. Они
узнали, что и он попался, потому мститель-
но радуются. О, наши грехи!

Десятилетний Никитка понимал: самому
не выбраться на волю. Ему было стыдно, что
оказался таким слабым и беспомощным,
что он – вожак мальчишеской ватаги – ис-
пугался, струсил, как заяц, и погибает не на
глазах народа от рук врагов, как мечталось,
а совсем не героически, даже смешно.

И теперь шестидесятилетний Мехов

испытывал тот же страх в такой же темени и умом понимал, что всё это выглядит комично, кому расскажи – посмеётся, но сердце... Оно в последнее время пошаливало, даже к врачу ходил. А тут к нему подкрался настоящий ужас, и оно может лопнуть.

Страх исходил из кухни, которая находилась за дощатой перегородкой. Там кто-то был.

Кто же умудрился пройти в дом, если Никита Егорович точно помнил, что запер на ключ входную дверь? Без шума не проникнуть было. Но он слышал чьё-то мерное и тяжёлое дыхание. Вне всяких сомнений, кто-то сидел за кухонным столом на том самом месте, где Мехов вечером ужинал.

Ворья развелось великое множество: то и дело соседи рассказывали, что опять обчистили дачу, унесли даже веник. Но грабитель не стал бы сидеть в темноте, в его деле поспешать надо, не отдыхать забрался в чужой дом.

И к тому же Мехов не испугался бы человека, будь он трижды бандит. Никита Егорович не опасался за свою жизнь, это был другой природы страх, первобытный, что ли, необъяснимый, лохматый, так парализует, должно быть, неподвижный волчий взгляд. Или присутствие нечистой силы.

Тогда Никитку выручили Петухов с напарником. Они из капитанской рубки катера видели, что случилось, и поспешили вызвать пацана. Но уже и того, и другого нет на белом свете, на этот раз не прибегут...

«Да что же это? – злился про себя Мехов. – Как я могу поддаваться животному страху? Чего я боюсь? Что может со мной случиться? Самое страшное – смерть. Но ведь когда-то всё равно придётся умирать. Так чего я трясусь?»

Долго и нудно Мехов уговаривал себя таким образом и, наконец, осмелился отбросить одеяло, под которым прятался. Сидя на краю кровати и нащупывая ногой тапочку, Мехов почувствовал голой спиной холод, которым потянуло из кухни. Так влет от ледяной глыбы. Он быстро поднялся

и повернулся лицом к тому неизвестному, что было за перегородкой.

Боялся одного: что сердце не выдержит, что не успеет дойти до выключателя. А свет стал бы спасением. Хоть бы лучик, хоть бы смутный проблеск! Тьма.

Выключатель находился у входной двери, то есть следовало пройти через кухню. Не чувствуя босыми ногами холодного пола, Никита Егорович прошёл несколько шагов и стал искать руками перегородку. Шагнул ещё и уткнулся кончиками пальцев в фанерную дверь, которую легонько толкнул.

Почему-то он ожидал увидеть некое свечение в конце стола, где, по всей вероятности, мог сидеть ночной посетитель. Но была только тьма. Дыхания тоже не слышно стало, гость затаился. Но то, что он там, Мехов чувствовал.

Те остальные шаги, что он совершил, Мехов не осознал, как лунатик. Он находился в полуобморочном состоянии и почему-то опасался одного: чтобы холодная рука не коснулась его плеча. Когда лампочка вспыхнула, Мехов закрыл глаза и через прижатые веки видел свет. Он сразу ощутил, что за спиной никого нет, что этого и быть не могло, что все его ночные переживания смешны и только.

Нервно хохотнув, будто всхлипнув, Никита Егорович обернулся, конечно же, никого не обнаружил, прошёл к столу и сел на стул. Сел и вскочил – ребристая матерчатая обшивка была холодной.

«Да показалось! – мысленно прикрикнул он на себя. – Ну, и нервы у тебя!»

Вытащив из холодильника бутылку, Мехов налил полстакана водки, проглотил, стоя, и зажевал хлебом. Старинное, многими поколениями испытанное лекарство помогло, внутри разлилось тепло, и остатки недавнего страха растаяли, как льдинки.

Вернувшись в комнату, Мехов закутался в одеяло и сел в качалку.

Стараясь разобраться в пережитом, Мехов постепенно пришёл к убеждению, что это приходил Би. «Чудно! – думал он. –

Это был он. И веяло холодом, и мистические чувства проснулись. Но что мне делать? Чего он меня тревожит?»

Ещё сколько-то посидев и не выключив лампочку, Никита Егорович перебрался в постель и вскоре уснул. Глаза открыл, когда уже вовсю светило солнце, но соседи ещё не проснулись, ещё не вышли на улицу и не обсуждали политические вопросы.

Поднялся с постели с охотой, хотелось работать, действовать, делать что-то полезное, нужное. И знал – отчего на душе хорошо. Солнце светило – вот что. В комнате четыре окна, и в каждое – потоки света. А выглянул на улицу – там праздник, торжество. Каждый лист на солнце играет. Небо голубое, распаханное, как глаза влюблённой женщины.

«Но почему он опять приходил? – промелькнула мысль, как тень. – Отчего он говорил, что мне надо идти на восток? Не от меня эти слова. Не вымышленные. Слова эти от него. Я их придумать не мог».

Однако утренний свет опьяняюще действовал на Мехова. Внутри всё трепетало от нервного нетерпения, пока натягивал на себя старые спортивные шаровары, вздувшиеся в коленях, и выцветшую майку, которая от многочисленных стирок села и еле прикрывала пупок. Но Никита Егорович привык к этим тряпкам, и как ни противилась жена, а только их одевал в погожие дни, чтобы чувствовать себя удобно.

Наконец-то, выбравшись из дома, Мехов остановился на крыльце, изумлённо замер, вознеся взгляд, и трижды повторил мысленно: «Слава тебе, Господи!» Он мог бесконечно долго смотреть на небо, если даже не было ни единого облака на нём, а светилась одна голубизна, которая захватывала дух своей прозрачной бездонной глубиной и невнятно звала, манила куда-то, блазила далью.

– Это ты приходил, Би? – спросил весело Никита Егорович.

Но как ни силился Никита Егорович, ему не удалось вообразить Би, не возникал он

перед мысленным взором. Чего это с ним? Потом Мехов догадался – слишком он легкомысленно сегодня настроен, чтобы с ним захотел общаться Би.

Однако через несколько дней снова возникло ощущение, что Никита Егорович не один, что при людях и без них ещё кто-то находится рядом, незримый, но явственный, будто неотлучно держится за спиной. Мехов маялся, его угнетали предчувствия чего-то недоброго и неизбежного, а однажды напрочь лишился сна и провалялся в постели до самого утра, ни на миг не забывшись. А перед глазами плыли картины, которые в этой земной жизни он не видел, но отчего-то ясно, отчётливо помнил.

Два чума стояли на обрывистом берегу. Река под снегом только угадывалась по карликовым тальниковым зарослям, которые тянулись полосками с одной и с другой стороны, а между ними лежало широкое снежное поле. Это и была река. Она спряталась на зиму под толстый лёд, чтобы не замёрзнуть и сохранить в своих водах местную, оседлую рыбу.

Два чума стояли на свободном расстоянии друг от друга, и жили в них две семьи. В одном чуме спали старик со старухой да четверо сыновей, пятый в тундре был, стадо пас. Совсем юная Ва сидела у костра, что горел посреди чума, и дремала: смуглое личико и чёрные косы, украшенные монистами, сделанными из золотых и серебряных монет. Родители и братья любили сестру, не скупались на её украшения и наряды, которые выменивали у приезжих купцов на лисьи и беличьи шкурки.

Ещё далеко было до утра. Ва очнулась не потому, что стал потухать костёр. Она недавно подбросила дров. Её разбудила смутная тревога. Она сразу поняла, что ещё полночь, что всё вокруг в эту пору спит, и нет никакой причины для того, чтобы так шало забилося сердце. Но оно прыгало в груди, как зверёк в ловушке, и Ва не могла усидеть на месте.

Бесшумно двигаясь, чтобы никого не разбудить, девушка одела малицу и вышла на улицу. Крупные, как спелая морошка, звёзды отразились в её черных раскосых глазах, а смуглые щёки вспыхнули румянцем. Ва догадалась, что возвращается Би. Об этом говорили небо и белая тундра. Природа любила Би и радовалась тому, что он возвращается домой. Радость звёзд передалась Ва, но девушка испугалась этого чувства и убежала в чум. Если кто-то из братьев проснётся и увидит её на улице, то сразу догадается, о ком она думает.

А думала она о том человеке, который ей дал имя – Ва. Он первый так назвал её, особо обозначив среди других людей, и она стала единственной, потому что имени такого не было ни у кого. Вода – вот как её звали. Он сравнивал её со звонким ручьём, с каплей росы, вечной рекой и чистым озером, в котором отражаются облака и звёзды.

Круглолицая Ва снова сидела у костра, охраняла огонь в ночи и прислушивалась к тишине. Ещё не было слышно шороха лыж, ещё далеко находился Би, и только сердцем могла почуять – идёт. Об этом говорил даже огонь костра, трещали поленья, будто сороки-вещуньи. «Да знаю, знаю, – отвечала им Ва. – Хорошо ли будет, когда Би вернётся?»

Три жениха у неё, все собой молодцы. Это братья Би. Все трое хотят взять её в жёны, детей от неё иметь, род продлить. Она выйдет за того, за которого повелит отец, потому что все трое равны по красоте и силе. Умная головка Ва строила планы, доброе сердечко готовилось почитать мужа. Она послушная дочь, благодарная сестра и будет утешительной женой. Её ждёт обычная доля, какая досталась матери, бабушке, она с детства освоила: мужчина заботится о достатке, женщина облегчает ему жизнь. Так повелось исстари...

Если бы не Би!

Когда он начинал петь, земная твердь уходила из-под ног, будто Ва обращалась в птицу и взлетала. От его слов, от его голоса

мир становился другим, и то, что казалось извечным, неизменным, начинало выглядеть спорным. Почему отец должен решать её судьбу? Почему она должна выйти за одного из троих братьев, а не за четвёртого – Би? Какой бог это сказал? Пусть повторит самой Ва. И она ответит богу, что это неправильно. А правильно, когда девушка сама выбирает, прислушиваясь к своему сердцу.

Это был бунт. Каждый раз, как он пел, ей хотелось подойти, обнять его и замереть, чтобы стать счастливой. Разве можно? Что скажут братья? Как испугаются родители? И даже это место, где стоит чум, ославится позором на века. «Здесь девушка сама обняла парня», – вот что будут говорить. «У этой девушки не было стыда», – останется слава.

Во втором чуме у костра сидел седой старик. Трое сыновей спали, а больше никого не было. Жена старика ушла в иной мир, устала на этом свете. И он притомился очень. Он исполнил, что мог: оставил трёх сыновей и оленей в общем стаде, не стал делить на три части. Две заботы остались только у старика – молодую хозяйку ввести в чум да ещё раз увидеть младшего сына Би.

Дочка соседа будет хозяйкой. Всё обговорено до последнего слова. Сама девка ещё не знает, а старики уже решили: старшего на ней женят.

Вторая забота в сердце сидит, как древесный жучок, точит и точит, больно. Старик прожил долгую жизнь, тундру знает. На этой земле сильный выживет. Все три сына отменными пастухами стали, умны, сильны, неутомимы. А Би смешной получился. Оленя убить не может – жалко. В лебедя стрелу не пустит – жалко. Медведь на него поднялся. Позор! Зверя заговорил, по загривку потрепал и отпустил. В руках же был! Люди смеялись, старику стыдно. Не рыбак, не охотник, не пастух. Зачем тундре нужен? Теперь помрёт один. Повидать бы...

Покойная жена любила Би. Песни ему пела. Старшие к отцу тянулись, ещё на ноги не поднялись, а уже нож держали в руках. Младший больше рядом с матерью нахо-

дился. Много она знала сказаний, былей и песен. Хорошая была. Подумает старик о ней, слёзы текут. Светлая была, будто в груди солнышко носила. Вот и Би такой.

Когда все мужчины стойбища решили изгнать младшего сына, старик опустил голову и ушёл в чум. Он сел у костра и смотрел на огонь. Он не мог защитить Би и не пытался, потому что пастухи были правы. Кто о нём будет заботиться, когда старик умрёт? Его же и зовут-то Огонь, как этот костёр, – не подбросишь дров, потухнет. Такая уж судьба, не жилец.

Плоско лежали великие снега. Они занимали всё пространство, которое могли видеть глаза. И на этой белизне крохотной точкой выделялся Би, который шёл на подбитых мехом широких лямпах прямоком, по одной строгой линии, чтобы сократить свой путь. Когда он приблизился, Никита Егорович обратился к нему:

– Слушай, Би! Почему ты меня позвал? Зачем ты вообще возник? Странно всё... Я ведь ни разу в чуме не был. На оленьих упряжках случалось кататься. А в чум не заходил, не привелось. Так откуда я помню, что и где там находится?

– Некогда мне с тобой разговаривать, – отмахнулся Би, продолжая прытко шагать. – Не мешай.

– Но я знать хочу!

– Потом.

– Когда потом-то? Убьют тебя, и все дела. Ты что же, думаешь, за тебя выдадут Ва? Да никогда! Там уже всё решено. Её в жёны возьмёт твой старший брат. И она ему будет рожать детей. А за тебя не отдадут. Да и сама не пойдёт. Песнями сыт не будешь. Так что умерь... прыть-то.

– Глупый ты человек! – покачал головой Би и горестно вздохнул. – Не имеет значения, за кого она выйдет замуж.

– Да как же так? Тогда чего бежишь?

– Ей никто не откроет, какая она. Проживёт Ва на земле и не будет знать, какая она. Вот что меня печалит.

– И какая же она? – спросил Никита Егорович, несколько обидевшись на то, что Би назвал его глупым.

– Да разве об этом можно сказать? Об этом можно спеть? Ты когда-нибудь пел любимой девушке? Вижу я – не пел. Оттого такой непонятливый.

– Ты уж больно умный! Да рот не успеешь открыть, как тебя палками забьют. Очень они на тебя злые. И твои братья тоже. Их трое да те пятеро. Где ж тебе управиться? Верная смерть! Умный навстречу своей гибели не бежит.

Би торопко продолжал скользить лыжами по насту и помахивать руками в такт шагам. Он делал то, на что никогда бы не осмелился Мехов: десятый раз возвращался назад. Были случаи в жизни, когда Никита Егорович стоял перед двумя решениями – рискнуть или остерегаться. И каждый раз он выбирал второй выход. К цели шёл осторожно, с оглядкой и мог терпеливо ждать.

Отчего-то Би не стал с ним больше разговаривать. Видать, было ему не до Мехова, к чумам приближался. Уже видел два белых столба, два дыма, поднимались до самого неба и стояли неподвижно. Потом и сами чумы показались.

Угасли звёзды, и край неба порозовел. Ва увидела чёрную точку на белом снегу и поняла, что это идёт Би. Ещё раньше вышли на улицу её братья и отец. Они стояли в широких в подоле малицах и молчали.

Из второго чума показались трое братьев Би. Старик-отец всю ночь охранял огонь и теперь спал. Он один не знал, что Би возвращается в стойбище. Собаки бросились навстречу идущему и не стали лаять, а забегали вокруг, путаясь в ногах и радостно повизгивая. Они любили Би.

Когда изгнанник подошёл близко и остановился в нескольких шагах, то улыбнулся на всё лицо и сказал:

– Я придумал новую песню и потому вернулся. Это моя лучшая песня, очень хорошая.

Старший брат девушки посмотрел в сторону второго чума. Там стояли трое. Остальные братья Ва тоже повернули головы в ту сторону и стали ждать. И родитель Ва смотрел туда. Трое опустили головы и скрылись в чуме. Этим они сказали, что не будут мешать. Пусть братья невесты решают, как быть с неугомонным Би. Он пришёл сватать, ему надо ответить.

Каждый из братьев Би надеялся, что девушка достанется ему. Им ещё не было известно, что порешили старики. Но всем троим Би мешал. И если братья Ва сумеют отделаться от него навсегда, они не будут против любого решения. А старик не узнает, что Би приходил. Зачем говорить и расстраивать человека?

Четверо братьев молча связали Би и усадили на пустую нарту. Из второго чума вышел средний брат Би и пошёл на смену пастуха, который был при стаде.

– Жалко, что уходишь, – сказал ему Би. – Ты не услышишь мою песню.

Но брат ничего не ответил, а побежал на лямпах по утреннему хрусткому снегу. Вскоре вернулся пятый брат Ва. И тогда запрягли пять упряжек. Ва побежала в чум, всё поняв, но отец вывел её оттуда за руку и сказал:

– Ты поедешь с ними. Увидишь сама, что Би не надо ждать. Тебе некого будет ждать, и ты спокойно выйдешь замуж.

Один из братьев усадил сестру на свою нарту, и все пять упряжек двинулись обозом в сторону Большого Камня. Так назывался Урал, вершины которого сверкали на горизонте под лучами низкого солнца, словно языки застывшего пламени.

Ехали долго, но день ещё не кончился. Братья остановили упряжки в ущелье, где в заветрии росли высокие деревья. Старший выбрал голую до вершины лиственницу, согнувшуюся от собственной тяжести дугой. Он перебросил тынзян – сплетённую из кожаных полос бечеву – с петлёй на конце. Би развязали, чтобы он мог идти, и двое подвели к лиственнице. Он не отбивался, вёл

себя так, будто не его собирались вешать. И когда Ва робко подняла взгляд, он посмотрел ей в глаза и запел.

Голос его был чистым и звучным. Он завораживал слух и проникал до сердца. В груди становилось тепло от его голоса, а от слов начинала кружиться голова.

Братья суеились, пихая друг друга, каждый норовил сам надеть петлю на шею Би и мешал остальным.

– Я помню, – посветлев лицом, повёл свою биль певец, – когда ты родилась. Мне было пять лет, но то утро, когда ты родилась, стоит в моей памяти, оно осталось навсегда. Тебя ждали все – твоя мать, твой отец, твои братья. И я ждал тебя, Ва. Ты пришла желанной. Небо стало чистым, как ты родилась. А до этого была непогода. Солнце поднялось, ветер присмирел, воды притихли, деревья и травы замерли, вся природа дивилась тебе. Утки не крикали, гагара перестала рыдать на реке, не чирикали воробьи, не лаяли собаки – все слушали твой первый крик. И уже все тебя любили.

«Пусть тынзян порвётся, – молилась про себя Ва. – Пусть Би не умирает».

Когда братья приладили-таки петлю и потянули за другой конец бечевы, ноги Би оторвались от земли, но он не вознёсся на небо, а рухнул вниз. Тынзян лопнул. Ослабив петлю на шее, Би продолжил песню, как будто и не случилось ничего, просто помолчал для передышки.

– Я помню, как ты из угловатой девчонки превращалась в красавицу, – исповедовался Би. – Я следил за этим каждый день. Менялись твоё лицо, глаза, походка, улыбка. И дивно было! Это природа творила тебя. Ты её самая любимая дочь. Никого лучше и красивей тебя у неё нет. Потому зимы стали мягче, а лето длинней, что появилась ты. Потому уток прилетает больше и рыбы прибавилось в реке, что есть среди нас ты.

– Замолчи! – закричали в злобе братья, сплетая два тынзяна воедино. – Напрасно стараешься. Мы прикажем сестре, и она забудет твои слова.

– Не смешите меня, – сказал Би. – Мои слова растворились в её крови. В каждой капельке – моё слово. Разве можно забыть, что в крови нашей?

«И этот пусть порвётся, – повторяла про себя Ва. – Милые боги, сделайте так, чтоб не умер Би».

– Мы его смешим! – озлились братья и дружно потянули двойную бечеву, зная, что с Би спорить трудно.

Сердце Ва замерло. Ей было жаль Би. Ничьи слова не волновали так, как его, и никто не приходил в её сны, кроме него.

И снова взлетевший было Би повалился на землю. Чуть отдышавшись и презрев суету братьев, он поднялся на ноги и продолжил песнь, глядя на Ва:

– Красота не умирает. И ты будешь всегда. И я не умру. Глупые твои братья повесят не меня, а только мою плоть. Одна ты знаешь, что я уже спрятался в твоём сердце. Смерти нет в природе, милая Ва. Ты же видишь – что умирает осенью, возрождается весной.

Неугомонные братья, подгоняемые злобой, которая с каждой неудачей только росла, сплели три аркана воедино и набросили на шею Би новую петлю. Ва очень хотелось спросить их, что такого плохого сделал Би, за что надо убивать его трижды. Но она не смела заговорить, потому что братья ещё больше разгневались бы из-за её вмешательства.

«Пусть и тройной тынзян порвётся, – повторяла она про себя. – Пусть лопнет, как травинка».

И когда братья потянули за конец бечевы, а Би оторвался от земли, из груди Ва вырвался крик, и тройной тынзян лопнул.

– Боги не хотят его смерти! – сказала громко и отважно Ва.

И братья растерянно застыли. Они вспомнили о богах и подумали, что нельзя их злить. Если трижды не удалось повесить Би, то не стоит рисковать дальше. А то и впрямь боги могут разгневаться на них. Но как же быть?

– Аргиш! – закричала Ва.

Она очень обрадовалась упряжкам, которые показались из-за высокой скалы и потянулись цепочкой, образуя обоз – аргиш. При людях братья не будут убивать Би, вот чему обрадовалась Ва.

Семь оленьих упряжек приблизились и остановились. Братья спрятали обрывки тынзянов и смотрели на пришлых людей настороженно.

– Кто такие? – спросил старший.

– Землепроходцы мы, – ответил приветливо высокий человек, сойдя с первой нарты.

– Откуда будете? – спросил старший брат спокойно, потому что видел – никто не держится за рукояти ножей.

– Из Великого Новгорода держим путь, – ответил высокий, у которого были русая кучерявая борода и голубые глаза.

– Не знаем такого стойбища, – сказал старший брат. – И куда вы направляетесь?

– Встречь солнцу идём, – показал рукой на восток русобородый.

Братья подумали, что эти незнакомцы хотят достигнуть солнца, и усмехнулись. Они собрались предупредить, что это невозможно, однако старший продолжил разговор, спросив:

– Что вы там хотите найти?

– А неведомо, – улыбнулся бородатый и развёл руками.

– Отчего же идёте, если не знаете, что там может быть? – удивился старший брат.

– Да оттого и идём, мил-человек, что неведомо, – растолковал русобородый.

Тогда старший брат решил иначе спросить:

– Что вы ищете, чужеземцы?

– Ничего не ищем, – ответил миролюбиво всё с той же приветливой улыбкой русобородый. – Знать хотим, что в тех землях, откуда солнце встаёт.

Заметив, что братья хотят тоже заговорить, старший поднял предупредительно руку. Он считал себя самым умным в стойбище. Возможно, он был самым умным на

всю тундру. Он сразу понял, что эти люди, которые сами не знают, куда и зачем идут, очень похожи на Би. И, смекнув это, хитро спросил:

– Когда пойдёте назад?

– Должно быть, никогда, – без всякой грусти сказал новгородец. – Мы идём, чтоб открыть новые земли. Может, там впереди – Лукоморье. Сказывают старики, что есть вольготная страна. Коли найдём, зачем возвращаться? А пока не найдём, будем идти. До смертного часа, выходит.

Ответ очень понравился старшему брату, он хитростью выведал то, что важно было для него.

– Вас мало, – сказал он сочувственно.

– Да, – вздохнул русобородый, – другие не пошли. Не верят в Лукоморье другие-то.

– Берите его, – поставил точку в умной дипломатии старший брат, показывая рукой на Би.

Русобородый улыбчиво посмотрел на парня, который с первого взгляда понравился ему открытым своим лицом.

– Пойдёшь? – спросил новгородец Би.

Кому охота болтаться на верёвке? Би посмотрел на девушку и сказал:

– Я приду назад. Провожу до Лукоморья людей и вернусь.

– Уж не знаешь ли, где та страна? – удивился русобородый.

– Откуда-то же встаёт тёплое солнце! – ответил Би.

Обрадованный тем, как обернулось дело, старший брат выделил Би одну упряжку. Олений обоз двинулся по ущелью между высоких гор. И уходил всё дальше, пока не растворился в белизне. Ва смотрела на следы полозьев и молитвенно произносила про себя: «Я запомнила твои слова, Би. Они растворились в моей крови. Я женщина и должна рожать. Когда родится мой сын, он будет похож на тебя. В нём будет огненная кровь. И я его назову – Би».

Старший брат взял в руки хорей и сказал уверенно:

– Би никогда не вернётся, потому что нет

такой земли – Лукоморье. Эти люди не первыми ушли на восток. Я видел таких. И отец говорил, что видел. И дед видел. Многие ушли и не вернулись. Дорога забрала Би навсегда.

Так печально завершилась для девушки по имени Ва эта история. Но могло быть всё гораздо хуже. Они никогда не увидятся больше, но Би остался живым. Он всегда говорил ей правду, нисколько не умея обманывать, и только в последнюю минуту перед вечной разлукой немножко слукавил, чтобы утешить её: сказал, что ещё вернётся.

Очень много лет спустя другой человек – Никита Егорович Мехов – тоже задумался над обещанием Би. На что надеялся этот странный человек, который только и умел, что петь?

Смущало Никиту Егоровича и то, что он не мог понять, зачем Би посетил его душу? Почему так похож был на молодого Никиту?

Человек, как травинка, как дерево, как всё живое, держится своей породы, своих родовых корней, повторяется по сути.

Очень может быть, что кто-то из предков тем же характером обладал, что и Никита Егорович, такие же страсти уживались в нём, и злился, и печалился, и любил схоже, то есть душа настроена была на один лад. Нет ничего удивительного в том, что несколько сот лет назад жил уже однажды Никита Егорович, только звали его тогда Би, а теперь он повторился, но уже на другой лад.

Би изгоняли из родного чума, а Мехов сам покинул родные места, но причина была одна – песни. Двадцатилетний Никита Мехов прямо-таки с пламенной страстью сочинял стихи. Он хотел вырваться из глуши в Москву, чтобы тут же прославиться. Но с годами поэтический зуд сошёл на нет, листки со стихами пожелтели и валяются на чердаке дачного дома, надо бы спалить в костре, чтобы не оставлять после себя, да всё не соберётся с духом.

Иногда ему кажется, что стихи в душе

иссякли от того, что оторвался от родины, лишив себя тем питательных корней. Но и об этом он задумывается всё реже, не видя никакого смысла в объяснениях. Теперь он мечтал только о покое, и потому не мог объяснить себе появления Би. Он не звал его, тот сам приходил.

А Би со своими новыми друзьями ушёл далеко, до Лены-реки добрался.

И снова перед глазами лежали снега, одни снега. Плоская тундра заколдованно замерла под луной. Маленький обоз был похож на иголку, за которой протянулся нитью санный след. И он тянулся от одного края горизонта до другого.

– Опять ты? – не удивился Никите Егоровичу Би.

В заиндевелой опушке капюшона малицы его обветренное лицо показалось иконным ликом. Но Би улыбнулся, и Никита Егорович понял, что перед ним не отрешённый человек, а согретый надеждой.

– Да вот, – сказал Никита Егорович, усевшись рядом на нарте. – Спросить захотелось.

– Чего не успокоишься? – подивился Би. – Без вопросов-то жить легче и проще. А ты всё вопросы придумываешь. И похож на того человека, который идёт берегом реки. Разве ж ему плохо? Река рядом, лес рядом. Зверя промышлай, рыбу лови. А он, чудак, камешки подбирает. И уже ему тяжело идти, столько насобирал, а всё не успокоится.

– Притчами заговорил?

– Чтоб понятней было. Много вопросов, много ответов. Больше узнал, ещё больше знать захотел. И нет тому конца. А порожним-то идти легче. Зачем камешки собирать?

– Ты так и поступаешь?

– Не знаю.

– Как это можно не знать – порожним едешь или?..

– Я об этом не думал. Некогда мне об этом размышлять.

– Чем уж так-то занят?

– Песню придумал. Птица машет крыльями, оттого летит. Я песни придумываю, оттого живу.

– И о чём песня-то твоя, теперешняя?

– О том, как Ва проснулась утром, вышла из чума и увидела небо и землю.

– И что из того, что увидела?

– Как что? Она каждое утро просыпается и снова видит мир. Я ей спою эту песню, и Ва поймёт, как хорошо жить.

– Да как ты ей споёшь, если уходишь всё дальше и дальше от неё? Каждый день разлука становится больше.

В ответ Би поглядел на Никиту Егоровича с таким выражением на лице, словно видел перед собой полного несмышлёныша. Чуть спустя Никита Егорович понял причину такого высокомерия. Упряжка Би находилась в хвосте обоза. Он остановил оленей, встал рядом с нартой, держась за хорей, что поставил стоймя. Очень важным выглядел.

И удивил же Би! Всё мог ожидать Никита Егорович от него, но только не такого поворота мысли.

– Были горы, – сказал он. – Ушли.

– Куда ушли?

– Вниз, – пояснил Би. – Был лес, ушёл. Я поставил шест. Ехал на нарте, смотрел, как он уходил вниз.

Посчитав, что объяснил достаточно, концом хорея Би провёл на снегу черту, и возникла дуга, похожая на лук. Никита Егорович сошёл с нарты и уставился на это полукружие. Видя, что он пока ещё ничего не понял, Би продлил дугу, и получился круг.

Он сделал великое открытие! Вот что случилось! Вот какой поворот мысли произошёл в мозгу Би! Он догадался, что земля круглая. За такие откровения на костре сжигали. Правда, потом века помнили. Ставили памятники. Но Би не думал о славе. Он никакого значения не придавал тому, какое великое открытие сделал.

– Я иду к Ва, – сказал он. – Я опять иду к ней. Она выйдет из чума, увидит меня, и глаза её радостно засияют.

Вот что было важно этому Птолемею! Галилею этому, Джордано Бруно, Копернику, наконец!

– Слушай, Би! – страстно стал умолять Никита Егорович Мехов. – Куда ты меня звал? Почему я должен идти на восток? Скажи, пока не ушёл своей дорогой.

Шагнув к нарте, Би сел и взял хорей наперевес. Олени зашевелились, поднялись на ноги, но возница медлил. Никита Егорович ждал. И Би ответил ему. Положив хорей на колени, он коснулся рукой груди и сказал:

– Тебя там ждут.

Затем Би гортанно закричал, ударил хореем по крупу вожжевого и погнал оленей по санному следу.

В один из субботних дней Никита Егорович всё утро маялся, чувствуя непонятное беспокойство. К обеду вернулась из бани Дарья, румяная и довольная. Заваривая для неё чай, Никита Егорович вдруг замер и уставился на жену.

– Слушай! – воскликнул он. – Никогда прежде не обращал внимания. Что же выходит? Пётр родился второго декабря. А я – двадцать восьмого февраля.

– И что? – уставилась на него Дарья.

– Он в самом начале, а я в последний день зимы.

– И что ты хочешь сказать?

– Нас разделяет зима, снега великие, – произнёс растерянно Мехов, и впрямь удивившись своему открытию.

Пётр был его родным и единственным братом. Они очень любили друг друга. Их связывало не только родственное чувство, а что-то гораздо большее. Братья жили розно, один – в родном селе, другой – в большом городе, их разделяли тысячи километров...

Разговор этот происходил уже летом, в самом начале. Мехов неожиданно для себя сказал:

– Может, позвонить в Мужи?

– А чего? – не поняла Дарья.

– Да так. Давно не звонили.

– Раз надо, позвони, – сказала жена. – Ой, чаю хочу! У них теперь девять часов вечера. Как раз все дома.

– Набери ты, Дарья. У тебя дикция хорошая.

– А что я скажу?

– Спросишь, все ли живы-здоровы.

– Коли что случилось, сообщили бы.

Она была права – не стали бы молчать. Никита Егорович подумал, что и в самом деле не стоит беспокоить никого.

После кончины матери Мехов наезжал в Мужи не каждый год, а всё реже и реже. Родственники радовались ему, зазывали в гости, относились искренне и тепло, но у каждого хватало своих забот и неотложных, у матери была одна в его приезды – Никита, старший сын.

В последние приезды Мехов останавливался у Петра. Но тот любил со своей женой и сыном наезжать к нему сам, так что чаще виделись на этой земле. Уже лет пять Мехов не навещал родного села.

– Ну, чего стоишь? – спросила жена. – Кому позвонить?

– Брату.

– Ставь пока чайник.

Она взяла трубку, на лице – заранее улыбочка, указательным пальцем по кнопкам поклывала и стала ждать.

Там кто-то поднял трубку.

– Ну, как? – засияла Дарья.

Её, видимо, узнали, обрадовались, и уже Дарья смеётся, сверкает белыми зубами.

– И у тебя голос молодой! – отвечает громко. – Ну, прямо скажешь! Это я только что из бани. Ой, хорошо, Лида! Приезжай, вместе сходим, я тебя попарю.

Раз две бабы болтают о бане, значит – всё спокойно в Мужах. Мехов шагнул к жене и отобрал трубку.

– Здравствуй, Лида! – сказал он. – Что там хозяин делает?

– Здравствуй! Петра-то нет дома.

– А где он так поздно?

– В Овгорт уехал. Уже пятый день.

– Чего он там потерял?

– Электростанция не работает. Да эти мотористы, дураки пьяные, опять чего-то поломали. Всю весну Петя там провёл. Всё починил. И на тебе!

– Как он-то?

– Ничего. Он же не жалуется.

– А на что жаловаться должен? – настояжился Мехов.

– Что-то похудел сильно после операции.

– Какой операции?

– Мы не сообщали разве? А-а, я вспомнила! Он не стал тебя тревожить. Всё, говорит, нормально прошло, так чего трезвонить? В марте, Никита, ему сделали операцию, удалили грыжу.

– О таких вещах молчали?

– Ну, Петра своего не знаешь!

– Есть какие-то последствия?

– Да всё, говорит, хорошо. В мае, правда, простыл сильно. Вроде вылечился, да вот опять поехал. Теперь не знаю, не простыл бы опять.

– Звонил хоть?

– Вчера говорила с ним. Заканчивает. Может, приедет на днях. Как вы там?

– Мы-то ничего. Мы в порядке. Вернётся – пусть позвонит.

– Ага, я передам. Ну, дай хоть Дашу!

Передав трубку жене, Мехов пошёл на кухню и машинально поставил чайник на плиту. Известие было неожиданным, но оно не огорчило, а, наоборот, успокоило. Сколько лет Петро таскал эту грыжу! Никита Егорович не раз говорил брату:

– Вырежи.

– Да я не хочу.

– Совсем же запустил.

– Как вырежу, – открылся однажды брат, – так помру.

– Что за глупости говоришь, Петька! – возмутился тогда Мехов. – Рассуждаешь, как старик. Не тяни с этим делом.

Но брат не только боялся скальпеля, для него выпить таблетку было страшно.

– Они больше вреда приносят, чем пользы, – говорил он, и переубедить его было невозможно.

Всё-таки осмелился на операцию, трус жалкий. Сколько лет таскал эту гадость! Пузо уже барабаном, а он терпит. Нашёл драгоценность! Умрёт он, как вырежут! Обошлось же... Вон сколько прошло времени! Когда это он вырезал? В марте, что ли?

В прихожей, где стоял телефон, стало тихо. Никита Егорович опрометью бросился туда, увидел, что Дарья кладёт трубку, и закричал:

– Спроси!

– Алло! Алло! Лида! – испуганно стала звать Дарья. – Подожди! Никита чего-то хочет спросить.

– Когда операцию сделали? – почему-то зашептал Никита Егорович. – Какого числа?

Передав вопросы, Дарья молча послушала и сказала вполголоса мужу:

– В марте. Семнадцатого числа.

Вернувшись на кухню, Мехов стал готовить заварку. Подошла Дарья и озабоченно спросила:

– Что с тобой?

– Да нет, – мотнул он головой. – Тебе показалось.

– Вот видишь? – она села на стул. – Всё хорошо в Мужах. А за Петра я просто рада. Молодец всё-таки! Где чай? Я по твоей вине от жажды умру.

Чтобы проверить себя, Мехов прошёл в кабинет и достал дневник. Полистав, он нашёл запись: «Великие снега, и он в малице. Проснулся, в окне – луна. Точно такая, как привиделась во сне».

Дата – 17 марта. В этот день Петро лежал на операционном столе. Он не мог не подумать о старшем брате.

Лето и осень пролетели быстро. С Мужами постоянно связь была: то Дарья кого-то поздравит с днём рождения, то оттуда позвонят. На несколько дней приезжал Валерий, сродный брат, по делам оказавшись в Москве. Что уж тут не навестить!

Потом был конец декабря. Никита Егорович получил зарплату и не стал задер-

живаться на работе, чтобы не разгуляться с приятелями по случаю смурного настроения, а поспешил домой. Однако по дороге прихватил бутылочку водки.

Жена милостиво отнеслась к покупке и сама поставила на стол закуску. Она только чуть пригубила, а Мехову позволила выпить целых три рюмки. Тогда он и сказал о снегах, но Дарья ничего не поняла. Откуда было ей знать, что Мехову припомнился давнишний сон о человеке, который показывал на восток и говорил, что надо идти туда, потому что там ждут?

И тут затрезвонил телефон.

– Междугородний, – испуганно проговорила Дарья, уставясь на мужа. – Хоть бы ничего не случилось...

Она всегда почему-то пугалась коротких и тревожных сигналов междугороднего вызова. Да и сам Никита Егорович тоже настораживался, когда телефон оживал неожиданно, не по случаю праздника или дня рождения, однако на этот раз он ожидал звонок от Петра. Он подошёл к телефону, поднял трубку и впрямь услышал голос брата.

Это было двадцать восьмого декабря.

Никита Егорович после водочки пребывал в добродушном, даже весёлом настроении. И в трубку закричал застольным голосом:

– Прощаюсь, брат, со старым годом! Ну, расскажи, как ты?

В трубке было тихо.

– Петро! – позвал Никита Егорович, сразу почуяв тревогу.

– Даша далеко? – спросил брат.

– Сейчас позову. Что случилось?

– Да ничего. Сам-то как? Мне, понимаешь, надо спросить насчёт лекарства. Попроси Дашу. Тебя обнимаю.

Дарья стояла уже рядом. Никита Егорович растерянно подал ей трубку, а сам отошёл в сторону и слушал, стараясь догадаться, о чём говорит Петро.

Не всё он понял, но речь шла о лекарствах. Дарья советовала какие-то препа-

раты, называла по буквам, тот записывал, видимо, и снова спрашивал. Несколько раз Дарья повторила:

– Выкарабкаешься, Петя. Даже не думай!

Потом она стала убедительно просить, чтобы он скорее приезжал, ещё весной, не дожидаясь лета.

Когда вернулись за стол, Никита Егорович спросил жену:

– Ну, что там?

Ему не понравилось, как Дарья посмотрела на него. Она пыталась скрыть какой-то испуг и потому старалась казаться спокойной.

– Ты же слышал, о чём говорили, – пожалала Дарья плечами. – Спрашивал, чем лечиться.

– От чего лечиться?

– Да простыл он. С лёгкими у него всегда было плохо.

– Ты перечисляла незнакомые лекарства, – сказал Никита Егорович, всё более убеждаясь, что жена чего-то не договаривает. – Для обычной простуды назвала слишком много.

– Не забывай, что он перенёс операцию.

– Причём тут лёгкие и грыжа? Почему ты несколько раз повторила, что он выкарабкается?

– Ну, он меня спрашивает: «На этот раз я выкарабкаюсь?» Я говорю: «Приезжай». Мне нужно, чтобы он был здесь, тогда я его вылечу. Он обещал в феврале приехать. К твоему дню рождения. К этому времени достану нужные лекарства, проконсультируюсь со знакомыми врачами и примусь за Петьку. Не могу я его по телефону лечить.

Довольно долго Никита Егорович выпытывал у Дарьи подробности разговора, но она ничего дополнительно не сказала, как-то сумела успокоить.

– До февраля осталось немного, – говорила она уже твёрдо, с привычной для неё уверенностью. – Я могла его раньше звывать. Но теперь же на Севере холодно. Как он поедет? Ещё больше простынет. Пусть только приедет, я за него возьмусь.

И хоть Никита Егорович утешал себя мыслями о скором приезде брата, беспокойство не оставляло. Под самый Новый год дозвониться не удалось, линия была перегружена, а первого числа Дарья прорвалась до Мужей. Петра не оказалось дома, он пошёл с женой в гости к своему другу. Ответил Серёжка и обещал передать отцу и маме, что звонили дядя Никита и тётя Даша. Этот звонок несколько успокоил: коли ходит по гостям, значит, всё не так уж плохо. К тому же вечером пришла телеграмма с пожеланиями всяческих благ. Видимо, тоже не дозвонился и поздравил таким образом.

Но с того дня, как позвонил Пётр, каждую ночь Мехову стали сниться Мужики. Прямо какое-то наваждение.

Сны были разные, странные больше. Давно уже нет той избышки, в которой Никита Егорович провёл детство, а почему-то она часто снилась. Однажды привиделись все, кто теперь уже на погосте. Сидели за праздничным столом, молодые, весёлые. Нарядная мать зовёт Никиту. Он только что откуда-то приехал. Вот она зовёт, рукой манит, а он никак не может переступить порог. Силится поднять ногу, а ничего не получается, не отрывается нога-то от пола, будто свинцом налилась.

А то опять же мать приснилась. В старой малице топит она печь. Сотни раз он такой её видел при жизни. Стоит она перед железной печкой на коленях, чиркает спички, а они не горят. Отсырели, что ли? Мать тихонько ворчит да снова чиркает. Головы она не поднимает и похожа в малице с капюшоном на чёрную монахиню.

А Никита и на этот раз издалека приехал, молодой ещё, лет двадцати трёх. И удивляется тому, что мать не замечает его. Когда ж такое было! Тут Никита увидел брата, но уже в годах. Замёрз, видать, и руки над железкой держит, а она холодная. Мать-то никак не растопит. И странно Никите, что они его не видят, сами собой заняты. И даже обидно стало.

Сны были такими ясными, такими под-

робными, словно и впрямь душа спящего Мехова навещала родные края.

Девятого числа позвонила Лида, братова жена, и сказала, что Петру плохо. Не закончив разговор, заплакала и положила трубку. И буквально минут через пятнадцать, Никита Егорович ещё не пришёл в себя, как снова затрезвонил телефон.

– Надо приехать, наверно, – прозвучал в трубке сдержанный голос Валеры, двоюродного брата.

– Что с ним?! – прокричал Никита Егорович и сам поразился своему воплю.

– Да ты подожди, – испугался Валера. – Всё же нормально. Пётр попросил, чтоб приехали. Я и звоню. Мы подадим телеграмму, билеты легче будет достать.

Дома как раз никого не было. Мехов метался в панике, стараясь сообразить, что нужно сделать. Стал звонить Дарье в аптеку. Она что-то сразу поняла.

– Подожди меня, – сказала Дарья спокойным тоном врача. – Я уже скоро.

Только теперь, пожалуй, Никита Егорович понял, что значит – не находить себе места. Садился и тут же вскакивал, ходил по комнатам и начинал ненавидеть себя, что мечется, как придурок, ставил чайник и тут же выключал газ, останавливался у окна и через минуту чувствовал, как противно смотреть даже на деревья. И всё кружил вокруг телефона. Остановится и стоит. А трубку взять страшно. Опять убегает.

– Как же ты долго? – бросился навстречу Дарье.

– Нам ехать надо, – сказала она.

– Что с Петром? – слабым, не своим голосом спросил Мехов. – Что ты молчишь?

И она стала объяснять, что Петро очень серьёзно болен, но процесс можно остановить. Приводила примеры, когда врачи уже отказывались лечить, а больной выживал. Потом начала вытаскивать из сумки лекарства, и было их так много, что Никита Егорович вышел из оцепенения. К тому же Дарья продолжала с уверенностью говорить, что всё ещё поправимо, что думала

взяться за Петьку весной, но не будет откладывать и потому надо ехать.

Утром следующего дня пришла телеграмма. Билеты до Москвы уже были куплены. Поезд уходил вечером. Это было десятое число.

Весь день прошёл в сборах. Дарья достала ещё какие-то лекарства. Ей звонили подруги, связывали со своими знакомыми врачами, те давали советы, обнадеживали, правда, сожалея, что не знают подлинной картины болезни.

Днём позвонила Рита, двоюродная сестра Мехова. Она уже не скрывала правды:

– Выезжайте, если хотите застать.

Но Дарья упорно успокаивала мужа, что родня паникует.

– Надо, чтобы мы успели.

К поезду приехали на такси. Провожал младший сын. Он любил своего дядю и был опечален. Да как можно не любить Петра?! Только бы успеть!

В Москве попытались улететь самолётом, но ничего не получилось. Билеты были проданы за две недели вперёд. Цены-то сумасшедшие! Кто летает? Добрые люди объяснили, что челноки везут товар. Они свои расходы окупят, большого ума не надо.

Взяли такси, помчались на Ярославский вокзал. И там билетов нет. Никита Егорович тут же отчаялся, а Дарья убедила кассиршу, показывая телеграмму. Та оказалась доброй женщиной и дала два купейных билета без мест. Мол, в дороге договоритесь с начальником поезда. Проводник долго ломал голову, как ему быть: билеты есть, а места не отмечены.

– В общий надо идти.

– У нас купейные.

В таких случаях Никита Егорович был беспомощен. Дарья на своей аптечной работе каждый день сталкивалась с людьми, и проводнику трудно было сбить её с панталыку. Он ей начинает толковать, что не отмечены места, а она долбит своё – вагон девятый. Тот ссылается на какие-то инструкции, а она своё – билеты купейные.

– Мест нет, – кипит уже злостью проводник. – Будете стоять в проходе.

– Будем стоять.

– Да вам ехать трое суток!

– Будем стоять трое суток.

Посадил всё-таки, не смиростивился, а сдался. И Никита Егорович не мог понять, почему проводник так сопротивлялся, если в вагоне оказались пустые места. Ответ был очень прост и знаком ещё по старым временам:

– Забронированы.

Но, видимо, добрых людей сатана не изведёт, хоть и старается. Тут же нашлась тётка, которая усадила Дарью, а чернявый, как теперь говорят – кавказской наружности парень – устроил вещи на верхней полке и предложил Никите Егоровичу устроиться рядом. Дарья коротко объяснила, куда и по какому поводу едет с мужем, и уже все в купе вели себя, как старые добрые знакомые.

Мехов давно не выезжал в дорожный мир, и ему было не по себе. Прошли сутки, как он оказался в пути, за это время промелькнуло перед глазами великое множество людей. Первое ощущение было такое, что люди не видят вокруг никого, так сосредоточены в своих заботах. Тащатся куда-то с вещами, совершенно одинокие в толчее, словно и не живые существа вокруг, а одни помехи.

И другое чувство не оставляло, возникнув. Те, от кого хоть мало-мальски зависел Никита Егорович со своей Дарьей, смотрели одинаково оценочно: сколько эти двое стоят и что из них можно выжать. В прежние времена Никита Егорович замечал такие взгляды разве у ресторанных швейцаров.

«Да Бог с ними! – отмахнулся Мехов от неприятных мыслей. – Что мне до них! И что им до меня! Встретились, расстались... Я еду к Петру, и только он меня занимает».

Вспомнилось далёкое жаркое лето. Петьке ещё, должно быть, нет пяти лет. Худенький головастик в застиранной ситцевой рубашке и коротких штанишках, боконогий. Он играет возле амбара, который

стоит на самой круче. И не видит, что по реке плывёт пароход. А как раз напротив этой кручи пароходы разворачивались, чтобы подойти к пристани. И при развороте они давали причальный гудок, извещая село о своём прибытии.

Уловив момент, Никита хватает за руку ничего не понимающего брата, и они вместе выскакивают из-за амбара на кручу как раз в тот момент, когда раздаётся мощный, басовитый, низкий рык. А Петька жуть как боится паровозного гудка. Он вырывается, как пойманный за лапу заяц, и бежит от реки. Никита гонится за ним, ловит его.

– Ну, чего ты боишься?!

Зайчик отбивается, Никита случайно задевает локтем его нос. И тогда Петька начинает реветь.

– Ты мне нос разбил. Видишь – кровь?

– Да какая же это кровь? Кровь не бывает белой.

– Бывает.

– Да не бывает!

– Бывает, и всё!

Чего он так боялся паровозного гудка?

А Никита наоборот – любил без памяти. И ночью, бывало, услышит зовущий, могучий и зычный гудок, от которого дребезжали стёкла в окнах, и сердце трепещет в груди, ноги сами выносят на улицу невесомое тело, и Никита уже на пристани.

Пароход пыхтит, причаливая к шатким мосткам, с верхней палубы капитан в рупор даёт команды, бойко бегает матросы, гремит якорная цепь, натягивается толстая чалка-цинкач, прямо звенит, песчаный берег набухает людьми... А светло – белая ночь. И так празднично на душе, так радостно! И так мечтается Никите уехать далеко-далеко...

«Петька, Петька... – думал Никита Егорович, глядя в тёмное стекло и видя зыбкое своё отражение. – Как же я не понял? Как же не сразу кинулся к тебе? Ты меня звал, глухого».

После Ярославля, где вышло много народу, начальница поезда выделила места –

две верхние полки. Никита Егорович забрался в постель и только теперь почувствовал, как устало всё тело – каждая косточка, каждая жилка. Но он не мог уснуть, а была середина ночи, воспоминания не давали успокоиться.

Виделся жаркий летний день. Такие светлые, пронизанные солнцем дни только в детстве и случались. Как же было радостно жить! Одежка в заплатках, башмаки изношены, одно слово – безотцовщина, а на душе празднично, словно музыка играет. И не усидеть дома.

Природа манила к себе то лесом, то лугом, то рекой, и так много таилось в ней любопытного, что было до слёз жалко себя, когда непрошенный сон начинал смыкать глаза. Никитка просыпался каждый раз с ужасом, что пропустил нечто такое, чего уже не увидит. Он кубарем слетал с крыльца и мчался в первую очередь к реке. Любил её больше леса, больше травянистых лугов – она важно текла куда-то, и по ней ходили пароходы. Как много с ней связано воспоминаний!

Кажется, ещё совсем недавно, – а прошло уже более пятнадцати лет! – жива была мама. Она – душа святая! – так и не поняла, зачем Никите понадобилось уезжать из родных мест. Она ждала его приезда, как только наступала весна. Встречала каждый теплоход на пристани. Ей говорили – да ведь рано.

– Вдруг приедет? – отвечала она. – А я не встретила!

И был такой единственный случай – проспала пароход. Запозднил он, вечером не прибыл, а только под утро появился. Мать стояла в осеннем холоде до поздней ночи. Вернулась домой погреться и уснула, да крепко так, что гудка не услышала. И как же бедная всполошилась, когда Никита постучал в дверь! Ведь чуяла, что приедет с этим пароходом.

А Никита в тот раз возвращался с армейской службы. Тащил два тяжёлых фанерных чемодана. Все чего-нибудь домой приво-

зили. Голодно жили, разуты. Ещё от войны толком не оправились.

И смеху было в доме – а сбежались соседи, тётки, бабки, – как увидели, что чомоданы забиты книгами.

– А мы-то думали!

– Что вам думать-то? – заступилась мать. – Чего ждали? Я вот сына ждала и дождалась.

Однако на книги она смотрела с опаской: чуяло материнское сердце, что они-то и есть разлучницы. Не ошиблась: увели от родного порога её сына эти книги.

Потом каждое лето навещал Никита Егорович мать, и ни разу более не было случая, чтобы она не пришла на пристань.

Когда Мехов учился в Москве, мать надеялась, что он вернётся в село и будет работать в школе, а ещё лучше в райкоме партии, поскольку там хорошо платят. Она, верующая, была не против того, чтобы он вступил в коммунисты, потому что видела – иначе нельзя, и хорошего места не получишь, и в четвёртый магазин не пустят. Была в селе такая лавочка – для элиты, спецраспределитель. Можно ведь и в партии быть, считала она, и Бога не забывать.

Но сын учился в институте кинематографии и в село вернуться не мог, там не было киностудии.

– Так далеко уехал, – вздыхала мать при встрече. – Это что же, дальше Москвы?

– Дальше.

– О, господи! Буду умирать, не успеешь приехать.

Но Мехов приехать успел. Мать умерла тихо, ночью, никого не побеспокоив. А днём появился долговязый мужчина с вислым носом и принёс урну для голосования. Шли какие-то выборы. Мехов не знал этого типа, из приезжих был, но до сих пор помнит, как этот человек расстроился, что покойница не дождалась его. Теперь непонятно, как ему быть. Можно за неё бросить бюллетень. Но ведь она не жива. Узнают, пропишут в газете. Не проголосовать тоже нельзя, в списке стоит, а справки о смерти

не имеется. И Мехову жаловался:

– Вот уж ситуация так ситуация!

Через неделю после смерти матери Никите Егоровичу исполнилось сорок пять. Знамение какое-то, неразгаданное... Столько раз приходила на пристань, а тут не дождалась семи дней.

За столом сидели тётки в траурных платках, братаны, родня.

– Любила она тебя больше нас, – сказала тогда сестра Ольга. – Испугается чего, шума какого, вскрикнет: «Никита приехал!» всю жизнь так вот. Летом к реке ходит. Зимой у окна сидит. И знали мы, по тебе тоскует.

Ту материнскую тоску Никита Егорович понял потом, как её не стало. И с годами всё более занимала его душу печаль, что не ждёт она его на пристани. Всё бросил бы и помчался, чтобы обнять и сказать, как её не хватало.

В последний приезд подвёл двоюродную сестру Риту к могиле матери и сказал:

– Ты моложе, должна меня пережить. Урну с моим прахом сыновья привезут, закопайте в ногах мамы.

– Где именно? – спросила серьёзно Рита.

Мехов показал сестре на правую сторону могильного холма и для полной ясности подошёл и коснулся кончиком палки того места, где его праху быть.

Наступит час, вернётся сын навсегда, однако не торопи...

Их осталось трое – Ольга, сам Никита и Пётр. А на самом-то деле девятерых детей родила мать. Все они поумирали в раннем возрасте. Тогда ж в Мужах и больницы-то не было. Одна Ольга выжила, старшая сестра. А отец мечтал о сыне. До слёз хотел. Радовался рождению каждого, а год пройдёт или чуть более, и снова младенца нет. Надежда иссякала, как река по осени, и тут появился Никита.

Тётка Варвара – была такая – поехала на пески за рыбой. Отец как раз летовал под Шурышкарами. Вот и спрашивает приехавшую гостью, какие новости. Та отвечает, что особых новостей нет, вот только Никита

умер. Отец побелел весь лицом, шапку – оземь и говорит:

– Продам дом и уеду. Проклятое это для меня место.

Это он так сказал – дом, а семья жила в маленькой избушке, горница которой была так мала, что перегородку не поставить.

И тоже своя история у той избёнки. Прежде была баней. Дед по отцу являлся зажиточным мужиком, что по новым законам никуда не годилось, и его раскулачили. Но его сын Егор по случайности был мобилизован красными и воевал с Колчаком. За эти заслуги перед советской властью ему выделили под жильё родительскую баню, которая и стала отчим домом для Никиты Егоровича.

Боец Красной Армии Егор Мехов был вынужден и одним из первых вступить в колхоз, потому что иначе не выходило, коль приказано стать примером. Эти обстоятельства много помогли в школе и позже Никите Егоровичу, иначе был бы он социальным лишенцем как выходец из враждебного кулацкого сословия. А так писал в анкетах – из крестьян-колхозников.

За тогдашние трудодни даже такой рыбак и охотник, каким был по воспоминаниям селян Егор, дом срубить оказалось не по средствам. Всё собирался, копил силы, да так и ушёл на войну.

А что касается того случая с тёткой Варварой, так она поняла свою оплошность и давай поправлять дело.

– Не твой Никитка, зять, – затараторила баба. – Да как ты так понял? Стала бы я о нашем спокойно говорить! Старик Торзем помер. Совсем одряхлел. Чего уж тут!

Сто раз, а может, и больше рассказывала тётка Варвара эту быль и непременно добавляла:

– Уж рад-то был, что не его Никитка! Рыбой нагрузил меня. Как не надорвалась!

Сколько себя Никита Егорович помнит, мать всё боялась за него. Всё ей чудилось, что не жилец он. Видимо, потерянные дети не забывались. Оттого и любила его осо-

бенно, вперемежку со страхом.

Но ни тётки, ни сестра не знали о том, да же не догадывались, что мать, всю жизнь отдавшая детям, пронесла через свою жизнь ещё одну великую потаённую любовь. А может, смекали, да тоже молчали. Зачем судить о чужой душе!

Известия об отце долго не было. Уже война кончилась, и стали прибывать фронтовики. Ушло много народу, крепкого и ладного, а воротились единицы, и те в основном покалеченные.

Цел и здоров сошёл на пристань Николай Вокуев. Вместе с отцом уходил. Мать, конечно, сразу же к нему пошла, стала расспрашивать. В первый день ничего он не сказал. Прикинулся, что не знает. И молчал долго. Потом растолковали ему, что похоронки нет, а потому дети не получают пособия.

И Николай Вокуев рассказал, как переправляли солдат-северян через Ладожское озеро на Ленинградский фронт. Николай попал на первый паром и благополучно сошёл на берег. А тут рассветать начало. И он видел судно, на котором плыл, по его расчётам, Егор Мехов. Каких-то полчаса оставалось до берега, как налетели немецкие самолёты. На его глазах разбомбили судно в пух и прах.

Хорошо помнится Никите Егоровичу, как вернулись в избу мать с тётёй Наташей. Тётка плакала навзрыд, а мать стала её успокаивать. Она говорила, что Егор мог и не оказаться на том пароходе. Вокуев-то своими глазами не видел. Егор на другом переправился. Потом просто не встретились.

– Не судьба ему – на воде погибнуть, – говорила мать. – С малых лет плавал. И сердцем я чувствую, не было его на том пароходе. Вокуев-то ведь как сказал? Народу было, говорит, тьма. Всех на один пароход не уместишь. Вот и остался на берегу мой-то. Осторожный он, опытный.

К тому времени вернулся из армии муж тётки Наташи Иван Филиппович, гвардии капитан, насквозь прошедший войну со сво-

ей сорокапяткой, человек грамотный и настойчивый. Вот он и стал писать в какие-то штабы, приводя свидетельские показания Вокуева. И своего добился: получили извещение, что Егор Мехов пропал без вести. Пособие стали давать на детей.

И снова мать говорила, что муж не погиб, потому что об этом не сказано в бумажке. А что значит – пропал? Бывает, что и в лесу человек заблудится, и день, и два пропадает, а потом отыщется. На войне всякое бывает.

Она ни разу при детях не заплакала, уверяя их, что отец вернётся. Может, уходила в стайку и там, прижавшись к своей бурёнке, обливалась слезами. Но детям всегда рассказывала истории, услышанные от товарища или фронтовиков, о том, как приходили похоронки, а за ними появлялся солдат жив и невредим.

На весь век запомнился Никите Егоровичу один случай. На обычных пассажирских пароходах в конце сороковых везли власовцев за Полярный круг. Теперь-то ясно, что не могло быть столько солдат под командой генерала Власова. А тогда кто чего знал!

Прикроет глаза и видит Никита Егорович деревянную решётку – взрослому кулак не просунуть, – прикрывающую люк. А внизу, в сумрачном трюме парохода, тесно сидят люди в гимнастёрках без погон. Лица слились в памяти, а только белки глаз выступают из мрака. Мужевские бабы в долгих сарафанах ползают на коленях по решётке и протискивают куски хлеба. Среди них мать. А конвоиры пинают сапогами баб и лаются матом. В глазах Никиты до блеска начищенный сапог упёрся в бок матери, чтоб отпихнуть. И помутнело тогда в голове Никиты, затрясло всего, как от тока.

– Убью! – завопил он, по словам матери.

Свой-то крик Никита не слышал, оглох от ярости, только удивился тому, как все вокруг замерли и уставились на него. Мать вскочила с колен, схватила Никиту в охапку и понесла его на берег, испугавшись, что и сына бросят в трюм.

Никогда вслух мать не высказывала своё предположение, но Никита слышал, как она осторожно пыталась у Ивана Филипповича, что это за народ, который везут в трюмах.

– Несчастные люди, – отвечал тот, потому что сам побывал в окружении и кое-какие понятия имел.

Если бы угодил в плен, сам оказался бы среди тех ребят. Но об этом он скажет Никите много лет спустя. А тогда он посоветовал женщинам:

– Меньше о них говорите.

Но не даром сказано: у бабы волос долг, да ум короток. С новым пароходом забирались об осторожности солдатские вдовы, снова ползали под пинками конвоя по решётке, бросали куски хлеба в трюм, где сидели, запрокинув лица, молодые мужики, словно голодные галчата в гнезде.

Мать, должно быть, уверилась, что её муж мог оказаться среди этих несчастных людей, и снова ждала. Она никому не говорила, никому не признавалась, но Никита Егорович доподлинно знал, что ждала мужа до смертного часа.

Её же сколько раз сватали. С тремя детьми собирались взять да не абы какие, а стоящие мужики. Она была красивой женщиной. Но не это главное. Характер у неё был удивительный. И чуяли мужики, что если такая полюбит, то своим сердцем и в лютую стужу согреет.

Но она осталась предана своему Егору. За два или три дня до смерти неожиданно спросила сидевшего у кровати Никиты Егоровича:

– Сколько отцу-то сейчас?

Подумалось, что начала бредить. Никита Егорович погладил её по плечу, наклонился поцеловать руку. А она ему в ухо:

– На два года старше был.

– Восемьдесят, выходит, – сказал Никита Егорович, выпрямляясь на стуле и понимая, что мать в разуме.

Но, видимо, только теперь в последние дни своей жизни усомнилась, что увидит

мужа. Тоску по нему пронесла смиренно через все годы, отмеренные ей, и никто не знал, как ждала...

В облике Петра в последние годы всё явственнее выступали черты матери. Мехов стал видеть в серых глазах брата памятную всепрощающую и тихую грусть. И то, как Петро говорил, не повышая голоса, и то, о чём говорил, каждый пустяк жизни уважая, и как улыбался, словно боясь вспугнуть случайную радость, и как молчал, уходя в себя, – всё напоминало покойную мать. И Никита Егорович постоянно стал чувствовать, что младший брат о сути жизни знает больше его, проник душой в некую тайну, ему недоступную. И когда по старой привычке Мехов начинал поучать младшего, тот смотрел на него такими терпеливыми и жалеющими глазами, какие бывают на иконах.

Уже и Пётр стал пожилым. А ведь Никита Егорович помнил, как принесли его из больницы. Никите было жутко интересно, какой у него братец появился. Из огромного узла доносился слабый писк. Мать и тётки копошились вокруг этого узла и очень долго распутывали одеяла и шали, пока не вытащили какое-то орущее существо с морщинистом лицом старичка.

– Он похож на домового, – сказал Никита, когда ему показали новорождённого.

– А ты видел домового? – очень серьёзно спросила тётка Наташа, молодая тогда, розовощёкая, пышущая здоровьем.

– Видел, – ответил Никита, не моргнув глазом.

– Да ладно тебе врать! – стукнула по затылку сестра Ольга, которая была старше на шесть лет.

– Я видел! – закричал Никита. – Видел, видел!

Ему хотелось перекричать всех, ему хотелось, чтобы не забывали о нём, а то все в избе только и были заняты маленьким. Он кричал и всё более убеждался, что на самом деле видел домового, маленького старичка в мешковине, который стоял в узкой щели

между печкой и стеной избы. В этом запечье годами лежал какой-то хлам – голенища изношенных валенок, тряпичные узлы, поломанные табуретки, дырявые чугуны – всё то, что уже не годилось в хозяйстве, но с чем почему-то жалко было расстаться. И домовой, конечно, жил там. Никите Егоровичу до сих пор кажется, что однажды и на самом деле видел суседа.

Перед войной, говорили старики, зимы были суровые. Теперь уже такие холода, говорят, почему-то не случаются. Какая-то озоновая дыра появилась, оттого, может.

Избушка маленькая, тесная, половину занимает огромная русская печь, бегать Никитке негде. На улицу не пускают, там такая трескучая, такая лютая стужа, что вмиг носик отвалится. Окна заledenели, Никитка протопит кончиком пальца дырочку в наледи и в эту малость смотрит на улицу. По полу таскать вырезанные из дощечек пароходы и гудеть тоже не разрешают.

– Братика разбудишь.

А тот всё место занял. К потолку вкрутили кольцо, через него пропустили гибкий берёзовый шест, на конце которого и висит люлька, как перевёрнутый парашют. Люлька приходится на середину избы, и Никитке страсть как мешает. Но он должен терпеть неудобства и ждать конца зимы. Как появятся проталины, так Никитку только и видели! Вылетит, как воробей из-под стрехи, и помчится к реке, в лес. Воля!

Вероятно, все старшие братья относятся к младшим чуть снисходительно. По крайней мере, у Меховых повелось так. Однако Петру нравится быть младшим и по сей день. А в детстве, так особенно. Кто обидит, есть кому пожаловаться. Да и опасались его лупить, потому что Никита был атаманом целой ватаги.

Пять лет разницы в начале жизни – это большой срок. Даже в лапту играть и то Никита не брал в команду брата. Куда ещё тому тягаться с его ровесниками! Никиту уже девчонки интересовали, а этот всё из рогатки по воробьям стрелял. Лет до

двенадцати, будто хвостик, не отставал от старшего брата. И не был назойливым, коли Никита занят, не подойдёт близко, не будет мешать. Но стоит Никите посмотреть по сторонам, как высовывается из укрытия круглая голова с непокорно торчащим на макушке хохолком.

Потом уже подросток, завёл свою компанию и за Никитой не таскался. Но прибежит домой и первый вопрос: «Где брат?» Не раз Никите приходилось быть свидетелем, как младший пользовался его авторитетом. Спорят о чём-нибудь пацаны, охрипли от крика, и нет уже доказательств, так этот хитрец кричит:

– Мне брат сказал! Вот!

А спорили, к примеру, о том, можно ли Чёрное море переплыть в саженки. Все твердят – нельзя, а он своё – запросто! И умолкали спорщики. Ещё бы! Старший брат Обь переплыл. Все видели, известный факт. Если он сказал, то спорить опасно. А вдруг? Никита ловил брата за ухо:

– Когда я это говорил?

– А что – не переплывёшь? – распахивал он глаза.

– Врать нельзя! – стискивал ухо Никита.

Тот начинал хныкать и говорил:

– Я же думал, ты всё можешь, на то и старший.

Так что всю жизнь младший с какой-то даже внутренней радостью признаёт первенство старшего. Может, Никита для него всегда был не только братом, а немножко заменил отца. Это же так хорошо, когда есть кому за тебя заступиться! Сам Никита до конца прочувствовал горечь безотцовщины, а брату, видимо, смягчил полусиротство. И мать же говорила, что Никита похож на отца. Да и селяне дивились, как стал подрастать:

– Вылитый Егор!

Ясное дело, Никита Егорович любил своего брата. Оттого ещё и звал по привычке – Петька. Тому уже за пятьдесят перевалило, в Мужах совхозным начальником ходит, важный такой, солидный, и все к нему ува-

жительно – Пётр Егорович да Пётр Егорович! А встретится со старшим братом и становится Петькой. И ведь радуется, что так, что ничего не меняется. Чарочку принял, начинает вспоминать детство. Что-то огромное там для него осталось. Никита Егорович замечал не раз, что для брата детство отдельно стояло, особняком от остальной жизни. Может, оно у всех так, но у него особенно.

И впрямь детство – особая пора, самая духовная, оттого так памятна. Возможно, потом и не было скучней, но той полноты жизни уже не случалось, всё больше пришивалась горечь.

Никита с братом родились и росли ещё в том мире, где лешие и водяные не были выдумкой. Братья умом и сердцем воспринимали их, как всё остальное – солнце, реку, тайгу, людей. Да и как можно иначе, живя в самой природе? К тому же с пелёнок слышали они разговоры о разных чудесах.

Тётка Варвара приходит поздним осенним вечером. На столе потрескивает фитиль в чайном блюдце с рыбьим жиром. Свет от него исходит робкий, неуверенный, зыбкий. На лавке у стены и на сундуке сидят соседки. Они собрались не по случаю, а просто потянулись друг к дружке из вдовьего одиночества. Ждут, когда поспеет самовар.

– Ходила на Юган, – говорит тётка Варвара, – корову пригнать. Уж так чего-то водяной вздыхал.

Бабы охают, крестятся, шепчут слова молитвы. Кто-то тихо предполагает:

– К утопленнику это...

– Гляжу вот так, а он сидит на другом берегу, – продолжает тётка Варвара. – На коряге. Уже темнеть стало, толком не разгляжу. А так вижу – он. И всё вздыхает. А тихо, и так на воде слышно.

Братья лежат на печи под овчинным одеялом. Младший прижимается к старшему, так что Никита чувствует, как бьётся воробышком его сердце.

– Чего боишься? – шёпотом спрашивает Никита.

– Кто утонет-то? – чуть слышно спрашивает Петька.

– Кому суждено, – отвечает Никита, – тот и утонет.

Теперь уж точно опасливый Петька к Югану не побежит. Там и в солнечный-то день не по себе становится от нелюдимости и ощущения того, что в самой воде и в прибрежных густых зарослях разнолесья притаились какие-то страшили и следят за тобой красными навывкате глазами. А вечером при одной мысли о Югане в жилах холодела кровь.

В те времена Мужики тянулись вдоль Оби двумя улицами, и село от Югана разделял лес. Только у самого слияния Юган подходил к домам, возле больницы. Кладбище находилось на другом конце и довольно далеко от села на высоком холме, который огибал Юган. И с того-то холма как раз была видна чуть ли не вся долина лесной реки. Она низиной уходила в тайгу между полых возвышений, и чем дальше, тем становилась обширней.

Даже издалека, с высоты кладбищенского взгорья, эта равнинная местность вызвала беспокойное чувство какого-то первобытного страха. Там были болота и буреломные дебри из ольхи, ели и мелкой

кривой берёзы. Летом и охотники не совали туда, толстый слой мха скрывал иногда болотную хлябь, ступит кто неосторожно, не успеет вскрикнуть, сомкнётся над ним мох, и будто ничего не случилось.

Зимой по большому снегу Никита с приятелями ходил на лыжах, но углубиться далеко в тайгу не удавалось: такие встречались чащобы, что не пробиться через них. А то попадётся живун, не застывшее озерцо, из него клубами валит пар, и так жутко становится, что ноги сами уносят назад, к человеческому жилью.

Но мало того, что сама по себе первобытная природа пугала, так ещё и старики упорно твердили, что в тех глухотных местах водятся лешаки. Об этом лесном населении в окрестностях Мужей идут давние и упорные слухи. Местные ханты в снежных людях просто не сомневаются. Но Никита Егорович сам не однажды читал статьи учёных людей, которые приводили достоверные по их понятиям свидетельства очевидцев. А сколько историй слышал в детстве!

И теперь Никита Егорович допускал мысль, что нет дыма без огня, а мальчишкой просто верил в существование леших или, как нынче говорят, – гуманоидов.

Продолжение следует...

Истории

СЫКТЫВКАР СТО ЛЕТ НАЗАД*

Начало в № 1 2023 г.

Гражданские похороны Ленина в Усть-Сысольске, переименование города во Владимир-Ленин, деньги для детей германских рабочих, Союз некурящих, пролетарское имя Нидер-Слурев, памятник умершим в Усть-Сысольске военнопленным немцам, туберкулёзный трёхдневник, катание на салазках, проблемы с единственной парикмахерской, жильём и нечистотами – обо всём этом и многих других сюжетах городской жизни столетней давности может поведать газета «Югид туй», издававшаяся в Усть-Сысольске в 1923 году. Перелистаем её страницы...

Открытие клуба. 19 января состоялось торжественное открытие объединённого клуба партийной и профсоюзной организаций. На открытие клуба собралось большое количество членов партии и профсоюзов. Т.т. Друй и Неволин осветили в кратких речах значение и цели клуба, т. Хенин призвал организовать при клубе ячейку физической культуры, т. Терентьев сделал доклад о «9 января 1905 года». В заключении была декламация, хор детей исполнил несколько песен и т. Цивилев прочёл очерк М. Горького «9 января». Хорошо убранный, ярко освещённый клуб производит самое приятное впечатление.

«Югид туй», 22 января 1924 г.

Гражданские похороны В. И. Ленина в Устьсысольске. К трём часам дня тысячная толпа народа с траурными знамёнами и портретами Владимира Ильича заполняет площадь перед Облисполкомом. Открывается летучий митинг. Говорят т.т. Юркин, Потапов, Неволин. Оркестр играет похоронный марш, демонстранты обнажают головы, воинские части берут на караул. Митинг окончен. Под звуки похоронного гимна демонстранты идут на Красную площадь. Здесь надгробные речи. Выступают т.т. Рейзман и Никифоров. Ровно в четыре часа оркестр исполняет похоронный марш, воинские части салютуют. Слышатся протяжные траурные свистки электростанции и поровой мельницы, тысячная толпа обнажает головы. Но вот оркестр гремит всепобеждающий Интернационал, и демонстранты расходятся.

«Югид туй», 29 января 1924 г.

Вечер комсомольского роста. На вечере собралась вся молодёжь Устьсысольска. Юные Пионеры – в полной форме, с палками. Им сегодня вручают комсомольцы Красное знамя. В первых рядах сидят кандидаты в члены РКСМ. Их сегодня переводят в действительные члены. Их 25 человек. Они должны сегодня принести комсомольцам торжественное обещание: Будем стойко бороться в Рядях РКСМ! Трое – Климушев, Кузнецов, Осипов рассказывают свои биографии.

– Я очень стремился к учению, – бойко повествует Кузнецов. – И вот решил отправиться из Перми в Устьсысольск. Ехал зайчиком. Меня высаживали из поездов, сидел без хлеба. Но помогли партийные товарищи и я добрался до Устьсысольска. Определили меня в Совпартшколу. Теперь учусь.

– Обещаю, – кончает новый комсомолец, – сколько хватит у меня сил, буду бороться за счастье рабочих и крестьян и давить буржуазию...

Молодёжь долго аплодирует: последнее заявление – «давить буржуазию» всем понравилось. <...> Все встают. Читается торжественное обещание.

* Тексты из газеты «Югид туй» даны в оригинале.

– Велик и славен, идущий во славу социальной революции!

Собрание утверждает их всех действительными комсомольцами.

Товарищ Харапов вручает пионерам от имени комсомола красное знамя:

– Бери и будь готов!

Пионеры отвечают: всегда готов! Затем пионеры показывают ряд гимнастических упражнений. В заключение – комсомольцы показывают пьеску «Правонарушители». Пьеса слишком затянула вечер. Вечер прошёл живо и интересно.

«Югид туй», 1 февраля 1924 г.

Вместо ёлки детям германских рабочих. Уважаемый товарищ Редактор! Правление и Ревизионная комиссия гор. ЕПО нашли необходимым прилагаемые деньги на сумму 50 червонных рублей, предполагавшиеся израсходовать на устройство ёлки для подшефного Устьсысольского Детского сада, переслать через Вас Международной Организации Помощи Борцам Революции (МОПРу) – на воспомоществование детям германских рабочих, томлящихся в тюрьмах Германии. В свою очередь гор. ЕПО передало детсаду выписанные из Москвы ёлочные украшения, предложив администрации Детского сада устроить угощение на елку по подписке среди родителей. Такое предложение последовало потому, что дети, посещающие Детсад в огромном большинстве, имеют более или менее материально обеспеченных родителей.

«Югид туй», 3 февраля 1924 г.

Первые Октябрины в Устьсысольске. Октябрины 10 февраля в Устьсысольске приняли общественный характер. Не даром зал школы 2-й ступени был битком набит – даже пройти негде. Октябрины устроены для новорождённого сына сторожихи школы 2-й ступени – Рыбинской. На сцене, за столом, сидят зампредседателя Обпрофсовета т. Неволин, члены Областного Правления Всеработпроса т. Шахов и Жукова и член Обкома – т. Иевлев. В вступительном слове т. Неволин отметил значение Октябрин, как нового вида революционного обряда, заменяющего прежние поповские «крещения». После небольшого доклада т. Хенина о признании Советской России Англией и Италией начинается церемония Октябрин. Духовой оркестр играет марш. На сцене появляется мать вместе с новорождённым. Лицо матери несколько озабочено – видно стесняется непривычной обстановки.

– Товарищ Рыбинская, какое имя вы желаете дать новорождённому?

– По желанию публики, – мягко отвечает мать.

– Ильич! Ленин! Октябина! Владимир! – раздаются голоса в зале.

Под бурные аплодисменты всех присутствующих, новорождённому даётся имя Владимир, в честь великого учителя пролетариата – Ленина.

Оркестр исполняет Интернационал. Под звуки этого гимна т. Шахов принимает из рук матери новорождённого, которого тут же переодевают в «профсоюзную» рубашку. Приняв новорождённого, т. Шахов сказал:

– Всероссийский Профессиональный Союз работников Просвещения принимает новорождённого Владимира под своё шефство, будет о нём заботиться и воспитает так, чтобы в нём вырос твёрдый последователь идей и заветов великого вождя Владимира Ильича. Союз Всеработпрос принимает новорождённого Владимира в число своих членов и вручает ему следующий билет. «Членский билет № 219. Фамилия – Рыбинский, Имя – Владимир, Отчество – Владимирович. Время вступления – 10 февраля 1924 года».

В зале громкие аплодисменты. Новый Владимир кричит «у-а!» (должно быть и он рад, если кричит «Ура!»). Оркестр опять играет Интернационал.

– От уплаты членских взносов тов. молодой Рыбинский освобождается до совершен-

нолетия! – закончил т. Шахов под смех и аплодисменты собравшихся.

Затем тов. Иевлев объявляет:

– Нового члена нашего общества мы записали в пионеры Устьысыольского отряда Юных Пионеров и я, именем этого отряда вручаю Владимиру Рыбинскому пионерский билет.

Аплодисменты. Оркестр. Отец новорождённого т. Рыбинский говорит:

– Я постараюсь воспитать своего сына так, чтобы из него вырос такой же идейный член нового общества, каким был покойный Владимир Ильич Ленин.

В заключение выступает т. Чаров:

– Пусть эти Октябрины будут первыми, но не последними! Пусть растут ряды безбожников! Пусть будет у нас больше Владимиров, чтобы коллективом ленинцев заменить одного ушедшего от нас великого Владимира!

Настроение было у всех хорошее и весёлое. Пожелаем, чтобы эти Октябрины послужили началом для многих новых Октябрин.

«Югид туй», 12 февраля 1924 г.

Увековечим память Ленина. Кажется, не бывало ещё у нас такого многолюдного собрания, как открытое общегородское собрание коммунистов. 20 февраля 1924 года зал Гортеатра был буквально набит. Многим пришлось стоять в буфете и фойе. Тов. Чирков (секретарь Обкома) сделал доклад о XIII-й всероссийской Партийной Конференции. Более двух часов говорил тов. Чирков, подробно останавливался на всех вопросах, разрешённых Партконференцией, и на результатах партийной дискуссии. Главное внимание уделялось ушедшему вождю партии и всего пролетариата В. И. Ленину. После 10-ти минутного перерыва тов. Чирков, отвечая на поданные записки, снова в течение целого часа говорил о Ленине, начиная с момента покушения на его жизнь в 1918 году и кончая похоронами и притоком в партию новых ленинцев. В докладе тов. Чирков вносит пожелание, в целях увековечить память Ленина, возбудить ходатайство перед Облисполкомом о переименовании Устьысыольска в Владимир-Ленин. Под бурные аплодисменты всех присутствующих предложение тов. Чиркова принимается и включается в резолюцию по докладу. Ввиду позднего времени, второй вопрос – «доклад бытовой комиссии» переносится на среду, 27 февраля.

«Югид туй», 22 февраля 1924 г.

Следуйте примеру! (Торлопов). Сознывая, что каждый партийный товарищ и комсомолец являются защитниками трудящегося, и сознавая, что от здоровья и мощи отдельных членов зависит могущество всей ассоциации (объединения), служащие и руководители совпартшколы решили организовать Союз некурящих, сокращённо «Сонекур». В союз записалось 34 человека. Среди них есть товарищи, которые курят по 10-15 лет.

24 февраля состоялось первое общее собрание членов «Сонекур». Избран комитет в числе трёх человек (Торлопова, Кузнецова и Рочева).

На этом же собрании принят устав союза:

1. Членом союза может быть каждый товарищ, бросивший курить и активно участвующий на всех собраниях и заседаниях, а также и в борьбе с курением.

2. В союз принимаются и совершенно не курившие, но с совещательным голосом.

3. Все товарищи, состоящие членами «Сонекур», не имеют права курить нигде.

4. Каждый член союза должен взять идейное шефство над курсантом, чтоб к моменту выпуска все учащиеся Совпартшколы стали некурящими.

5. «Сонекур» имеет свой комитет, избранный на общем собрании, на срок не менее месяца.

6. За нарушение устава и неподчинение таковому, комитет может принять следующие меры: а) порицание, б) выговор через стенную газету, в) исключение из «Сонекур».

7. Союз устраивает общие собрания не реже одного раза в неделю, организует для своих членов всевозможные развлечения, как-то: беседы, игры, лекции и т. п.

8. Приём новых членов производится комитетом «Сонекур», а увольнение общим собранием.

9. Взносы и прочие доходы поступят в пользу союза на предмет устройства лекций, бесед, игр и т. п.

10. Союз ведёт беспощадную борьбу с курением, для чего может просить администрацию школы об изгнании курения из стен Совпартшколы и в общежитиях.

Из этого устава видно, какие цели и задачи преследует союз некурящих. За истёкшие дни заслушаны были доклад и лекция о вреде табака.

«Югид туй», 1 марта 1924 г.

Спешите на катанье! (Комиссия). В пятницу, субботу и воскресенье (7, 8 и 9 марта) на горке Юных Пионеров устраивается грандиозное катанье для желающих публики. Имеются на прокат салазки. Катанье ежедневно с 6 час. до 10 час. вечера, а в воскресенье с 12 час. до 3-х час. дня и с 6 час. до 10 час. вечера. Цены за катанье: со своими салазками – 15 коп. И с прокатными – 20 коп. Имеется освещение. Иллюминация.

«Югид туй», 6 марта 1924 г.

Коллектив безработных женщин. 25 февраля с.г. при Отделе Труда в присутствии представителей Биржи Труда, Обженотдела было устроено собрание безработных женщин. Собрание вынесло пожелание организовать коллектив безработных женщин по кройке и шитью белья и всевозможных дамских нарядов. Коллектив безработных женщин имени Клары Цеткин организован, 8 марта будет открытие. Заказы по кройке и шитью белья мужского, дамского и всевозможных дамских нарядов, а также стёжке ватных одеял принимаются. Адрес: дом Цивилева, угол Ленина – Рабочей улиц.

«Югид туй», 8 марта 1924 г.

«Нидер-Слурев». 17 марта в читальне 22 зырянского дивизиона войск ГПУ были торжественные Октабрины над новорождённым (мальчиком) военкома конвойной команды тов. Грицко. Отец ребёнка в отличие от пустых для борющегося пролетариата имён в честь разных «святых», пожелал назвать сына «Нидер-Слурев» сокращённое не изменяй делу рабочего – служи революции. Это предложение принято единогласно под дружные аплодисменты.

«Югид туй», 2 апреля 1924 г.

О содержании в чистоте дворов, площадей и улиц Устьысольска. С наступлением весеннего времени и таяния снега, улицы, площади и дворы населённых пунктов подвергаются загрязнению навозом, всяким мусором и нечистотами, угрожающими опасностью развития и распространения заразных заболеваний среди населения. В целях устранения указанной опасности и постоянного поддержания на должной высоте санитарного состояния Облисполком ПОСТАНОВИЛ:

1. По мере таяния снега улицы, площади и дворы гражданами, общественными и государственными учреждениями и организациями, должны очищаться от навоза, всякого мусора и нечистот путём собирания их в кучу и дальнейшего вывоза на отведённые Местным Хозяйством свалочные места.

Примечание: Базарные площади должны отчищаться от навоза и мусора ежедневно по окончанию базарной торговли.

2. В целях избежания дальнейшего загрязнения дворов, независимо от первого пункта сего постановления, на каждое дворовое владение должны быть устроены, согласно санитарных правил, не позднее 1 июля с. г. помойные ямы для всех нечистот.

Примечание: Во избежание наполнения и зловония помойные и ретирадные ямы должны очищаться не менее двух раз в год.

3. Наблюдение за выполнением правил настоящего постановления возлагается на санитарный надзор и органы Милиции.

4. Лица, указанные в пункте 1, за неисполнение требований сего обязательного постановления подвергаются наказанию в административном порядке до 300 руб. или принудительным работам без содержания под стражей до 3-х месяцев. <...>

«Югид туй», 18 апреля 1924 г.

Советские номера или общежитие. Каждый приезжающий в гор. Устьысольск, дабы не оставаться ночевать под открытым небом, вынужден останавливаться в существующем общежитии для приезжающих, известном под названием «Советских номеров». Фактически это общежитие, помещаются по пять и более человек в одну комнату. Приезжая, направляешься сразу в номера, предвкушая сладкий отдых после дороги, и каково же удивление, когда тебе объявляют, что мест свободных нет, и ты вынужден идти или куда глаза глядят, или же оставаться ночевать в «Совномерах» и расположиться где-нибудь в коридоре, прихожей. Интересуешься и узнаёшь, что половина имеющихся в номерах комнат занята постоянными жильцами, служащими гор. Устьысольска. Только остальная половина комнат находится в пользовании приезжающих. Такое положение ненормально. Всех постоянных жильцов необходимо немедленно выселить и доставить общежитие для действительно приезжающих и временно живущих в городе.

«Югид туй», 5 июня 1924 г.

Секция здравоохранения Горсовета, обрати внимание. (Заинтересованный). В гор. Устьысольске единственная парикмахерская, всем известная на Рабочей улице. Народу туда ходит много, почти всегда очередь, а чистота – о, ужас! Одна салфетка переходит с груди на грудь, один халат с человека на человека, все принадлежности, по-моему, не видят дезинфекции и т. д. и т. п. Во всяком случае, ясно, что человек, придя туда здоровым, может выйти больным. Боюсь, что эта единственная парикмахерская, обслуживающая сотни и тысячи граждан, окажется пособником распространения заразных болезней. Горсовет, обрати внимание. Дай гражданину Бебякову правила санитарии и гигиены.

«Югид туй», 13 июня 1924 г.

От комиссии по проведению туберкулёзного трёхдневника. В воскресенье 15 июня (Троица) в один час дня на Народной площади Устьысольска отрядом Юных Пионеров устраиваются спортивные выступления по следующей программе:

Марш. Общие вольные упражнения. Вольные упражнения 1, 2 и 3 звеньев.

Игры: а). Кошка и мышки. б). Крыса в трубе. в). Чехарда. г). Бег на трёх ногах. д). Бег в мешках.

Эстафетный бег с флажками. Эстафетный бег со стаканом воды. Грос-коунтри (бег с препятствиями) на 700 м. Пирамиды. Марш.

Весь кружечный сбор поступает в пользу фонда Диспансера для туббольных.

«Югид туй», 14 июня 1924 г.

Жилищный вопрос. (М.Т.). Целыми месяцами ищем квартиры, теряем время, нервничаем, а найти не можем. Где же причина? Причина заключается в том, что каждый гражда-

нин на основании Советских законов, имеет право в течение 2-х недель подбирать подходящего для него квартиранта. Вот он и подбирает, у кого карман потолще и отвечает всем запросам Устьысыольского обывателя. Вместо того чтобы революционерам, потерявшим силу, здоровье, и их детям помещаться в уютных квартирах, помещаются спекулянты, ссыльные, люди свободных профессий. Необходимо принять меры по чистке города от наносного элемента и предоставить самые лучшие квартиры революционерам пролетарской революции, рабочим, служащим и красной интеллигенции.

«Югид туй», 24 июня 1924 г.

Следует вспомнить. (Б.). В Устьысыольске есть кое-какие исторические памятники. К числу, например, таких памятников, относится могила известного писателя и этнографа Ф. А. Арсеньева, автора известных охотничьих рассказов, очерков «О рыбной ловле зырян», об их «Охотничьих промыслах» и пр. Его могила, к сожалению, всеми забытая, находится напротив старого кладбища, против и не далеко от алтаря кладбищенской церкви, и в настоящее время пришла в полное разрушение. Во всяком случае, по внешнему виду деревянной гробницы, которой окружена его могила, никак нельзя представить, чтобы под ней лежал тот, который воспел в своих «Охотничьих рассказах» красоты природы нашей зырянской стороны, быт и нравы народа Коми, тот, который своими произведениями заставлял биться сердца не одних только читателей из охотников и рыболовов, но и простых граждан, любящих северную природу и народ Коми. Теперь только сохранившаяся на столбе могилы надпись: «Ф. А. Арсеньев» и указывает на то, что здесь покоится автор названных сочинений. <...> На этом же кладбище (в заднем его углу, к реке) имеется замечательно выдержанного стиля оригинально-красивый надгробный памятник, сооружённый в период империалистической войны в память умерших в Устьысыольске военнопленных и военнообязанных немцев и австрийцев. К сожалению, этот памятник быстро приходит к разрушению, т. к. появились двуногие скоты, в лице разных хулиганов, которые разбивают надгробные плиты и снимают выгравированные на железных полосах надписи (с указанием умерших), и даже намеренно оскверняют его своими испражнениями. <...>

«Югид туй», 13 сентября 1924 г.

Общественный сад или пастбище. (Б.). В Устьысыольске не так много, но всё-таки имеются кое-какие культурные приобретения. К числу культурных приобретений, например, относится наш городской общественный сад, известный более под названием «Бульвар» (на Набережной улице против Госбанка). Немало было положено труда, чтобы посадить и вырастить те берёзы и ёлочки, которые имеются в этом саду. Отрадно и приятно было видеть, как ещё в самое недавнее время, в праздники древонасаждений, отзывчивая на всякие добрые приглашения молодёжь трудилась над посадкой этих деревьев. Были сделаны даже попытки устроить в этом саду правильные аллеи, дорожки, наладить скамейки, беседки и пр. <...> Не кончилась ещё работа по устройству этого сада, а он по неизвестным причинам в настоящее время превращён в... пастбище. В последнее время (6, 7 сентября с. г.) граждане немало были удивлены и смущены, увидев в нём целое стадо (голов 15-20) спокойно бродящих коров. Понятно всем и каждому, что после подобных «прогулок» по этому саду скота, от сада к весне будущего года останется только не «приятное», а весьма горькое и печальное воспоминание. <...>

«Югид туй», 16 сентября 1924 г.

Комсомольцы идут на помощь. 7 октября на общегородском собрании РЛКСМ комсомольцы единогласно постановили создать ячейку «Руки прочь от Китая» и всем вступить в неё. Вступительный взнос установлен в размере 30 коп. со служащих и 10

коп. с учащихся. Членский взнос установлен в размере 0,5 % с жалования у служащих и 5 коп. – с учащихся. Собрание постановило собрать в двухнедельный срок 200 руб. в пользу Ленинградским рабочим, пострадавшим от наводнения.

К открытию зимнего сезона. Обособовпрофсоюзов, желая поставить театральное дело, пригласил на зимний сезон 1924-25 года профессиональную труппу в составе 11 человек, которая будет ставить драмы, комедии и оперетты-миниатюры, а также будет поставлено восемь исторических лекций-концертов, в программу которых входят произведения: Баха, Моцарта, Гайдна, Бетховена, Шуберта, Менделя, Шопена, Шумана, Листа, Глинки, Балакирева, Глазунова, Рахманинова, Скрябина, Ребрикова.

«Югид туй», 10 октября 1924 г.

Юбилей милиции. 12 ноября Рабоче-Крестьянская Милиция праздновала 7-ю годовщину своего существования. В этот день, днём состоялся парад на Красной Площади. С приветствием выступили – Нач. Адмтдела т. Кривщиков, Секобкома – т. Буткин, Секобкомла – т. Полещиков, от ОСПС – т. Трофимов, Обвоенкома – т. Кипровский. После митинга команда милиции была приведена к присяге на коми языке. После присяги состоялся парад. Вечером, в Профклубе, был устроен вечер-смычка. С приветствием выступили представители близких к Адмтделу учреждений – Обсуда, ГПУ и прочих.

«Югид туй», 15 ноября 1924 г.

Комсомол впереди. Устьысольское общегородское собрание комсомола, 9 декабря, после информационного доклада тов. Попова А. о радиолюбительстве, под бурные аплодисменты аудитории в 300 человек, решило коллективно вступить в общество радиолюбителей, только что организующееся в Устьысольске.

«Югид туй», 24 декабря 1924 г.

Авторы-составители:

Борис Колегов,

*научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.*

Игорь Жеребцов,

*доктор исторических наук,
директор Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.*

**ТОМ
ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Вай вөрөдыштам шондіа көчөс

мойдъяс

Ичөт телегаа трактор

Коля кӱинпилӱн жырйӱ талун воліс ёж. Сійӱ уськӱдіс ӱшинь вылысь плюш кӱчӱс, ручӱс да ошкӱс. Ёж весиг котраліс стенті да уськӱдіс часі. Грым! А нӱшта перъяліс шкапысь кӱинпились радейтана футболкаяссӱ, шоньд кӱлуйсӱ да шыблаліс крӱвать пасьтала. Сэні артмис со та-а-а-атшӱм, но зэв ыджыд кӱлуй чукӱр! А сэсся ёж мудзис да гуасис тайӱ чукӱрас. Коля сы бӱрся.

– Пык-пык, нинӱм ог кут идравны, – чушнитіс ёж.

– Оз и ков, – нурбыльтіс кӱинпи. – Ветлам чашкасӱ пызан вывсьыс йӱткыштам.

– Давай! – кӱсйысис ёж.

Мыйӱн Коля да ёж петісны кӱлуй чукӱр пиысь, жырйӱ пырис мам.

– Ок! Мый нӱ тані керсьӱ? – мамлӱн синкымыс качис вывлань. – Пиук, мыйла тэ ставсӱ шыблалӱмыд?

– Тайӱ эг ме, тайӱ ёж, – ӱвтыштчис кӱинпи.

– Кутшӱм ёж? Гортса пемӱсыс миян абу.

– А тайӱ ёжыс олӱ ме пытшкын. Со тані, – Коля петкӱдліс сьӱлӱм мыгӱра зеп.

– Пиук... А мыйла сійӱ тадзи пакӱститчӱ? – сӱмын и вермис юавны мам. – Гашкӱ, кампет кӱсйӱ либӱ йӱв?

– Оз... Сійӱ оз радейт, кор кодкӱ оз кут кывсӱ, – вештіс синсӱ кӱинпи да чушнитіс нырнас.

– Коді нӱ сійӱс ылӱдлӱма? – мам сывъяліс Коляӱс да пондіс шылъӱдны юрӱдыс. – Но эн бӱрд, висьтав.

– Мам, ми тӱрыт кӱсйим тӱкӱд рисуйтны ичӱт телегаа трактор. А сэсся тэ пӱжалін блин, сэсся больгин телефонӱн, а сэсся дзикӱдз вунӱдін, и талун тӱд вылад эн жӱ уськӱд, – шуис кӱинпи да нӱшта на ёнджыка бӱрддзис.

– Коля, ме и збыльысь вунӱді, прӱстит менӱ, пиук. Вай ӱні жӱ и рисуйтам ичӱт телегаа трактор.

Кӱинпи кавшасис мамыслы пидзӱс вылас да чышкис нырсӱ соснас.

– Давай!

– ӱні ми рисуйтам ичӱт телегаа медся мича трактор, – кокныдыка печиктіс кӱинпили нырас мамыс.

Найӱ пуксисны пызан сайӱ, вештісны разӱдӱм конструкторсӱ бокӱджык, босьтісны фломастерьяс да серпасалісны Колялысь тӱрытья кӱсйӱмсӱ.

– Мам, а вай менсьым ёжӱс рисуйтам жӱ да пуксьӱдам сійӱс трактор телегаас.

– Тайӱ бур мӱвп! Мед ёжыс оз дзебсясь пытшкас, а кутас идрасьны жырйын. Мый шуан?

– Бур, мам, ми ёжиккӱд идрасям, – кӱсйысис кӱинпи.

Мам серпасаліс ёжӱс тракторлӱн ичӱт телегаын. Сійӱ артмис гажаӱн да нюмбанаӱн.

Коля тшӱтш пондіс нюмъявны. ӱні ёж оз чушьяв, а ветлӱ лӱз тракторлӱн ичӱт телегаын да отсалӱ кӱинпили пелькӱдчыны оз сӱмын жырйын, но и керка пасьтала.

Төдмавны гөпъяслысь джудждасё

Кор ывлаын таркөдчис зэр, Коля көинпилөн став ёртыс пукалсны гортаныс. Татшөм поводдяас найё полісны сакар моз жё сывны.

Колялы, мөдарё, зэра поводдя дырйи вөлі вывтї лосьыд. Эз, эз сы понда, мый ёртъясыс оз петны гуляйтны. Прөстө Коля радейтїс пасьтавны биавиж рёма дождевик, резина сапөг да болскыны гөпъясті, радейтїс төдмавны гөпъяслысь джудждасё. Тайё вөлі сылөн медся радейтана уджөн!

Өти татшөм зэра лунё Коля видзөдліс өшиньё: площадка вылын куш. Абу эськө дзик да. Сэні лайкъяліс качай. Вывлань-увлань, вывлань-увлань! Көть рытөдзыс видзөд. Но кызди позьё сулавны рытөдзыс өшинь дорын, кор уличын чутасьё?

Кап-кап-кап! Кап-кап-кап.

Зэрыс төдө этша кыв, но буретш татшөм кывъясөн корё ывлаё, өд сылы гажтөм таркөдны өтнаслы. Мед эськө сійөс кывзасны да варовитыштасны, өд зэрыслы уна арөс нин. Сійө кызди тэнад пөрысь пөль. Но сэтшөм вильышпоз! А нөшта зэрыс ёртасьё төв ныркөд. Төв ныр ставныслысь пөрччөдө шляпасё, кодлысь абу дыш. Коля көинпи та йылысь төдіс, а гашкө, и ачыс думыштїс. Но өні сёрниыс абу та йылысь.

– Со тай кызди овлө! Некод оз тыдав, а кодкө качайтчө. И оз весиг сувтлы. Меным колө подзорной труба, медым матысяньджык аддзывны. Друг да сэні гут качайтчө, и ме сійөс ог аддзывлы.

Коля тривксёдіс жырьё да перйис шкапсыс подзорной труба. Бара матыстчис өшинь дорё, пондіс видзөдны. Кык минут мысти Коля аддзис – качайыс бара ачыс лайкъялө!

– Меным колө төдмасьны тайё тыдавтөмыскөд! – шуис Коля да кутїс пасьтасыны.

Кутшөм жө сійө югыд тайё мырпом рёма дождевикнас да турунвиж шапканас! Коля көинпи көсийс нөшта босьтны сьёрсыс зонтик, но думыштїс, мый бурджык оз босьт. Од кыпөдчас кө төв ныр, вермас нуны зонтика Коляёс кымөръяс сайөдз. А сэтысянь код төдас кызди лэччынысё. Пөрысь зэр да төв ныр пондасны кө пакөститчыны, нөбөдасны оз сөмын көинпиянөс. Вермасны и урөс нуны, и сизьёс, и весиг ручөс. Мыйөн Коля чукөртчис, пыр и төвзис йөрө.

Сійө пырысьтөм-пыр казяліс ыджыд ва гөпъяс. Коля пырис өти ва гөптө. Абу джуджыд! Мөдө пыравліс. Абу жө джуджыд! Коймөд гөптө чеччыштїс и... эз сөмын пуксыс сэтчө, но и ва гөптыс пырис сылөн сьөд сапөгө!

– Но и но! – чепөйис ва гөптысь көинпи. – Кутшөма жө меным эз мойви! Но гортө ог мун, – бут-баткерис Коля да мөдіс качай дорё. Сапөгъясас ва гөптыс тшөтш мөдіс ськөд. Ваыс бульсакыліс, корсюрё солькъясис сапөгъяссыс, но көинпи повтөг муніс качайлань. Сылы быть төдмасьны тайё тыдавтөмыскөд.

Со и качай. Сійө век на лайкъяліс: вывлань-увлань, вывлань-увлань! Көинпи сулалыштїс орччөн, и нөшта сулалыштїс. А качайыс водзё лайкъяліс: вывлань-увлань, вывлань-увлань. И быттьөкө весиг нөшта на өддзис.

– Оз бара-й сетчы! Ме көтаси нин. Весиг сапөгын ва! – ышловзис көинпи.

А качайыс век на лайкъяліс: вывлань-увлань, вывлань-увлань, вывлань-увлань.

– Висьтав, а тэ зэрсө радейтан? Кытчөдз сійө оз помась, тэ пыр лоан татөн?

Виччысьтөг качайыс сувтїс! И Колялы чайтсис, кодкө быттьё сы вылө видзөдө.

– Петкөдчы, ме төда, тэ тані. Но ог төд, кодї тэ, – вашкөдіс Коля.

Качай вылын мыччысис көинлөн пырис тыдалана мыгөр.

Сійө вөлі Коля кодъ жө, но арлыднас ичөтджык да тушанас дзоляджык. Сөмын дождевиктөм, кокни ветровкаа, гача да сандалиа.

– Тэ мөй он көтась? – чуймөмөн юаліс сылысь Коля.

– Ог. Ме зэр вылас пөльышта, и сійө абу! Кильк-кильк!

– Лөсьыд лоны төлөн! – пондіс мөвпавны Коля. – И мамыд лэдзё тэнё гуляйтны отнадтё?
– Менам мамой неылын. Орчча йөръясын шлявгё, и сійё пөлялө кымөръяссё, пөрччөдө налысь шляпаяс, мед татысь өдйөджык усйысысны, өд Марта баб мудзис нин, көв вылас белльёйс некыз оз косьмы да, – майшасьомөн висьталіс Төвру. – Мамой белльё вылас пөльыштас, пөльыштас, и сійё косьмас.

– Кутшөм интереснө! А вай тшөтш качайтчышам! – вөзйис Коля.

– А кызди нө сапөгад ва гөптыс? Оз мешайтчы?

– Кыз нө оз? Но кытчө ме сійёс вошта? – ышловзис көинпи.

– Кильк-кильк! Пуксы лабич вылас да кыст сапөгсьыд васё. А то кынман!

Коля кывзис Төвруөс. Сійё пуксис лабич вылө да кыстыс кыкнан сапөгсьыс васё. И весиг пыдыртіс носкисё.

– Кутшөм лөсьыд, кор сапөгад абу ва гөптыс! – чеччалыштіс Коля. – Быттьө и абу нин көдзыд, шоналі, а мый көтасыштіс, сійё немтор!

– А өні кутам качайтчыны! – долыда висьталіс Төвру. – Ми кутам вылө-вылө качөдчывны, а нөшта ме кута пөлявны шоныдөн, и тэнад кокыд, носкыд да сапөгыд здукөн косьмасны!

– Ура! – нимкодь лои и Колялы.

Найө пуксисны качай вылө, и Төвру пондіс пөлявны. Качайыс лэптіс Төврусё да көинписё енэжөдз, и найө гильөдыштісны букыд кымөръяссё.

Быикнитіс шонді, но век жө зэрышталіс. Зэрыс эз көсйи дугөдчыны, өд төдіс, мый Коля радейтө гуляйтны зэр улөд.

– Менам сапөгын лои шоныд!

– Менам артмис косьтыны тэнө! Кутшөм жө мамой рад лоө! – шуис Төвру да нөшта на өнджыка мөдіс пөльтны, да сідз, мый качайыс муртса эз торъяв му дорсьыс!

А Коля көинпи радліс, мый сылы паныдасис ёрт, коді тшөтш радейтө гуляйтны зэр улын да отсалө косьтыны ва көлуй.

Авоськаа съөкыд вөт

Коля көинпи некыз эз вермы унмовсьны. Сійё вежис нин корабликъяса пижамасё ви-зя пижама вылө, а нөшта пасьталіс юр вылас тугъя унзіль колпаксё. Но пижама ни Коля эз көсйины узьны. Сөмын колпак вылас тугйыс дышпырысь легөдіс пашкыр бөжнас.

Коля көинпи водтөдіс радейтана чачасё – ыджыд плюш көчөс. Унмовсьтөдзыс көч мукөддырйиыс ловзьыліс да радейтіс варовытшны көинпикөд. Но талун көч нускис-узис нин, весиг абу виччысьлөма Коляөс. Көинпи пуксис крөвать вылас да дзикөдз жугыльтчис. А сэсса друг кыліс, мый кодкө кыпөдчө содтыс. Съөкыд воськовъяссьыс содйыс дзуртіс: дзурк-дзурк-дзурк...

«Ой, а коді тайө вермас лоны? – думыштіс Коля. – Буракө, ме дорө тадзи локтө съөкыд вөт! И сійё дзик нин орччөн», – көинпи пырис шебрас улас да сывъяліс көчсё.

Сэккості съөкыд воськовъясыс сувтісны сылөн жыр весьтө.

– Час ме дорө пырас съөкыд вөт. Кутшөма жө ме сыысь пола! Сійё, буди, көин-каститчөм! Кузь кучик плаща, резина сапөга. А мый бара-й юр вылас? – лөсьөдліс Коля. – Дерт жө, ыджыд пельяс, а нөшта джуджыд пөрт кодь шляпа! Ой, сійё дзебас менө тайө пөртъяс да пышъяс пемыд вөрө, – көинпи сайөдчис юрлөс улас да кыскис сэтчө бөжөдыс радейтана көчсё.

– Кытчө тэ менө кыскан? – пондіс тільны синсё садьмөм көч.

– Ме дзеба мянөс каститчөмысь! Эн лалав! Мед ог веськалой лекторйө, – прөстыняө гартчөмөн висьталіс Коля.

– Кызди тэ төдмалін, мый керкаас эм каститчөм? Тэ сійёс аддзылін? – пондіс больөдны көч.

– Вай лөньджыка. Ме сійөс эг аддзывлы, куш воськовсö кывлі. Тайö ыджыд-ыджыд кöин, и нуö тайö жыръяс сьöкыд вöт. Да-да, сьöкыд, кыдзи йöрын гирайс.

– Гашкö, видзöдлам сы вылö? – вöзйис кöч. – Тайö кöиныс, кöнкö, мудзис нин сьöкыд вöтсö кыскавны да локтіс тэкöд юксыны, мед сылы лоас кокныдджык да вермас унмовсьны.

– Ог кöсйы, мед сійö юксис мекöд сьöкыд вöтнас. Ме кöсья вöтавны кокни вöт – шуам, öшкамöшка вывті исковтны! Ме тадзи важөн нин кöсья! – шуис Коля кöинпи.

– А кöиныс сьöкыд вöтнас öнi кö пырас жырьö, мянöс пыр и аддзас, – шöпкöдіс кöч. – Юрас кö оз во мянöс юрлöс улысь видзöдлыны, сьöкыд вöтсö öд сёровно коляс крöвать вылас. Кöнкö, сылөн эм авоська, а сэнi пукалö вöт, букуш-букуш, кыдзи сьöд бубуля! – лöсьöдліс кöч.

– Вай лөньджыка, тэ уна больган, – майшасис Коля. – Кылан, кыдзи дзуртыштіс öдзöсыс? Сійö пырö. Ой-ой-ой!

Дзурк-дзурк-дзурк...

– Ме кыла, – шуис кöч да тшöтш пондіс гартчыны прöстыняö. – Ме сэтшöма пола! Крöвать улö эськö кыдзкö веськавны! Коля, тэнад пиньыд крепыд, розьöд крöватьсö – ми тэкöд улас и шпотыксям. Сэтись мянöс дзик нин оз аддзыны, – вöзйис кöч.

– Ме эг на велав йирны крöвать. Лöня куйлыштам дай, ог кутöй легны, – вочавидзис Коля, а колпак вылас кутіс тракйысьны тугйыс.

Дзуртан шы Колялөн да кöчлөн сёрнитігөн ылынкодь на кыліс. А кор пуксис чöв-лөнь, ставыс лои орччөн.

Дзурк-дзурк-дзурк...

Виччысьтöг гурйыв воссис öдзöс. Авоськаа ыджыд кöин пырис жырьö.

«Мый öнi лоас?» – думыштіс Коля кöинпи.

«Мый öнi лоас?» – пондіс тіравны кöч, быттьö тöвйыв кор. Сыкöд тшöтш кутіс тіравны юрлöс! И жырьö пырысьыс эз эськö казав ни Коляöс, ни кöчöс. Но юрлöсыс öд тіраліс!

Ыджыд кöин матыстчис крöвать дорö. Весиг джоджыс мöдіс дзуртны сылөн кок улын: «Дзурк-дзурк-дзурк...»

Коля кöинпи да кöч кутісны ловшысö. Но юрлöсыс эз дугды тіравны, öд Коля зэв ёна повзис.

– Ай-ай-ай! Сідз и чайті, мый тэ, Коля, дзесьсöмьд! – шыасис мелі гөлөсөн пöчыс да лэптис юрлөссö. – Сідз и чайті, мый тэ он узы!

Коля да кöч восьтісны синсö да куньтырасьтöг видзöдісны югыд водздöраа пöч вылас. Сійö кутіс лапаас стöкан.

– Ме тэныд, Коля, вайи маа шоныд йöв, мед öдйöджык унмовсян да вöталан нюмсера вöтьяс. Босьт да ю, – мыччис стöкансö внукуысы.

Кöинпи топöдіс ас дорас кöчсö, и тайö здукас сылы окота лои гораа бöрддзыны.

– Тэ нö мый, Коля, эн лысьт лимзавны. Тайö жö пöчыд!

Кöинпи быттьö пырысьтöм-пыр садьмис да довкиöдлыштіс юрнас.

– Тэ мый, йöвсö он кöсйы? – чуймöмөн юаліс пöч.

– Ме зэв ё-о-она, зэв ё-о-она кöсья маа йöв, – Коля мыкталöмөн босьтіс стöкансö.

Öнi сійö пукаліс юрлöс вылын да надзöникөн юис маа шоныд йöв. И сы дорö сэтшöм жö надзөн локтіс вöт. Колпак вылас тугйыс бара дышпырысь пондіс легöдны бöжнас. Но Коля век на поліс, мый вöтыс лоас сьöкыдөн, кыдзи авоськаа ыджыд кöинлөн резина сапöгыс...

Коля юис йöвсö да водіс крöвать вылö, а пöчыс шебрöдіс внуксö пук эшкынөн.

– Коля, тэ висьталан пöчыдлы каститчöм йылысь? – виччысьтöг юаліс кöч.

– Ог, пöчöс повзёдлыны оз позь, – очсыштіс кöинпи да кунис синсö.

Найö пырысьтöм-пыр веськалісны кöчкöд öшкамöшка вылö! Медся ыджыд да югыд öшкамöшка вылö!

Водзö лоö 184 л. б.

Арт-факт

Ольга
МОЙСЕЕВИЧ

Ольга Александровна Мойсеевич – музыковед, художественный руководитель Коми республиканской академической филармонии, заслуженный работник Республики Коми. Ведущая, автор сценариев, постановщик и организатор концертов и мероприятий разной направленности, лектор, просветитель, общественный деятель, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин гимназии и колледжа искусств Республики Коми. Постоянный участник и докладчик конференций, форумов, автор статей и учебников, образовательных программ, автор множества проектов, в том числе поддержанных грантами Главы РК, Президента РФ, победитель профессиональных конкурсов республиканского и всероссийского уровней. Автор и ведущая цикла театрализованных концертов «Музыкальные истории» (с 2000 года).

Асья кыа – 85

1978 год. Всесоюзный конкурс профессиональных народных ансамблей. Государственный ансамбль песни и пляски Коми АССР становится лучшим в стране. Звание лауреата I степени и золотой диплом победителя художественному руководителю коллектива Виктору Морозову вручает сам Игорь Моисеев, легендарный танцор и балетмейстер, председатель жюри конкурса. Не просто вручает, но произносит вещие слова: «Современное прочтение фольклора – это будущее народных коллективов. Вы нашли свой особый неповторимый творческий стиль». Страна и вся центральная пресса заинтригованы и поражены – маленький коллектив из далёкого, «невыговариваемого» Сыктывкара, даже не имеющий собственного имени! – становится первым в самом престижном конкурсе Советского Союза. Невероятно.

В этот момент произошло историческое событие. Коллектив понял, что без имени больше не может существовать, что назрела острая необходимость получить собственное запоминающееся название. Единогласно приняли в качестве названия первые слова песни, которую представляли на конкурсе в Москве, – «Асья кыа» – в переводе на русский «Утренняя заря». От него веяло и стариной коми сказаний, и эпической суровостью, и поэтической лиричностью – всё было оригинально и необычно в этих двух словах. Удивительное везение: ансамбль быстро приобрёл имя, известное теперь всей стране. «Песню эту в коллективе очень любили, – рассказывает главный хормейстер ансамбля на протяжении 41 года

Всесоюзный конкурс профессиональных народных ансамблей. Зал им. Чайковского, Москва, 1978 г.

*Всесоюзный конкурс профессиональных народных ансамблей.
Зал им. Чайковского, Москва, 1978 г.*

*Галина Пыстина –
главный хормейстер в
1966–2007 гг.*

Галина Серафимовна Пыстина, – её переложил для нашего хора первый коми композитор Александр Осипов. Ещё до войны он пришёл в коллектив как музыкант-народник, ушёл на фронт, вернулся с ранением и уже не мог играть в оркестровой группе. Стал хормейстером, глубоко и серьёзно изучал коми фольклор, побывал в разных уголках республики, записал около 200 народных песен. Для хора Государственного ансамбля он их обрабатывал, перекладывал на четыре голоса, выстраивал красивую и богатую гармонию». «Коми напевы я начал записывать с 1940 года, – пишет Александр Осипов. – Будучи оркестрантом, а затем руководителем оркестра русских народных инструментов в ансамбле песни и пляски Коми ССР, мне всё время приходилось инструментовать и обрабатывать народные песни. Особенно интенсивно я стал собирать песни, когда сам начал сочинять музыку». Так, «Асья кыа», простая песня о красоте природы и молодости, о печали разлуки и проходящем времени, о новой заре, которая приходит вслед за уходящей, стала визитной карточкой ансамбля, символом сменяющихся поколений артистов, передачи традиций, безостановочного развития и расцвета коллектива.

*Александр Осипов. Фото из фондов
Национального музея РК*

Государственный ансамбль песни и пляски Коми АССР был создан 11 марта 1939 года. Его организовали на основе хора радиокомитета под управлением И. В. Оплеснина, одного из немногих профессиональных музыкантов молодой Коми Республики. Для оказания помощи в организации ансамбля из Москвы пригласили хорового дирижёра и композитора, профессора А. Воронцова. Его профессиональное мастерство, талант организатора, художественный вкус и стиль, глубокое знание истории музыкальной культуры стали тем действенным движущим фактором, благодаря которому коллективу сразу был задан пра-

Первое фото ансамбля. 1940 г.

вильный вектор развития – к профессионализму и высокой культуре исполнительства. Впервые знакомясь с коми фольклором, традициями северного края, осознавая важность создания национального репертуара, музыкант в первые же месяцы пребывания в республике отправляется в исследовательские экспедиции в районы Сысолы и верхней

Александр Воронцов –
художественный
руководитель
в 1940–1942 гг.
Фото из фондов
Национального
музея РК

Вычегды. Коллектив был совсем небольшим, всего 44 человека, но уже имел подразделения: хор, танцевальную и оркестровую группы. Состав сформировался из артистов художественной самодеятельности, но исключительно талантливых, трудолюбивых, целеустремлённых. Многие из них, из первого состава, в будущем стали заслуженными и народными артистами республики, гордостью и кумирами родного края. К ним присоединялись приглашённые солисты-инструменталисты, танцоры, вокалисты из самых разных городов, обогащая и развивая ансамбль привнесёнными извне опытом, знаниями культурных традиций разных народов, желанием созидать новое.

Одним из главных выразителей национальной идеи был, безусловно, хор. Народная манера исполнения с самого начала не прижилась в ансамбле. И это не удивительно, ведь хормейстерами «Асыякыя» всегда были музыканты с академическим образованием. И коми народные песни в обработке таких композиторов, как

Иван Оплеснин –
художественный
руководитель в
1939–1940 гг.
Фото из фондов
Национального музея РК

Аполлон
Каторгин –
художественный
руководитель в
1942–1947 гг. и
хоровая группа
ансамбля

Прометей
Чисталёв

Антонина Иванова –
педагог по вокалу
в первые годы
образования ансамбля.
Фото из архива
Колледжа искусств РК

Яков Перепелица.
Фото из фондов
Национального
архива РК

«Коми молодёжная пляска». 1954 г. Фото из фондов Национального музея РК

А. Осипов, П. Чисталёв, оригинальные произведения коми композиторов Я. Перепелицы, М. Герцмана, – все они выросли из академической школы хорового пения. До сих пор в ансамбле сохраняется эта традиция, хор исполняет в академической манере самый разнообразный репертуар, но в первую очередь, конечно, коми национальный – песню народную и авторскую.

С самого начала коллектив отличался гармоничным взаимодействием всех групп – хора, балета, оркестра. И хотя балет изначально строился на совсем простых танцевальных номерах бытового народного склада, а вместо оркестра было только трио баянистов, каждый руководитель вносил лепту в неуклонное движение к вершинам профессионального

мастерства, расширению возможностей и состава ансамбля.

Виктор Морозов – художественный руководитель в 1974–1978, 1988–2000 гг.

Всё это собрал и обозначил новый путь развития молодой художественный руководитель из Сибири Виктор Морозов. В Министерстве культуры СССР ему предложили возглавить несколько коллективов. Он выбрал коми и приехал в Сыктывкар. Впервые в 1974 году. За четыре года его руководства Государственный ансамбль песни и танца Коми АССР превратился в особенный коллектив. Сам Виктор Петрович считал, что именно благодаря «современному прочтению фольклора» ансамбль одержал столь громкую

Вокально-хореографическая
постановка «Гажа вӧрсанторъяс»
(«Весёлые постучалочки»). 1979 г.

победу среди 24 коллективов на Всесоюзном конкурсе. Поэт В. Кушманов позже писал, что «новая по форме и содержанию гармония покорила зрителя, а потом и конкурсную комиссию и сделала ансамбль знаменитым на всю страну». Хор слился с балетом в хоро- водах и сценическом движении, в коллективе благодаря новому руководителю появился полноценный оркестр, всё действие на сцене приобрело новые, звучащие современно, краски, вихревые темпы и энергию пульса жизни.

Одним из ранних номеров, вошедших в золотой фонд Государственного ансамбля песни и танца Коми АССР, стал «Гажа вӧрсанторъяс» («Весёлые постучалочки»). Стихи написал Фёдор Щербаков, постановку сделал Владимир Тарантов, инструменты соз- дал мастер Владимир Павлов, а музыку написал сам Виктор Морозов. Именно благо- даря «Гажа вӧрсанторъяс» звучание национальных инструментов коми услышал весь мир. Первое произведение блестящего виртуозного мастерства всех групп коллек-

«Гажа вӧрсанторъяс»
(«Весёлые постучалочки»).
2004 г.

«Гажа вӧрсанторъяс» («Весёлые постучалочки»). 2019 г.

*Владимир Тарантов –
главный балетмейстер
в 1953–1962, 1965–1970,
1977–1980 гг.*

Особенное и трогательное отношение у В. Морозова было к коми языку. Быть может, где-то в переплетениях ветвей своего рода он чувствовал личную причастность к северному народу, ощущал себя не только сибиряком, но северянином, возможно, и с зырянскими корнями. Руководитель коллектива сразу пригласил преподавателя коми языка и проверял каждое слово, каждую интонацию, исполняемую хором ансамбля и солистами. Большой выдумщик, «изобретатель», он не

тива, в искромётном темпе, остаётся свежим и оригинальным уже почти полвека. Композитор взял в разработку несколько музыкальных тем – лёгких, весёлых плясовых: сначала в прямом движении, в разных тональностях, потом в обратном, зеркальном отражении. Тембровые краски изумляют контрастами: совсем неожиданно тема то засвистит у флейты пикколо или вдруг затопочет в глухом пиццикато баса. Все средства направлены на создание яркого запоминающегося образа, как писал В. Морозов: «просто и чётко, никакой тягучки». Из его письма балетмейстеру: «Мы сделали вокально-хоровое произведение с аккомпанементом коми национальных ударных инструментов. Получилось очень удачно, этот номер своеобразен и экзотичен. В основе всего номера дерево и удар. Все движения должны быть подчинены ритму и только ритму».

*Владимир Павлов – художник, мастер
декоративно-прикладного искусства*

только ввёл уроки балета для хора, а танцоров заставил петь в хороводах и финальных номерах программ, но даже классические уроки балета перед основными репетициями и постановками танцев предложил вести не на традиционном французском, а на коми! Артисты смеялись, заряжались драйвом нововведений и вдохновенно постигали азы хореографического искусства на смеси коми с французским. Шутки шутками, а знание коми языка стало в коллективе непререкаемой ценностью, владение языком становилось всё лучше и органичнее. Военная выправка, воспринятая В. Морозовым в ансамбле песни и пляски Сибирского военного округа, дисциплина и серьёзное отношение к своему делу определили его строгую направленность на сохранение самобытности коми. «Если коллектив стоит ногами на коми земле, то и рассказывать он должен о коми народе», – вспоминает слова мужа солистка ансамбля и вдова Виктора Петровича Н. Морозова.

Но несмотря на сильную привязанность к республике и ансамблю, тогда, в 1978-м, он всё же уехал.

«А дальше – до чего же странная штука – худрук сменял худрука, а ансамбль по-прежнему оставался «Морозовским», – вспоминал композитор М. Герцман. – Ставились новые танцы, разучивались новые произведения – я сам в тот период немало написал для «Асья кыа» – а форма концерта, придуманная Морозовым, оставалась той же. Так же ездили по стране, так же успешно выступали в Москве, и вообще всё шло, как и раньше. Только хуже. Не было того праздника. А как его сделать, никто не знал».

Он вернулся через 10 лет в разгар перестройки в 1988-м, когда все знаменитые народные ансамбли трещали по швам, разваливались, делились на группки, пытались выжить. Старая форма ансамблей навсегда уходила в прошлое. И надо было придумать нечто, что помогло бы «Асья кыа» выдержать, выстоять, удержаться на плаву. И он придумал.

Создавая свои программы, В. Морозов неизменно тяготел к театрализации сценического действия. Просто танца и просто песни, какими бы яркими и интересными они ни являлись, ему было мало. В синтезе театральности и концерта он почувствовал огромные возможности. Так родился новый жанр для коми искусства – концерт-спектакль. Первым стал «Парма мойд» – «Таёжная сказка».

Этот спектакль, открывший ряд наиболее интересных и технически сложных программ ансамбля, создан на основе легенд коми народа. Сам Виктор Петрович писал следующее: «За основу взяты не попытки представить фольклор в авторской поэзии и музыке, а подлинный эпос, обряды. К тому же программа идёт на коми языке. Это очень важно, поскольку язык и музыкальная интонация должны существовать в полном слиянии. Я внимательно изучил трёхтомник «Коми народные песни» и в музыке старался использовать особенности всех фольклорных традиций коми: каждое действие раскрывает одну из них. Кстати, форму программы тоже определило своеобразие исходного материала. В любом обряде, легенде идёт некое действо, а это уже предопределяет форму спектакля – ведь нельзя же рассказать легенду лишь посредством обычного чередования песни и танца. Трудно пришлось добиваться и национальной хореографии». Ему хотелось средствами фольклора нарисовать картину быта, истории, портрет народа, который он полюбил всей душой. Взяв из фольклора тему, жанр, почерк, стиль, собрав весь арсенал народного искусства, он искал новую образность в сценическом воплощении. Этот новый «морозовский» стиль был построен на профессиональном освоении исконно народной культуры.

Концерт-спектакль «Парма мойд» («Таёжная сказка»).
2024 г. Фото Е. Цветковой

Спустя некоторое время, на гастролях в Париже, Морозов получил сообщение о присвоении ему почётного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР и отметил это событие вместе со своими артистами под Эйфелевой башней.

В 1996 году настоящим открытием жанра стала следующая программа – «Усть-

Музыкальный спектакль «Усть-Сысольские святки». 2023 г. Фото Е. Цветковой

Сысольские святки». Морозов рассказал о подготовке «Святок» в статье Лизы Барской, по сути, скромно раскрывая лишь краткое описание той многогранной и обширной работы, которая была проделана для создания новой программы. В ответ на вопрос о том, как он решился показать церковную службу на сцене, объяснил: «Благочинный о. Иоанн не только разрешил, но и оказал помощь в постановке фрагментов службы «Собор Богородицы». Замысел вынашивался долго. Современный фольклор мы пели-перепели, надо было в старину «врезаться». Куда в старину? В Усть-Сысольск конца того века. Город маленький, уютный. Я встретился с историком М. Рогачёвым и переводчиком Е. Козловым из Коми научного центра*. Наиболее красочным нам показался святочный цикл – от Рождества Христова до Крещения. В это время проходила ярмарка. Представьте: весёлое торжище с песнями, играми, плясками. На 25 декабря приходился праздник «Собор Богородицы».

И продолжил: «Я написал большой сценарий, и тут же встал вопрос о музыке, которую мы сочиняли сообща – Михаил Герцман, Лидия Чувьурова и я. Музыка была «загнана» в партитуру, которая заняла четыре толстенных тома. Начались репетиции с оркестром, хором. Приехали балетмейстеры из Санкт-Петербурга, Москвы. Параллельно изготавливались костюмы. Чтобы органично сделать спектакль, пришлось контролировать и композиторов, и переводчиков, и исполнителей, и эскизы, и костюмы в Большом. Так вот «простенько» и рождаются спектакли».

Девять уникальных программ для «Асья кыя» успел создать мастер, составивших золотое наследие коллектива.

* Прим. ред.: Е. Козлов в данный период времени работал в редакции журнала «Войвыв кодзув».

25 июня 2000 года он ушёл из жизни. 25 июня 2001 года на городском кладбище Сыктывкара на его могиле был открыт памятник работы скульптора Игоря Пылаева. Одухотворённое и задумчивое лицо мастера склонилось над партитурой, дирижёрская палочка и клавиатура фортепиано теперь навсегда рядом с ним. И ограда в виде нотного стана с нотами из его произведений обрамляют композицию. Каждый год мы собираемся рядом с памятником, приходит весь ансамбль, все, кто работал с ним, знал его, уважал и любил. Приезжает Нэлла Морозова, вдова Виктора Петровича. Мы вспоминаем и рассказываем, радуемся и грустим. А потом, по традиции, все вместе поём песню «Асья кыа», любимую в ансамбле за название, за благородство и одухотворённость, за то, что Виктор Петрович считал её главной песней коллектива, показывал её на выездах и гостям как особенную гордость

**Песня «Асья кыа»
(«Утренняя заря»).**
2013 г.

*Вокально-хореографическая постановка
«Праздник оленеводов». Всесоюзный конкурс
профессиональных народных ансамблей.
Зал им. Чайковского, Москва, 1978 г.*

*«Праздник
олeneводов».*
2019 г.

**Одна из первых
репетиций танца
оленеводов.**

Киножурнал «Наш край»,
№ 9, 1958 г.

народа, хора, ансамбля, каждого артиста. Поём а капелла, искренне и просто, наслаждаясь красотой четырёхголосия, удивляя прохожих. Как будто поём гимн ансамблю, его руководителю и вдохновителю уникальных перемен.

История ансамбля «Асья кыа» – это история деятельности многих и многих творческих личностей: композиторов, балетмейстеров, дирижёров, хормейстеров, поэтов и художников, костюмеров и фольклористов, режиссёров и артистов.

Уникальные номера, золотое наследие ансамбля рождались тогда и сейчас деятельностью выдающихся мастеров большой страны.

Вот, к примеру, знаменитый «Праздник оленеводов» создавался разными поколениями хореографов на протяжении десятка лет. В конце 60-х Г. Тренев (солист ансамбля, народный артист Коми АССР, автор либретто балета Я. Перепелицы «Яг Морт») придумал основной сценический ход номера. Балетмейстер В. Тарантов развил хореографию танца, доработал эпизоды и расширил круг действующих лиц народного праздника. Завершил работу над номером, который вошёл в золотой фонд «Асья кыа», по-своему интерпретировал и переработал материал В. Соколов, приглашённый балетмейстер из Красноярского ансамбля танца Сибири имени М. С. Годенко.

Или хор «Руй, руй». В. Морозов только приехал в Сыктывкар, а коллектив уже готовился к большому фестивалю в Болгарии. Нужно было показать на фестивале нечто новое, не тривиальное, с национальным колоритом. Он обратился к молодому композитору М. Герцману, который всего два года как оказался в республике по распределению из Ленинградской консерватории. Сроки были минимальные – всего несколько дней. Музыкантам не верилось, что можно успеть сделать что-либо

**«Праздник оленеводов».
Кремлёвский Дворец,
2019 г.**

Театрализованное мультимедийное шоу «Легенды Коми края». 2021 г.
Фото Г. Пиля

*«Легенды Коми края».
2021 г.
Фото А. Будиной*

серьёзное за такое краткое время. Но синергия двух молодых талантов привела к успеху. Взяли текст коми народной песни, и композитор приступил к работе, мобилизовав для этого весь спектр современной хоровой техники. Получился ярчайший номер, дерзкий, сильный, с юмором и блеском, с необычными приёмами музыкального письма, разнообразием эффектов и гармонических сочетаний. Все участники фестиваля были поражены и очарованы оригинальностью выступления коллектива из далёкого северного края.

А идея создания к 100-летию Республики Коми беспрецедентного театрализованного мультимедийного шоу «Легенды Коми края», которую озвучила и, несмотря на все трудности постановки, смогла реализовать директор филармонии М. Балмастова (2013–2021)! Шоу, которое вошло в историю коми культуры, где в высокотехнологичном решении сценического пространства развернулись картины жизни и быта коми народа, где сплелись мечты и реальность, легенды, мифы и бесконечная красота природы Коми края, рождающая эти легенды.

В золотой фонд ансамбля «Асья кыа» вошёл ряд концертных программ разных лет. Особое место в этом почётном списке занимают первые три постановки.

«Парма мойд» («Таёжная сказка»), 1990 год, автор и постановщик В. Морозов – концерт-спектакль в четырёх действиях по легендам, преданиям и обрядам народа коми, в котором органически взаимодействуют поэзия и музыка, пластика и символика, пение и хореография. Представлены легенды ижмо-колвинского эпоса, весенний вымско-удорский обряд, вычегодско-сысольский праздничный фольклор. Программа поставлена к 50-летию Государственного ансамбля «Асья кыа». Авторы: сценарист, режиссёр, композитор – В. Морозов, балетмейстеры – лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный деятель искусств Коми АССР Б. Мягков, А. Мулин, М. Кругликов, перевод текстов – С. Попов, В. Попов, художник-постановщик И. Баженов, художник по костюмам – заслуженная артистка Тувинской АССР А. Фролова.

«Усть-Сысольские святки», 1996 год, постановщик В. Морозов – музыкальный спектакль в двух действиях и пяти картинах, в котором представлены сцены из жизни Усть-Сысольска (старое название города Сыктывкара) – в Рождество Христово, Стефанов день, Васильев вечер, Сочельник, Крещение. Авторы: сценарист, режиссёр, компози-

Концертная программа
«Уна рёма войвыв»
(«Многоцветье
Севера»). 2018 г.
Фото А. Будиной

тор – В. Морозов, композиторы – заслуженный деятель искусств Республики Коми и России М. Герцман, заслуженный деятель искусств Республики Коми Л. Чувьюрова, балетмейстер – заслуженный деятель искусств Российской Федерации В. Миронов, коми тексты – Е. Козлов, А. Осипова, сценография – заслуженный деятель искусств Республики Коми И. Баженов, художники по костюмам – Н. Морозова, Т. Артамонова, Е. Меркулова.

«Уна рёма войвыв» («Многоцветье Севера»), 1999 год, постановщик В. Морозов – музыкальный спектакль в четырёх картинах, где представлены экзотическая красота тундры, народные праздники, в которых переплетаются христианские и языческие обряды; завершается спектакль картиной «Русь колокольная». Программа создана к 60-летию Государственного ансамбля «Асья кыя». Авторы: сценарист, режиссёр, композитор – В. Морозов, композиторы – В. Чувьюров, балетмейстеры – лауреат Всероссийского конкурса А. Мулин, заслуженный деятель искусств России Г. Ковтун, заслуженный работник культуры Республики Коми О. Катербарг, художники по костюмам – Н. Григорьева, Н. Морозова.

**«Тундралён лов шы»
(«Дыхание тундры») –
1 картина
«Уна рёма войвыв»
(«Многоцветье Севера»).**
Кремлёвский дворец, 2017 г.

«Ас му» («Родная земля»), 1999 год, постановщик В. Морозов – концерт из лучших произведений прошлых лет.

«Шондібаной» («Солнцеликая»), 1999 год, постановщик В. Морозов – концерт из произведений финно-угорских народов.

«Гой ты, Русь!..», 1999 год, постановщик В. Морозов – программа, отражающая красоту и разнообразие русских песен и танцев.

«Феерия Севера», 2005 год, постановщик В. Волохов – российско-французский проект. Концертный цикл «Музыкальные вечера с «Асья кыя», 2007–2009 годы.

«Гажодчысь войвыв» («Север праздничный»), 2009 год, постановщик В. Волохов – программа к 70-летию «Асья кыя» на основе фольклора Прилузского и Усть-Куломского районов Республики Коми.

«Концерт-фантазия», 2012 год, постановщик А. Титаренко. В программе – музыкальные

Концертная программа
«Ас му» («Родная
земля»). 2024 г.
Фото Е. Цветковой

и танцевальные ритмы Ирландии, Испании, Америки, Италии; Россия с её дивными песнями и разудалыми плясками. В завершение – путешествие по Коми земле.

«Удораса сьылём-йоктём» («Удорские гулянья»), 2014 год – концертная композиция к программе «Гажодчысь войвыв» («Север праздничный»), постановщик А. Титаренко, на основе фольклора Удорского района Республики Коми.

«Под небом России», 2016 год – программа, основанная на музыкальном и хореографическом материале Центрального и Северо-Западного регионов России.

«Ожерелье Финноугории», 2019 год, постановщик Д. Бушув – концертная программа, созданная к 80-летию ансамбля. В ней собраны яркие сценические картины мордовской, удмуртской, марийской и коми культур. В завершение – вокально-хореографическая сюи-

Концертная программа «Шондібанй» («Солнцеликая»). 2024 г. Фото Е. Цветковой

Концертная программа
«Феерия Севера».
Франция, 1996 г.
Фото из личного архива
В. Орловой

«Феерия Севера».
Испания, 2008 г.
Фото из личного архива
В. Орловой

та «Весенняя Сысола» – первое масштабное обращение «Асья кыя» к традициям гуляний и праздников Сысольского района Республики Коми. В основе постановки – народно-обрядовый праздник «Гажа валяй», праздник поклонения солнцу, возвращения солнечного тепла после долгой северной зимы.

«Легенды Коми края», 2021 год – программа к 100-летию Республики Коми (при поддержке гранта Главы Республики Коми и Министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми) – современное шоу, вдохновлённое традициями. Вместе с Золотой птицей, символом республики, зрители отправляются в захватывающее светомузыкальное путешествие по сказаниям, легендам, праздникам и уникальным местам удивительной Республики Коми, прекрасной во все времена года.

История ансамбля «Асья кыя» вобрала поиски, открытия и достижения многих деятелей культуры и искусства, великий труд артистов многих поколений. Их взгляды, способности и таланты, профессионализм и сила личности постепенно сформировали индивидуальность коллектива, самобытность, за которую его ценят и зрители, и эксперты.

Концертная программа «Гажӧдчысь войвыв» («Север праздничный»). 2024 г. Фото Е. Цветковой

«Луд вылын котралэм» («Луговые гуляния») – 4 картина «Гажӧдчысь войвыв» («Север праздничный»).
Кремлёвский дворец, 2019 г.

В числе тех, кто внёс и вносит наибольший вклад в развитие ансамбля, – профессор, дирижёр А. Воронцов и А. Каторгин, композиторы А. Осипов и П. Чисталёв, хормейстер А. Лапский и

балетмейстер В. Тарантов, композиторы Я. Перепелица, М. Герцман, В. Мастеница, хормейстеры Г. Пыстина и В. Самарин, музыканты и руководители В. Майсерик, В. Волохов, М. Бурдин, А. Мойсеевич, А. Моисеев, И. Поповцева, балетмейстеры-постановщики и репетиторы А. Вагапов, В. Соколов, Д. Бушуев, поэт В. Кушманов и многие-многие другие талантливые мастера искусств.

А. Вагапов – заслуженный деятель искусств Чувашской республики, талантливый балетмейстер, постановщик танцев бытового характера – сотрудничал с ансамблем Коми АССР в 1960–1970 годы, не ограничивался традиционными, фольклорными рамками, с юмором и фантазией осуществлял игровые эпизоды на фоне народного праздника. «Благодаря искренней заинтересованности Льва (Арслана) Степановича в повышении мастерства артистов балета, которые пришли из художественной самодеятельности, – вспоминает ветеран коллектива, заслуженный работник культуры России Х. Мойсеевич, – появилась традиция заниматься с молодёжью до репетиций и после. Как приятно, что сегодняшние руководители коллектива помнят об этом и стараются ввести молодых артистов в сложный и разнообразный репертуар, не оглядываясь на временные рамки и трудозатраты».

А. Лапский – уникальный хормейстер, художественный руководитель, выпускник Одесской консерватории, который внёс огромный вклад в развитие хорового искусства ансамбля. Его тщательная и неустанная работа над народным материалом, переосмысленным в большие художественные полотна, над тонкой нюансировкой звучания, над чистотой и техничностью исполнения навсегда преобразила хоровой коллектив «Асья кыа». Его дело продолжила в течение долгих более чем 40 лет заслуженный деятель искусств России Г. Пыстина, выдающийся хормейстер и дирижёр, сохранивший и приумноживший заслуги и достижения коллектива. В том, что у ансамбля сохранился сильный хор, конечно, во многом её заслуга.

Выдающийся балетмейстер В. Тарантов служил в ансамбле в 1950–1980 годах. Его блестящие работы всегда отмечались на конкурсах и фестивалях, пресса неизменно связывала его имя с самыми высокими достижениями коллектива. Известные всей стране «Удорская плясовая», «Виль пимы», «Праздник оленеводов», «Алая ленточка», «Весёлые постучалочки» – не просто танцы, а настоящие хореографические поэмы, живые картины о любви, о красоте, народных радостях, праздниках и печалях.

В. Волохов – художественный руководитель коллектива, музыкант высокого полёта, знаток и ценитель музыкального искусства всех видов и жанров, блестящий баянист-виртуоз, заслуженный артист Российской Федерации. Он расширил и обогатил оркестр новыми тембрами, оркестровые партитуры засверкали новыми красками, к 70-летию коллектива впервые в истории ансамбля разделил юбилейные празднования на отдельные программы для хора, балета и оркестра.

В ансамбль приезжали не только корифеи сценического искусства, но и молодые, начинающие постановщики: балетмейстер В. Марьяшин, хормейстер В. Самарин. В 1992 году в балет ансамбля влилась группа выпускников Уфимского хореографического училища. Был среди них и тот, кто впоследствии стал не только заслуженным артистом Российской Федерации, отдав служению в балете 30 творческих лет, но и в течение 5 лет Д. Бушуев возглавлял ансамбль как балетмейстер и художественный руководитель.

*Дмитрий Бушуев –
художественный
руководитель
в 2018–2023 гг.*

*«Любовь на острие ножа» – второе отделение вечера
современной хореографии «Любовь. Жизнь. Танец».
2018 г. Фото А. Будиной*

В этот период появились новые для ансамбля постановки в стиле современной хореографии на сюжетной основе шедевров драматического искусства «Ромео и Джульетта» и «Кармен». Яркие, эмоциональные балеты не только придали энергичный импульс развитию балетной группы ансамбля, но и привлекли нового зрителя, показали публике новые грани профессионального мастерства артистов, казалось бы, владеющих только народным танцем. Творческий вклад руководителя уникален, коллектив, приобретая новые компетенции, стал сильнее и увереннее, интереснее и привлекательнее для широкой общественности.

В настоящее время деятельностью ансамбля руководят: художественный руководитель, заслуженный артист России А. Титаренко, лауреаты премии правительства

Александр
Титаренко –
художественный
руководитель

Алексей
Разбаков –
главный
хормейстер

Алексей
Чашников –
главный
дирижёр

Анна
Поздеева –
главный
балетмейстер

Мария
Степаненкова –
хормейстер

Республики Коми – главный хормейстер А. Разбаков, главный дирижёр А. Чашников, главный балетмейстер А. Поздеева, хормейстер М. Степаненкова.

Традиции, заложенные В. Морозовым в работе оркестровой группы, продолжает и развивает заслуженный артист России А. Титаренко. Сначала как солист-виртуоз на ударных инструментах, затем как руководитель, аранжировщик и дирижёр оркестра. Пройдя весь сложный путь становления артиста, музыканта, дирижёра, А. Титаренко стал художественным руководителем коллектива, опытным, профессиональным знатоком традиций, инициатором и создателем нового репертуара на основе современной разработки музыкального материала. Подготовка к юбилейным мероприятиям ансамбля проходит в творческой атмосфере формирования новых концертных блоков, идеи руководителя синтезировать современную композиторскую технику с национальным колоритом и фольклорной основой прорабатывают композиторы, балетмейстеры и хормейстеры. Сотворчество профессионалов подарит коллективу новый материал для развития и продвижения искусства Коми края.

Концертная
программа
«Ожерелье
Финноугории».
2024 г.
Фото
Е. Цветковой

«На просторах тундры», Станислав Анаев, Модест Михайлов, Полина Прончева. II Всероссийский конкурс артистов балета и хореографов. Москва, 2017 г.

Какие только награды не присваивались прославленному коллективу! Дипломы, кубки, призы и премии все-союзных, всероссийских, международных, республиканских конкурсов и фестивалей, премии Коми комсомола и Государственная премия имени В. Савина.

На протяжении всей своей истории коллектив демонстрирует красоту гармонической слитности, единство человека с песней и танцем. Передать словами это яркое, то стремительное, то завораживающее действие практически невозможно. С помощью песни и танца ему удаётся показать характер северного народа и окружающий его мир – дремучую парму, ледяную тундру, белые ночи и нежные утренние зори. Наверное, в этом и секрет, суть творческой работы коллектива – в умении любить и беречь родную землю, хранить и передавать из поколения в поколение её культурные богатства.

Коллектив в республике не просто любим, каждый концерт – это аншлаг, ансамбль «Асья кыа» – это марка мастерства и высокого профессионализма в культуре края. Давно уже считается престижным быть принятым в ансамбль, молодые артисты ежегодно собираются со всей страны на прослушивания и просмотры. Те, кто проходит конкурс и становится артистом «Асья кыа», гордится своим статусом, постоянно развивается и учится для

Концертная программа «Под небом России». 2024 г. Фото Е. Цветковой

поддержания высокого уровня мастерства.

В 2013 году было принято решение о создании детской Национальной студии при Государственном ансамбле. Её возглавил народный артист Республики Коми Е. Жильцов, 30 лет посвятивший любимому коллективу, продолживший традиции ансамбля в воспитании нового поколения артистов. Чувство гордости и трепета вызывает осознание, что уже первые выпускники студии, получив профессиональное образование, возвращаются в коллектив и становятся артистами и даже наставниками в детской студии, возвращая следующие поколения юных талантов. Не случайно в череде юбилейных мероприятий 2024 года среди программ «Вечер хора», «Вечер оркестра», «Вечер балета», «Юбилейный вечер «Асья кыа» – 85» есть концерт с символическим названием «Традиции живая нить» – концерт воспитанников Национальной студии.

Легендарные артисты ансамбля, которым рукоплескали залы великой страны и мира, навсегда остались в памяти коллектива как образец высочайшей преданности искусству и родной земле. Эти имена помнят и чтут: народная артистка Коми АССР Т. Маегова и заслуженная артистка Коми АССР И. Прохорова, заслуженная артистка Коми АССР В. Васюкова и заслуженная артистка Российской Федерации Т. Воронина, заслуженная артистка Коми АССР Т. Ратчина и заслуженный артист Коми АССР А. Седых, заслуженные артисты

Национальная студия при Государственном ансамбле «Асья кыа». 2023 г. Фото К. Шучалина

Театрализованная программа «Священная война. Великая Победа». 2023 г. Фото Е. Цветковой

IX театрально-концертный сезон «Лето в Кремле», проходящий на территории Вологодского кремля. 2017 г.

Республики Коми В. Полежаев и Н. Беликова, народный артист Коми АССР В. Васильев и заслуженный артист Республики Коми А. Смирнов, народные артисты Республики Коми А. Брагин и О. Ваганов, заслуженные артистки Республики Коми Е. Домбровская и Л. Бурдина.

Каждому артисту предоставляется возможность стать солистом, хотя бы в небольшом эпизоде. Так руководитель даёт развитие техническим и артистическим способностям участников коллектива, когда выявляются молодые таланты и формируется высокий уровень ответственности за общее и «очень твоё, собственное» творческое дело. «Внезапно надо было срочно заменить заболевшего солиста в сюите «Песни тундры», – вспоминает ветеран ансамбля А. Чеботарёв, – это был небольшой сольный запев, но всё равно было приятно ощущать, как ты, пусть и на несколько минут, становишься объектом пристального внимания зрителя».

Особый дух коллектива все 85 лет его существования – самоотверженный, порой изнурительный, но такой счастливый творческий труд. Всё подчинено общему делу, невзирая на житейские трудности и личные проблемы, на сцене для артиста неизменно – сверкающая улыбка, ни один мускул на лице не дрогнет, не подаст виду, не сорвётся, пока не доработает программу до конца...

Именно так рождаются безошибочная координация в тонких хитросплетениях хороводов, виртуозные сложнейшие трюки, синхронность движений, чувство локтя – ощущение ансамбля как единого и целостного организма, где каждый на своём месте, каждый – частичка общей гармонии и красоты. Где каждый шаг и каждый жест продуманы и отработаны до автоматизма, символичны и многоплановы...

Гастроли «Ася кыя» всегда проходят с большим успехом, по гастрольным графикам ансамбля можно изучить географию Советского Союза и современной России. В каждой республике огромной страны, в каждом городе от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Ашхабада, в сотнях концертных залов – филармоний, театров, клубов и дворцов культуры – пел и танцевал яркий самобытный коллектив, удивляя зрителей многонациональной страны своим искусством, приобщая к культуре коми народа. Ежегодно в течение десятков лет коллектив совершал гастроли в летние месяцы на теплоходе по ре-

кам Коми края, заглядывая в каждый уголок республики, а в холода добирался до отдалённых районов на самолётах и вертолётах, поездах и даже санях. Кроме того, в последние 5 лет коллектив ансамбля является постоянным участником Всероссийского гастрольно-концертного плана Министерства культуры Российской Федерации в рамках федеральной программы «Мы – Россия» ФГБУК «Росконцерт».

Признание высокого исполнительского уровня коллектива зарубежной публикой подтверждается многочисленными наградами международных фестивалей. Ансамблю «Асья кыа» рукоплескали в Венгрии (1972), Болгарии (1975, 1983, 1997), Финляндии (1979), Чехословакии (1979, 1987), ГДР (1985), Польше (1986), Югославии (1989), Голландии (1992, 1996), Германии (1996), Португалии (1997), Испании (1999, 2008), Бельгии (1996, 2005), Франции (1990, 1996, 1999, 2002, 2005, 2006, 2012), Германии (1996, 2019), ОАЭ (2021), Беларуси (2024).

IV Международный фестиваль православной культуры и народного искусства «Традиции Святой Руси». Орёл, 2022 г. Фото В. Орловой

Сегодня «Асья кыа» проживает 85-й юбилейный год. Каждый месяц коллектив приглашает зрителей на концертные программы золотого фонда. Зимой и весной ансамбль совершил гастроли по всем городам Республики Коми, посетил с концертами Москву, летом познакомил жителей Беларуси с северным национальным колоритом. Осенью отправился по городам Кавказа: Нальчик, Назрань, Владикавказ и Махачкала с программой «Север – наш край». Готовит новую постановку к юбилейному вечеру на музыку современных композиторов, которые по традиции обрабатывают народный материал и наполняют его ритмами нового времени. Цикл юбилейных концертов каждой группы коллектива пройдёт в декабре, и завершится этот год грандиозным юбилейным вечером с участием

Фестиваль Russia Fest в рамках культурной программы выставки «Экспо-2020». Дубай, 2022 г.

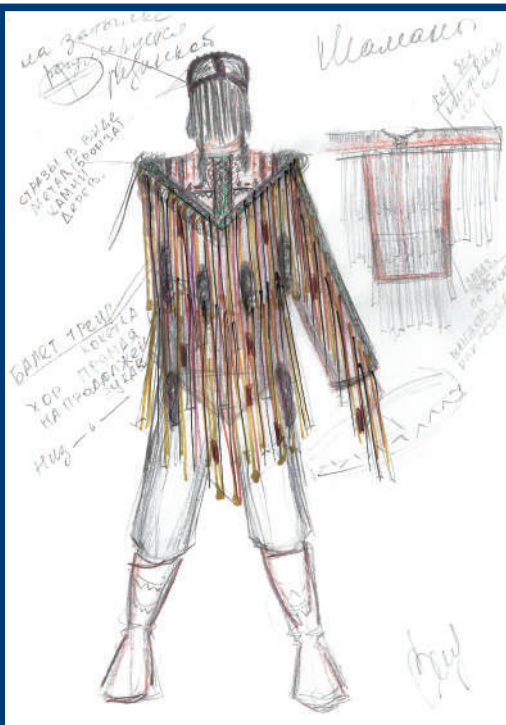
гостей коллектива, при участии ветеранов, руководства республики, с поздравлениями и награждениями артистов и творческих лидеров.

К 85-летию коллектива издаётся литературно-музыкальный сборник с нотными, историческими и поэтическими материалами «Золотое наследие «Асъя кыа», поддержанный Фондом Президентских грантов Российской Федерации и Министерством культуры России. В сборник вошли произведения из золотого фонда ансамбля композиторов А. Осипова, П. Чисталёва, Я. Перепелицы, М. Герцмана, поэта В. Кушманова. Основная глава сборника посвящена жизни и творчеству В. Морозова, имя которого носит ансамбль, его произведения впервые публикуются для широкой аудитории зрителей, для работы самодеятельных коллективов, для изучения юными музыкантами и молодыми артистами.

«В современных реалиях нашего времени очень важно заинтересовать молодое поколение обращать своё внимание на нашу историю, – говорит художественный руководитель коллектива А. Титаренко. – Для этого, мне кажется, надо пытаться мыслить и думать, как они, искать молодых, заинтересованных специалистов, не бояться давать им возможность открывать своё видение и отношение к историческим и культурным ценностям нашего региона, реализовать их в творческих работах».

Сколько бы ни прошло лет, десятилетий и круглых дат – артисты «Асъя кыа» совершенствуются и растут, зреют и расцветают, а главное, спасают от забвения и дают новую современную жизнь народной музыке.

Наш символ, отражённый в логотипе ансамбля, – неугасимый свет подлинного национального искусства в красках «Утренней зари» – «Асъя кыа».

Театрализованное мультимедийное шоу «Легенды Коми края».

Эскизы лауреата премии Правительства Республики Коми, художника по костюмам Ларисы Ветошкиной.

Вокально-хореографическая постановка «Аслыссяма Ижма» («Самобытная Ижма»).
 Эскизы лауреата премии Правительства Республики Коми, художника по костюмам
 Ларисы Ветюшкиной.

Павел Микушев: от этнофутуризма к геометрическому арту

Читателям журнала «Арт» хорошо знакомо имя художника Павла Микушева. Двадцать семь лет назад он вместе с Юрием Лисовским участвовал в создании «нулевого» номера и затем активно сотрудничал с журналом, помогая создавать его «лицо» и продумывая символику обложек. Оба художника не раз признавались, что работа с «Артом» стала для них трамплином к успешной творческой карьере.

Долгое время в республике и творческом сообществе финно-угорского мира оба художника имели негласное звание «гуру этнофутуризма». Однако в последнее время оба несколько дистанцировались от этого направления. Причём Павел Микушев, пожалуй, в большей степени. Этностиль и сегодня присутствует в его работах, но теперь художник исследует не время, а пространство. Геометрию. Супрематизм.

Зри в корень

– Павел, насколько я знаю, твои родители были далеки от творчества? В какой семье ты родился?

– В наипростейшей. И мама, и папа были из коми деревень. Отец из Кероса, мама из Мыёлдино. У обоих за плечами лишь семилетка. У отца ещё война. С 1942 по 1947 год он служил в морской пехоте. Сначала на Северном флоте в районе Мурманска охранял границу, а ближе к концу войны ходили в рейд до Киркинеса, выбивали оттуда немцев. После победы над Германией часть послали в Северную Корею, где он отслужил ещё два года. Когда вернулся в Коми, родителей своих уже не застал, продал дом и переехал в Максаковку. Работал на рейде.

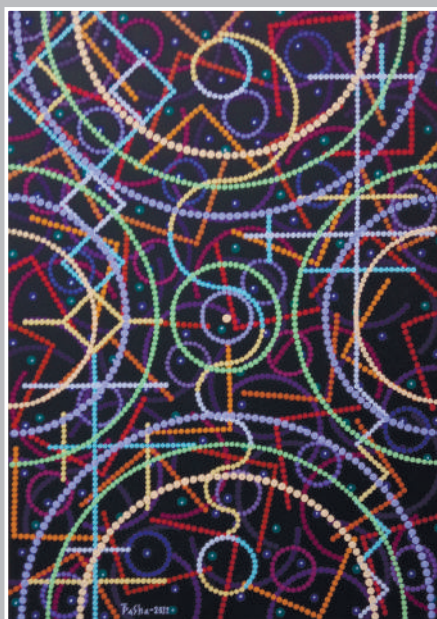
А мамина семья приехала, точнее, приплыла в Максаковку на плоту. Ей пришлось нажить год, чтобы получить паспорт.

Галерея «Кохта», Хельсинки
2021 г.

Зырянские тексты
2017 г.

Многоточие
2023 г.

Сакральная геометрия
2022 г.

Проводы невесты
2017 г.

Моление на бобров
2021 г.

Паша и Казимир
2020 г.

Застывший великан
2024 г.

Внутреннее пространство
2020 г.

Чёрное солнце пустыни
2024 г.

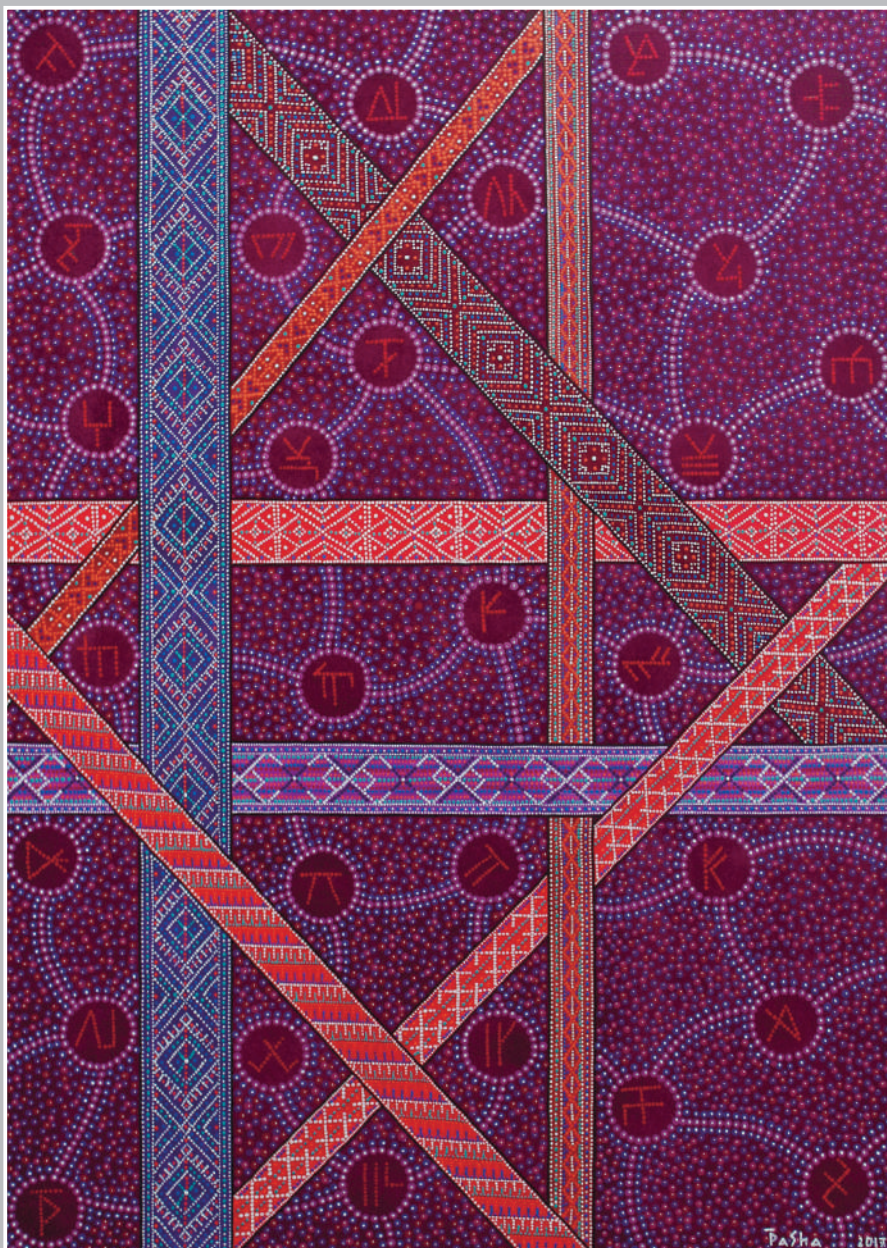
Проводы невесты
2017 г.

Сампо
2021 г.

Земляничные поляны
2018 г.

Зырянские тексты
2017 г.

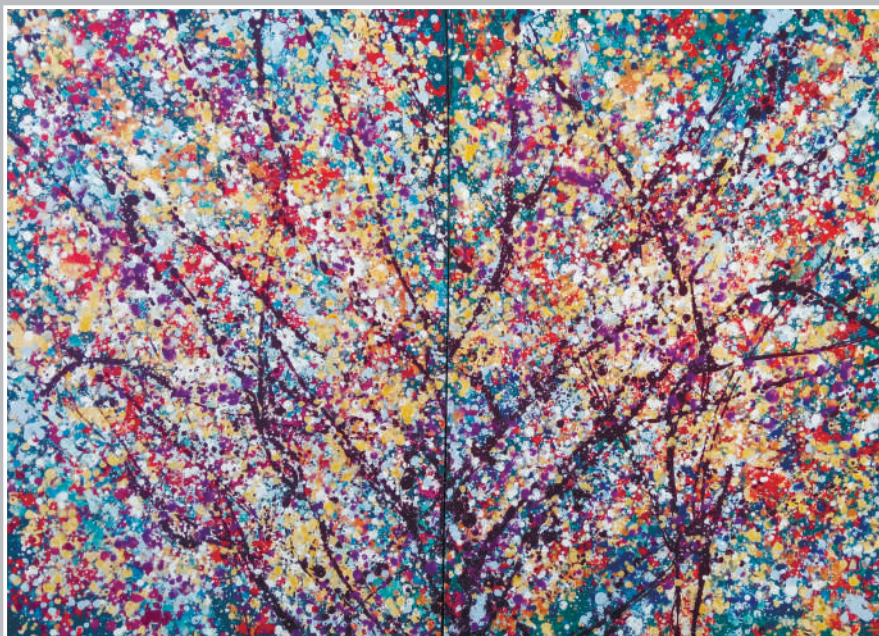
Полёт на прялке
2007 г.

Дверь в лето
2024 г.

Застывший великан
2024 г.

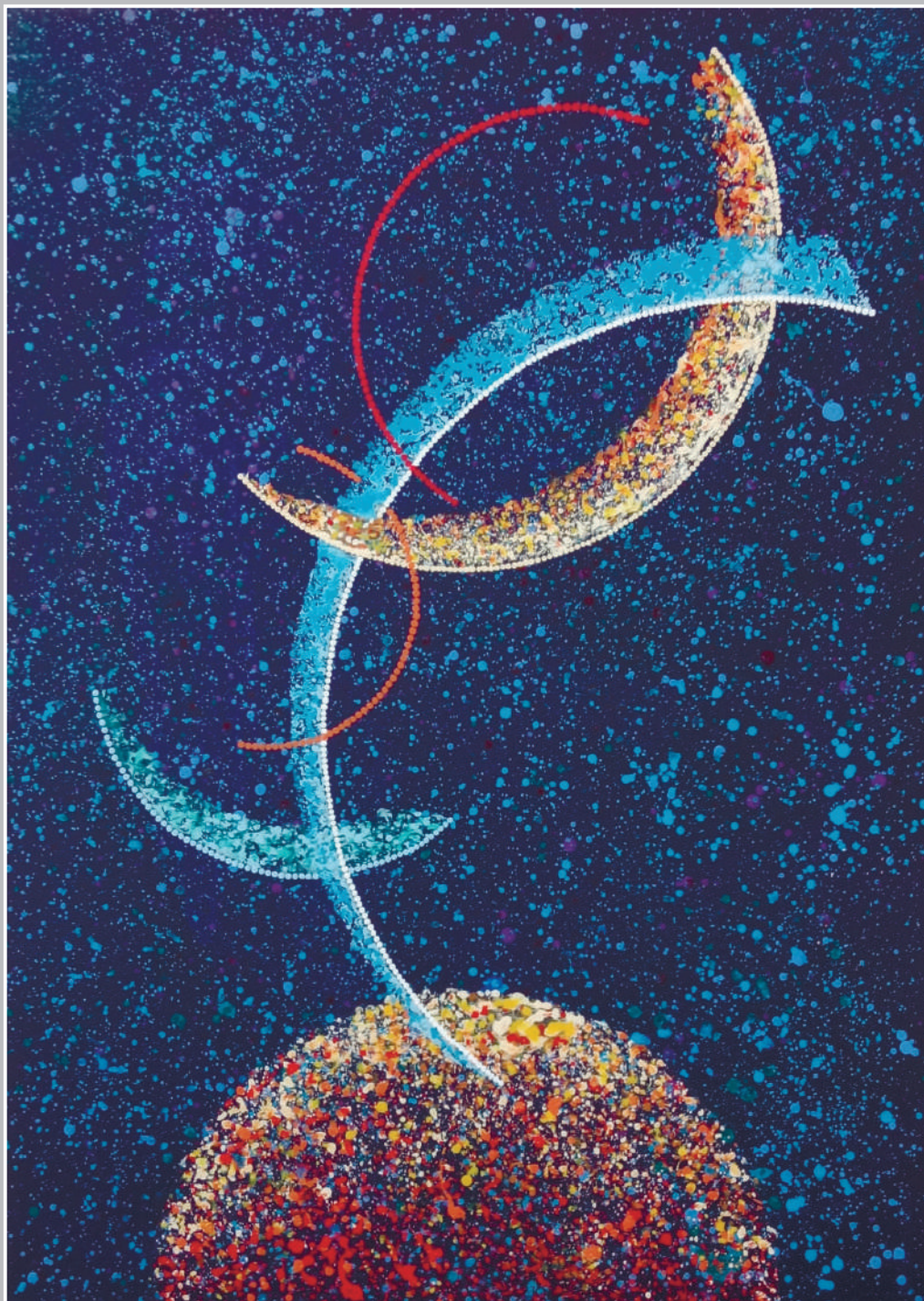
Весна
2024 г.

Малица
2024 г.

Слушаем тишину
2024 г.

Памятник Кандинскому
2024 г.

Вместе со своей мамой и бабушкой в 1940 году они втроем нанялись сопровождать лес по реке. Тогда же молевой сплав был.

– Интересно. То есть твой отец, почти как рыбак из коми мифа, поймал свою женщину в сети на реке. У тебя, кажется, даже есть такая картина... Получается, ты – поздний ребёнок?

– У мамы было семеро детей, я – самый младший. Цифра семь, кстати, для меня символическая, я её периодически вижу в своей жизни. И в искусстве я её использую. У меня, как правило, семь предметов в картине. «Кага» – так меня всё детство мама называла (кага – ‘ребёнок’). На улице встретит кого-то: «Тайё менам кага. Мой младший».

– И тебе, как младшему, наверное, всё позволяли. У тебя была куча игрушек от старших сестёр-братьев.

– Игрушек у нас не было. Как говорится, трудное детство – деревянные игрушки. Мы сами себе их мастерили. Но зато в

Павел Георгиевич Микусhev родился в 1962 году в пос. Максаковка под г. Сыктывкаром. В 1990 году окончил художественное отделение Сыктывкарского училища искусств. Преподавал в Гимназии искусств при Главе Республики Коми. Участник российских и международных выставочных проектов. Персональные выставки проходили в Эстонии, Финляндии, Венгрии и во многих финно-угорских регионах России. Работы художника хранятся в фондах музеев и в частных коллекциях.

Максаковке было много детей. На улице всегда собиралась большая компания.

– Раньше там проживало немало немцев.

– У меня в школе полкласса было немцев. Это же рабочий посёлок, весь народ пришлый. После войны было много приез-

1993 г.

жих по найму: молдаване, украинцы. Дома родители говорили на двух языках: коми и русском. Бабушка – только по-коми. К сожалению, сегодня у меня осталась одна старшая сестра, остальных братьев и сестёр я уже пережил по возрасту.

– А когда ты начал рисовать?

– Сказать, что я засиживался за рисунками, нельзя. В детстве пару месяцев ходил в школьный кружок, пытался, помню, себя через зеркало нарисовать. А в 9 классе к нам пришёл учитель черчения, и мы как-то с ним сошлись, стали общаться. Он закончил педучилище и рассказывал о нём.

Последние полгода в 9 классе я почти не учился, приходил с книжкой на уроки и провокационно, сидя за первой партой, читал. Или срисовывал портреты писателей и учёных, которые висели на стене. С грехом пополам мне дали справку, что я закончил 9 классов, и аттестат о неполном среднем образовании. Тогда же я первый раз пробовал поступить в Сыктывкарское училище искусств, но меня не взяли, и я пошёл в педучилище.

Там было весело, появились город-

ские друзья, и я ушёл с головой в новую жизнь. Был, кстати, ведущим дискотеки! Учиться совершенно не хотелось... Через год забрал документы и опять поступал в училище искусств. И снова провалился. Устроился в Республиканскую филармонию рабочим сцены и вместе с ансамблем «Асьякыя» поехал на гастроли. Целый месяц мы катались по Донбассу и Харьков. А там, как скажешь, что ты из Коми, сразу: «О, шахтёры, наши люди!» Потом – армия.

– Как же тебя взяли с таким слабым зрением?

– В военкомате сказали: всё нормально, иди. Я приехал в Княжпогост на сборный пункт, и врач меня завернул. Не надо, говорит, с таким зрением в армию, езжай обратно. И выписал мне направление в больницу. Лёг, мне закапали глаза, и я ходил там, как зомби. При выписке дали мне какую-то бумагу, пришёл с ней в военкомат, а там её – под сукно. Так и попал в железнодорожные войска. Строили в Казахстане жилой дом для офицеров.

– Проблемы со зрением мешают тебе как художнику?

– Я с пяти лет в очках. Каждый год перед школой мы с мамой ходили в Сыктывкар в поликлинику проверять, надо ли менять очки. С годами зрение становилось хуже, диоптрии росли, но сейчас всё остановилось. Скажу так: без очков в столб не врежусь. Без них я вижу достаточно, любого человека узнаю и крупные надписи смогу прочесть. Главное, что с цветоощущением всё нормально. У меня хорошее визуальное и пространственное мышление. Я отлично ориентируюсь по карте. Достаточно раз посмотреть, и всё – в любом городе гуляю один без вопросов.

Расширяя горизонты

Сразу после армии Павел сделал третью попытку поступить в училище искусств и снова потерпел неудачу. Устроился грузчиком в магазин и, чтобы получить аттестат о

Камва. 2007 г.

среднем образовании, – в школу рабочей молодёжи. В 1986-м, в возрасте 24 лет, он пришёл в приёмную комиссию училища четвёртый раз! Ему повезло. За настырного абитуриента в очках вступился Юрий Филипповский, набиравший в тот год свой курс живописцев. «Хватит уже парня мучить, надо брать», – сказал он.

– У нас была мальчишеская группа. Всего одна девочка тогда поступила, но так и не стала художником, – продолжает рассказывать Павел. – И были всего два парня после 8 класса, остальные взрослые шалопаи вроде меня. Все уже после армии, имели специальность, успели поработать. Юра Лисовский, например, был уже после речного училища. Мы прошли школу жизни, поэтому серьёзно относились к учёбе.

– У кого вы учились, через кого прошли?

– Я бы сказал, это они через нас прошли (*смеётся*). Наши преподаватели тоже были тогда молодыми – Шадрин и Пунегов только после «Мухи». Залитко и Филипповский преподавали композицию и живопись. Потом периодически на разных курсах к

нам приходили Копотин и Неверов.

Диплом я делал по азбуке Стефана. Без ложной скромности могу сказать, что я был одним из первых её популяризаторов. Прошерстил библиотеки нашего Национального музея и Коми научного центра, Нацархив, всё, где были какие-то «следы». Изучал икону «Зырянская троица», как там рисовались все эти буковки. На тот момент были какие-то дореволюционные книги по грамматике коми языка, печатались фрагменты азбуки, но это всё была научная литература, а популярно и художественно не делал никто.

Пока рылся в старых журналах, работая над дипломом, увидел там много про мифологию. О пермском зверином стиле нам в училище Александр Забоев рассказывал. В это же время примерно была издана подборка работ Василия Игнатова по коми легендам. В общем, всё стало складываться воедино, я увлёкся и решил, что надо в этом направлении попробовать что-то сделать. Начал изучать орнаменты, звериные штучки рисовать. Процесс поиска занял почти два года.

Хельсинки. 2021 г.

А в 1993 году на нашем горизонте появилась Нина Нестерова (в 1993 году Нина Нестерова была ведущим специалистом Министерства по делам национальностей Республики Коми). В Удмуртии, говорит, будет финно-угорский фестиваль, берите свои картинки и приезжайте.

– О, так это Нина вас сбילה с панталыку?

– В финно-угорское движение она нас завела, просто взяла за ручки – и туда! Мы в искусстве копались, а она нам открыла пространство, где это искусство востребовано. В Ижевске мы перезнакомились с кучей художников из разных регионов. Причём так получилось, что нас с Юрой сразу сделали организаторами выставки. Мы ездили по мастерским и отбирали работы, хотя сами тогда ещё «были никто и звать никак». Заметила нас там и чиновничья братия. Миннац республики решил, что с нами надо работать, и представители Эстонии обратили внимание. Всё совпало: мы – молодые

30-летние «пацаны», общий интерес к теме. Уже через полгода в Национальном музее Коми состоялась первая международная (!) выставка финно-угорских художников.

А в 1994-м нас позвали в Тарту, на первую международную конференцию по этнофутуризму. И именно в Тарту мы услышали и узнали, что это такое, ведь сам термин родился в Эстонии ещё в конце 1980-х, когда местные поэты стали заниматься поиском своей идентичности.

Нам надо было привезти несколько работ для выставки в этностиле. Кое-что с финно-угорским уклоном у меня уже было, что-то я сделал специально. А Юра ещё к этнике не имел отношения, его работы были ближе к сюрреализму, но он тоже быстро проникся. Работы большие, по 2 метра, а мы на поезде. Молодые, безбашенные! Вспоминаю, сам удивляюсь, как мы всё это на себе таскали? По несколько штук тяжелых картин на плече... Кошмар!

– Увлечение этнофутуризмом затянулось у тебя на 20 лет.

– Да. Я стал выезжать на хорошие большие проекты: в Эстонию, Литву, Финляндию.

– Я знаю, что ты рисовал там картины на стенах и, по условиям проекта, через некоторое время они закрашивались.

– У меня было три таких проекта. В 2007 году в Таллине, в 2019-м – в Вильнюсе и в 2021-м в Хельсинки – сразу 4 стены, 120 квадратных метров! А в Центре современного искусства Вильнюса – стена 6 на 12 метров. Я её расписал на мотив картины «Свадьба рыбы и медведя». Она «провисела» 3 месяца, потом её закрашили.

– Так жаль...

– Когда участвуешь в большом европейском проекте, тебе создают такие условия, что ты просто не думаешь о будущем. Живёшь в хорошей гостинице, у тебя есть карманные деньги, и обещают хороший гонорар. Тебе надо просто сделать вещь. Ты приходишь и делаешь. А потом смотришь и получаешь удовольствие. И всё... Это

зафиксировано. Твоя работа есть в каталоге, на личных фотографиях. Это отличные воспоминания! Утренняя прогулка по Таллину, светлая голова, столько визуальных впечатлений...

– **Надо найти подходящие площадки в Сыктывкаре, но только чтобы твои работы остались... Скучаешь по тому времени?**

– Я не очень люблю людей, ностальгирующих по чему-либо. Было, и прекрасно. Рад, что у меня состоялся такой опыт, что был замечательный период фестивалей «Камва». Я потом целый год жил этими эмоциями. Но всему своё время. Нельзя цепляться за прошлое. Тот, кто цепляется, не может идти дальше. А идти вперёд надо. Вначале я думал, что в этнофутуризме столько материала – на всю жизнь хватит. Но постепенно, лет семь назад, возникло ощущение, что исчерпал себя.

Не замахнуться ли нам на...

– Расскажи про свой опыт работы с Национальным музыкально-драматическим театром Республики Коми. В спектакле «Парма лов», поставленном по мотивам «Биармии», использованы твои рисунки и костюмы.

– Сидел я как-то майским утром и думал: «А не замахнуться ли мне на «Калевалу»? И даже нарисовал один лист форматом 50 на 70 см. Но потом задумался. Ведь «Калевалу» в финно-угорском мире только ленивый не иллюстрировал. Ёлки-палки! Так вот же книжка Каллистрата Фалалеевича Жакова перед глазами стоит, дай-ка углублюсь в эту тему. И стал в очередной раз перечитывать.

– **Мне кажется, «Биармия» – такая недооценённая вещь. Её мало знают даже в Коми. В основном лишь филологи, музейщики.**

Таллин. 2008 г.

– По каким-то причинам Жаков, обладая фантазией и огромным багажом знаний... не доложил. Если брать ту же «Калевалу», там в каждой руне столько всего происходит! А у Жакова, как мне показалось, одна природа, не хватает сюжетных перипетий. Может, это в коми натуре заложено: «без суеты». В общем, мне как художнику было сложно. Я думал, за что же зацепиться? Ну, раз природа, значит, пусть так и будет: небеса, горы, реки. И герой на этом фоне. За одно лето я сделал 7 картин и потом решил отложить это дело.

Ровно через год, снова в мае, думаю: дай-ка я ещё 7 картин нарисую. И потом прихожу в Нацмузей: «Вот, у меня есть 14 картин по Жакову». И мы быстренько делаем в литературном отделе выставку. Всё хорошо, всем нравится, и я снова забыл об этом.

– Но зерно упало в подготовленную землю.

– Да, через какое-то время звонит мне Елена Козлова и объявляет, что «Биармию» решено переиздать. «Мы бы хотели, чтобы ты оформил книжку и обложку», – говорит председатель Союза писателей Коми. И далее, ещё не успела выйти книга, снова звонок. «Мы хотим спектакль. Давай заходи, поработаем», – зовёт режиссёр Светлана Горчакова.

– Спектакль получился очень красочный. Его, помню, возили в Москву и Чечню. Были очень хорошие отзывы, его даже номинировали на какие-то премии.

– Его даже во Францию возили, показывали в Ницце. Но меня не позвали. Я по факту узнал об этом.

Линия – это череда точек

Технику, в которой Павел Микушев работает сегодня, он сам называет «точкованием». Пришёл он к ней постепенно. А началось всё с картины «Выдры». На ней были мужская и женская особи, которых нужно

было как-то обозначить по половой принадлежности. В поисках идеи художник обратился... к народному костюму. В одном из журналов он увидел вышитую бисером девичью головную повязку и «переложил» её в красках на спину одной из выдр. А потом в интернете увидел искусство современных австралийских аборигенов, которые точками рисуют абстрактные картины. Так увеличилось количество точек и в его работах.

Свои картины Павел «точкует» обратной стороной простого карандаша. Причём работает без эскизов, сразу начисто. Приступая к работе, знает, какие персонажи лягут в основу картины, а всё остальное – цветовая гамма и техника – рождаются здесь и сейчас.

«Мне всегда нравился Кандинский и его идея о том, что линия – это череда последовательных точек на плоскости. Я сделал картину «Паша и Кандинский». Просто взял его характерные линии и переложил в свою цветовую гамму», – говорит Павел.

– Этнофутуризм – состоявшееся культурологическое явление. Я всё это уже от себя отпустил, – продолжает художник. – Всё, что могли, мы сделали, и теперь я свернул в другую сторону. Всё меняется. Все эти образы последних лет – лоси, птицы – начали повторяться, захотелось как-то отвлечься от этого. Первым шагом стали работы в стиле «Паша и Казимир». Только фигуры и образы Малевича я наполнил этническими мотивами и орнаментикой. Получились не просто круги и овалы, а такой этносупрематизм.

– Он находит отклик у зрителей?

– Я многое выкладываю в соцсетях. Не стану скрывать, прежние работы больше набирали откликов. Раньше я продавал по 10-12 работ в год в Сочи, Питер, Пермь... Сейчас продаж почти нет. Поэтому у меня – новая тема и другая техника. Вначале у меня были картины-раскраски: делал контур и раскрашивал внутри. Потом – точкование, а сейчас – картинки-брызги. И это не так про-

сто, как многим кажется. Надо ведь ещё понять, как брызгать, как ляжет краска и как она себя поведёт. В декабре в Сыктывкаре состоится выставка, думаю, половина моих работ будет в этой технике.

– **Сейчас будет провокация. Ты художник, потому что больше ничего не умеешь, потому что это легко и за это платят деньги или потому что это твоя миссия? Выбери свой вариант.**

– Ни один не подходит (*смеётся*)! К технике у меня никогда не было стремления. И художником я, в общем, не стремился стать. Пока учился в училище, ни одной картины даже не пытался сделать. Думал, буду оформлять интерьеры. Слова «дизайнер» тогда у нас ещё не было. А когда начал картины писать, понял, что это гораздо интереснее. Но не легко, это тяжёлый труд. Терпеть не могу, когда спрашивают: «А сколько вы над этой картиной труди-

лись?» Правда, есть универсальный ответ: «Один день и всю жизнь». И денег, конечно, хотелось бы. Есть люди, кому нравится то, что я делаю. Вижу это по откликам в соц-сетях и на выставках. Значит, всё не зря.

– **Что сказала твоя мама, когда ты объявил, что будешь художником?**

– Мама у меня была замечательная. В 15 лет я впервые сказал, что ухожу из школы, иду учиться на художника. После армии повторил. А ведь у меня уже ребёнок был, когда я, наконец, поступил в училище. Сын родился через месяц после экзаменов, я ночью работал, а днём учился. Мама сказала: «Твоя жизнь – тебе и принимать решение». К сожалению, она умерла в 1996 году, когда у меня всё только-только началось.

– **Но ты не жалеешь, что стал художником?**

– Конечно, нет.

Беседовала Лиля Вовк.

– Збыльмис менам көсйөмөй! – горөдіс Коля. – Вай исковтам!

– Исковтам! – гораа вочавидзис көч.

Коля да көч тэрыба шутёвтисны өшкәмөшка вывтi, быттё збыльнөй чой йывсянь!

Вөтас Коля көинпи нюмъяліс да серавліс, а нөшта шуис, мый быд рыт кутас юны маа шоньд йөв, өд сысыс өдйө ланьтан да пыр жө веськалан аслад ыджыд көсйөмө!

Пыр шкапö да лэдзчысь платтё улö

Коля көинпи пукаліс пызан сайын да ворсіс конструкторөн. Сы водзын быдмисны уна судтаа керкаяс, тэчисны туйяс, мыччисны машинаяс да подөн мунысьяс. Но виччысьтөг жырийын пемдіс. Көинпи вештіс өшинь вылысь занавессö да казяліс енэжысь сукмөм кымөръяс. Кутіс востымасьны – заводитчис гым. Коля пыр и дугөдіс ворсөмсö да өзтіс пызан вывсьыс лампа. И тайö здукас аддзис стенмысь ыджыд сьöд көинөс.

Колялөн пондіс зяткакывны пиньыс, быттё веськаліс холодильникö. Сьöд көин эз вөр, но мыйөн көинпи өдөбтіс крөвать улö, мөдыс вөтчис бөрсяньыс. Но эз төр сэтчө, вывтi ыджыдөн вөлі да. Коля чикыльтчис, пондіс вөрзыывтөг куйлыны – медтыкө кортөм гөсьтыс мунас. Но юрас вирдыштіс, мый көиныс сэтшөм вына да повтөм – сылы абу сьöкыд вештышны крөватьсö да аддзыны сэтысь Коляөс.

Жырийын лои пемыд нисьö югыд, а көинпилөн керка весьтын сэтшөма гымыштіс, мый Коляөс йирмөгаліс. Бррр! Виччысьтөг жыр өдзөсыс воссис. Көинпи казяліс, мый сылөн дзебсянянін дорö матыстчис гөна тапочки. А гашкө, и эз тапочки, а гундыр кокъяс.

«Ме воши», – думыштіс көинпи да читкыртчис.

Гундыр ветлөдлыштіс өтарө-мөдарө, исасьыштіс, вөрөдыштіс көв вылысь косьтөм турун, а сэсся матыстчис конструктора пызан дорö.

«Өні кутас несъявны! Аслас несъялөмөн сійö пусь-пасьвөчас менсьым многоэтажкаясöс, вошталас кирпичсö!» – Коля пузьысь чайник моз скөраліс гым-чард вылө, өд буретш сы понда жыръяс веськаліс сьöд көин.

– Коля, пиук, тэ көні? – шыасис мамыс, кодi корсис көинпиөс шебрас улысь. Сэсся кыйкнитліс шкапö, көні вешалкаяс вылын өшалісны пиыслөн дөрөмъяс да гачьяс.

– Тані тай абу жö, – ышловзис мамыс да майшасьөмөн содтіс: – Коля, дугды ворсны дзебсясьöмысь.

– Мам... – вашкөдіс көинпи. – Пыр шкапö да лэдзчысь платтё улö. Мед тэнö сьöд көиныс оз кватит!

Мамыс гөгөрвоис, мый Коля дзебсьөма крөвать улö, да уськөдчис сэтчань. Татшөма тіралысь көлачсö сійö некор на эз аддзывлы.

– Коля, мый тэ тані вөчан? Гымсьыс повзин?

Көинпи өні аддзис эз сөмын мамсö, но и гөна тапочкисö. Неуна чөв олыштөм бөрын сійö петіс крөвать улысь да пуксис мамыскөд орччөн. Коля көсйис висьтавны өшинь сайын буалысь гым, стеныввса сьöд көин йылысь, но тайö здукас вунөдіс став кывсö, кодөс көсйис шуны. Вунөдіс сы понда, мый аддзис стенмысь эз өти сьöд көинөс, а кыкөс. Сьöд көинъяс пукалісны паньд да сюся видзөдісны на вылө. Мамыс казяліс, кызди Коля повзьөм синмөн дзоргö вуджөръяс вылө, кызди доршасьö синваыс. Көинпи топөдчис мамыс дорö.

– Пиук, кодысь тэ дзебсин? – сывъяліс Коляөс мамыс.

– Наысь, кодъяс пукалөны миянлы паньд. Мам, вай дзебсям крөвать улö, – корис көинпи.

– Виччысьлы, Коля, видзёдлы стенмас – сьёд кёинъяс кутлысьёны. Найё оз вөрзьёдны миянёс.

– Но сьёд кёиныс локтіс, кор жырыйн лои пемьд. Мам, но сійё жё вётчис ме бёрся, мед повзьёдны менё, а сэсса жугёдны менсьым карёс.

– Коля, кылан, гымыс лёньё, ывлаын заводитё югдыны. Лок кусёдам лампасё, – мамыс босьтіс кёинпиёс лапаёдыс да нуёдіс пызан дорё. –>Addзан, сьёд кёинъяс мунёны миян бёрся?

– Мам, ёні найё дзик нин жугёдасны менсьым вёчёмторъясёс. Ме ёд сэтшёма уджалі, асывсяньыс найёс тэчи, – майшасис Коля.

– Найё оз жугёдны. А ме петёдла тэныд мойд, – нюмдыштіс мамыс. – Вешты лампасё конструктор дорсьыд.

Коля босьтіс лампа да вешйис ськёд кар дорсьыс.

– А-а-а-а! И татчё гундыръяс овмёдчёмась! – горёдіс кёинпи туйяс вылысь вуджёръяс аддзём бёрын.

– Виччысьлы, – мамыс босьтіс Колялысь лампасё, мед мёдыс оз уськёд. – Коля, тайё абу гундыръяс. Тайё вуджёръяс. Лампочка сетё югьд. А югьд – тайё гыяс.

– Кьдзи ю вылын? – чошкёдіс пельсё Коля.

– Абу-абу, – пондіс серавны мамыс. – Югыдыслён гыясыс лэбёны уналаё да дзирдёдоны предметьясё, – аслыснога висьталіс мамыс.

– Нинём эг гёгөрво... – шогё усис Коля.

Мамыс кыкис халат зепсьыс пырыс тыдалана стеклё тор.

– Видзёдлы, пиук, матыстны кё стеклё торсё лампа дорё, вуджёрыс оз ло, сы вёсна мый югыдыслён гыясыс петёны стеклё пырыс. А конструктор пыр югыдыс оз вермы прёйдитны.

– Сідзкё, сідзкё... – гыжйыштіс балябёжсё Коля. – Сідзкё, вуджёрыс – сэтшём ин, кытчё оз веськав югыдыс?

– Сідз и эм. И тэ бёрся вётлысис тэнад вуджёрыд. А эз сьёд кёин, – малыштіс писё юрёдыс мамыс.

– Мам, сідзкё, эз гымыс да чардбиыс вайёдны менсьым вуджёрёс. А жырыйн вежсис биыс, и ме сійёс аддзи?

– Кутшём жё тэ менам вежёра! Коля, эм нёшта ёти мойд! – мудера шуис мамыс.

– И кутшём? – пондіс чеччавны Коля, а ськёд ётвылысь и вуджёрыс.

– Миян вуджёръяс миянёс кывзёны! – шёпкёдіс кёинпилы пеляс мамыс.

– А кьдзи тайё? – эз вермы эскыны Коля.

– Вуджёръяс кывзёны миянёс да сы вьёйдз радейтёны, мый миян моз жё ставсё кёсйёны вёчны. Коля, вай ётлаын лэптам лапаяснымёс вывлань, – вёзйис мамыс.

Коля первойён и лэптіс лапасё. Мамыс сы бёрся.

– Мам, а збыль сідзи и вёлёма! Вай вёчам приседанньёс, – пондіс нюмъявны Коля.

Сідзи вёчисны. И вуджёръясыс збыльысь кывзисны найёс. Коля кёинпи весиг йёктыштіс, и вуджёрыс тшётш тадзи вёчис.

Гымалём бёрын мыччысис шонді, а вуджёръяс первойсё чусьдмисны, а сэсса и дзикёдз сылісны. Коля кусёдіс лампасё да бара кутіс лэптыны уна судтаа керкаяс. Вуджёръяскёд ворсём могьсь сійё кьпёдіс ьджьд керка, ёд ёні эз пов сьёд кёиньясысь, а ставыс сы вёсна, мый найё пондісны ёртасыны.

Бордъя кӱин

Асывнас Коля кӱинпи аддзис Матвей пӱльӱн крӱвать улысь мугов рӱма важ пӱлӱс сундук. Вевт вывсьыс красказы сы выйӱдз вушйӱма, быттьӱ ыджыд-ыджыд кӱин дыр гыжъялӱма сийӱс. Колялы йӱмкӱ лоис. А нӱшта казялис, мый вылысас куйӱ кыз бус.

«Абу тай мойвиӱма тайӱ сундукуксы, – думыштіс кӱинпи. – Пӱльӱ нинӱм эз висьтавлы сы йылысь. Но сийӱ тӱдӱ мейсь унджык».

Виччысьтӱг кӱинпи кыліс кышӱдчан шы, быттьӱ керкаын олӱ ыджыд пу, и сы вылысь гылалӱны кос коръяс.

– В-ш-ш-ш-ш.

Коля повзис да тэрыба пырис сундукӱ. Бур, сийӱ кушӱн вӱлӱма. Вевтыс сиптыссис. Коля поліс лолавны, ӱд жыръяс локтысьыс вермас кокниа сийӱс аддзыны.

Тадзи кӱинпи пукаліс минут вит, сӱсся неуна восьтыштіс сундук вевтӱ, видзӱдліс шуйга-выв и веськыдыв, но жырысь некодӱс эз аддзы.

– Каститчис кӱ-а, колӱ сӱсся татысь петны, – гораа шуис Коля да кутіс петны сундукуксы. Но виччысьтӱг кыліс, мый кодкӱ кыскӱ сийӱс бӱрлань клеткаа гач кокӱдыс.

– Лӱдз! – шусис Колялӱн, и сийӱ здукас сундук вевтыс бара сиптыссис. Клоп!

«Да тані жӱ нинӱм абу», – вирдыштіс кӱинпилӱн юрас.

А сийӱ, коді кыкис бӱрлань, нинӱм эз висьтав. И Коля шуис бергӱдчывны да видзӱдлыны, коді жӱ кутӱ сийӱс бӱрсяныс да оз лӱдз. Кӱинпи кунис синсӱ да бергӱдчис. А мыйӱн бӱр восьтіс синсӱ, лои вывті югид!

– Коля, мый тэ тані вӱчан? – юалис Матвей пӱльыс сундуклысь вевтсӱ кутыштігмоз.

– Ме тані пукала, – шӱпкӱмӱн шуис кӱинпи.

– А ме вӱчи тэныд сачок, лок петкӱдла, – вӱзйис пӱльыс, внукуксылысь повзьюмсӱ казяліс да.

– Ветлам бобувъясӱс кутавны! – петіс сундукуксы Коля да мӱдіс чеччавны. Сылӱн чеччалігкості Матвей пӱль сиптіс сундуксӱ: кӱинпи кывліс, кыдзи клопкысис вевт, и бара уськӱдіс дум вылас, кыдзи кодкӱ кыкис сийӱс бӱрлань, а жырыын кыліс кор гылалан шы.

– Пӱльӱ, висьтав, а мыйла тэ дзебан крӱвать улад сундук? – кӱинпи пуктіс лапаяссӱ коскас да читкыртіс синсӱ, кӱсйис тӱдмавын пӱльыслысь гусяторсӱ да.

Матвей пӱль чӱв олыштіс. А сӱсся видзӱдліс внукуксы вӱлӱ да шуис:

– Тайӱ сундукуксы тэнад пӱрысь пӱльӱн – менам батылӱн. Ачыс вӱчліс сийӱс. А ме видза, прӱстӱ видза.

– Пӱльӱ, висьтав, а сундукин кодкӱ олӱ? – юасис кӱинпи.

Матвей пӱль да Коля пукисны крӱвать вӱлӱ. Кӱинпи эз лӱдзлы пӱль вывсьыс синсӱ, сийӱ кӱсйис ставсӱ стӱча тӱдмавын да гӱгӱрвоны, кытысь лои жыръяс шаркӱдчӱмыс, а нӱшта – коді кыкис сийӱс гортас.

– Коля, тэ мӱй кодӱскӱ аддзывлін? – пӱльыс гыжъялыштіс дзор тошсӱ.

– Ме некодӱс эг аддзывлы. Но кор ме вӱлі сундук пытшкас, кылі, мый кодкӱ кыскӱ менӱ бӱр. А нӱшта керкаын мыйкӱ тешкодья шаркӱдчис. Пӱльӱ, а мыйла сундукыд сэтшӱма чайысьшӱма? Татчӱ воліс ыджыд-ыджыд кӱин да тшыкӱдіс сийӱс?

– Коля, Коля! – пондіс серавны Матвей пӱль. – Но и лӱсьӱдлан. Ыджыд-ыджыд кӱиныс оз овлы! А сундукуксы вывті важ, сылы матӱ сӱ арӱс. Со мый понда сийӱ татшӱм.

– Пӱльӱ, ме тӱнӱ мыйкӱ ог гӱгӱрво. Тэ шуан, мый сундукуксы тэныд дона, но мыйла он красит сийӱс?

Матвей пӱльӱн дрӱгмуніс сӱлӱмыс. А сӱсся уськӱдіс тӱд вылас, кыдзи ӱтчид батыс

шуис, вунөдан кө пө көлуй йывсьыд и он кут дөзьөритны сійөс, Мими пондас пакөститчыны и весиг оз кут лэдзны войнас узыны.

– Коля, кутшөм тэ ыджыд нин! Ме уськөді төд ылө, уськөді төд ылө...

– Мый лоис, пөльө? – торкис сійөс көинпи да бара сюся видзөдліс пөль ылас, мед нинөм казьявтөг оз коль.

– Да тайө Мими лёка оло! Сылы оз кажитчы, мый сундукуыс сэтшөма мисьтөммөма. Сійө радейтө мичлун да пельклун. А ме вунөді! Кыдзи ме верми вунөдны?!

– Пөльө, висьтав, а коді сэтшөмыс Мими? Мыйла тэ өні казьяштін сійөс? – Коля пуктіс лапасө пөльыслөн лапа ылө.

– Мими – тайө олыся, – шөпкөдіс Матвей пөль. – Сійө оло керкаын, но сьолөм ылас кө мыйкө оз во, дөзмө: гольөдчө тасьтө-паньон, вермө весиг көлуй шыбавны.

– Пөльө, тайө ставыс сундук понда? Да? – нөшта на лөньджыка юаліс Коля.

И тайө здукас жырйын быттьө бара пондісны гылавны корьяс, а нөшта грымгысис важ сундуклөн вевтыс. Кодкө сійөс восьтыліс и пыр жө пөдлаліс.

– Пөльө, ме пола! – кутіс сырмыны көинпи. – Ме тайө Мимисө кыя сачокөн да йөрта банкаө, – пондіс эргыны Коля.

– Чөв, тады олысякөд оз позь. Сыкөд позьө сёрнитчыны.

– А тайө кыдзи? – чуймис көинпи.

– Колө ыльмөдны сундуксө: чышкыны бус да мавтны мугов рөмө. Сэки Мими бара лос шаньон.

– Вай өдйөджык мунам, петкөдам сундуксө йөрө да вөчам сылы лейкаысь душ.

Матвей пөльөс нимкодь босьтис, внукуыс сэтшөм окотапырысь сылы отсавны босьтчис да. Найө петкөдісны сундуксө ывлаө. Колялөн лейкаын ваыс буретш шоналөма.

Көинпи пондіс киськавны сундуксө. Сундук ылын мыччысисны векньыд шорьяс, кодьяс бусыскөд өтсөр тюрисны мулань.

– Кутшөм тэ молодеч, Коля! – ошкис внуксө пөльыс.

– Пөльө, висьтав, а кор ми краситам сундуксө?

– Час косьмыштас гож водзас, и краситам. А өні дасьтам краска да кисточкаяс.

Коля да Матвей пөль мошкоритчисны, гольөдчисны чуланын важ көлуй пиын. Сэсся аддзисны жө мугов рөма краска банка да кисточкаяс.

– Ёні Мимилы ставыс кажитчас! – шуис Коля.

– Уссө ассьыс нюлас! – содтіс Матвей пөль.

Найө краситісны сундуксө пажын кадөдз. Кутшөм жө сійө мича лоис!

– Но мый, пиук, мудзин?

– Эг, дерт. Ме косья сачокөн бобувьясөс куталыштны!

– Вай меститам краска да кисточкаяс, а сэсся ме сета тэныд сачок.

– Сёрнитчим, пөльө! – өтикывьясис көинпи.

– Коля, эн дышөдчы да вай кухняысь бумага чышкөд.

Көинпи ньов моз пыравліс керкаө да мыччис пөльыслы чышкөд.

– Пөльө, босьт, – шуис Коля. – Мыйон нөшта отсавны?

– Ёні видзөд, кыдзи мынтыны кисточкаясысь краскасө.

Коля сюся видзөдіс пөльыс бөрся, мед нинөм оз пышйы сьлөн видзөдласысь. Матвей пөль бумага чышкөдөн косөдіс краскаөсь кисточкаяссө да сувтөдіс найөс скипидара банкаө, и вель дыр кезлө. Сэсся кутіс мыськыны: нуөдіс кисточкаясөн стеклө дозлөн стенті, медтыкө краскаыс шливгас увлань. Весалөм бөрын бара косөдіс найөс бумага чышкөдөн. А бөрьявылыс мыськис майтөгөн да ваон и сетіс Колялы, мед пыркнитас найөс да ыстас косьтысьны. Ачыс сэккості босьтис куш банкасө, көні вөлі краскаыс, да лыйыштис сійөс лөпөг чукөртан ведраө.

– Ёні ставыс дась! – долыдпырысь висьталіс Матвей пөль.

– Пöльö, висътав, а кытысь босътны сачок?

– Да, да, дзикöдз нин сы йылысь вунöдi, – Матвей пöль пырис керкаö. – На тэныд сачок! Кыяв öнi бобувъясö! А ме видзöдышта сундук бöрся.

Матвей пöль пуксис лабич вылö, чышкис пöсьсö кымöсьсыс, дыр видзöдiс батыслөн сундук вылö да уськöдiс тöд вылас, кызди öти гожся лунö батыс мастеритiс тайö сундуксö да нимкодясис, артмö вöли да. Öнi Матвей пöль радлiс жö, мый сундукуыс дзик выль, быттö сийöс вöчисны сöмын тöрыт.

Коля котралiс садтi да кыялiс сачокөн бобувъясöс, гутъясöс, номъясöс, а нöшта сийö виччысьтöг кыйис бордъя кöинöс. Бордйис шаркöдчис, быттö кос кор.

– Аттö тэныд, Коля! Öнi и тэ видз сундуксö! – шуис сачок пытшкöд лэбалысь кöин.

Коля быттö вомас ва босътiс да нинöм эз вермы вочавидзны, а сэсся вомсьыс петiс жö:

– Ме петкöдла тэнö пöльы!

Виччысьтöг сачоксьыс кöиныс вошис, быттö эз и вöвлы. Но Коля век жö котöртiс пöльыс дорö да гораа шуис:

– Пöльö, пöльö, ме аддзыли Мимиöс! Ме аддзыли сийöс! Сийö кужö лэбавны!

– А кöнi сийö? – юалiс Матвей пöль.

– Ме кыйи сийöс сачокö, а сэсся Мими вошис. Но сийö меным тшöктiс жö видзны сундуксö.

– Со сийöс и шаньмöдiм. Важ сундуксö Мими тэныд дöверитiс. Сидзкö, оз сэсся некодöс кут повзьöдлыны, – малыштiс тошсö Матвей пöль да бара видзöдлiс батыслөн важ пöлöс сундук вылö, кодi сылы вöли зэв дона.

Вай вöрöдыштам шондiа кöчöс

Коля кöинпи некор эз видзöдчы рöмпöштанö. Гашкö, и водзö на эз казаяв, но аддзис, кызди шондiа кöч нимкодясö аснас рöмпöштанын. Коляöс тайö шензьöдiс. Сийö сувтiс бөр кок йылас да кыйкнитiс рöмпöштанö, но шондiа кöч виччысьтöг сылiс.

– Ой, а тайö ме? Дзик руд! Ой-ой-ой... Кутшöм жö ме мисьтöм! Со и кöч повзис меысь да пышйис, – ышловзис кöинпи да котöртiс аслас жырйö.

Первойсö кöсийс игнавны асьсö томан сайö и некодлы сэсся не петкöдчывны. Но виччысьтöг казялiс пызан вылысь фломастеръяс. Коля кватитiс найöс да бара котöртiс рöмпöштанлань, восьтiс гöрд фломастерсö да серпасалiс рöмпöштанö гундыръясöс. Сэсся лыйыштiс джоджö фломастерсö и тупйöдсö. И пектöдлiс рöмпöштанлы чужöм-рожа.

– Бе-бе! На тэныд! – кöинпи нюжöдiс кывсö да пондiс серавны.

Та вылын Коля эз на сувт. Сийö краситiс рöмпöштансö турунвиж, лöзовгöрд да лöз рöмъясөн. Ок и мырсьыштiс! А лапаас нöшта коли кольквиж фломастер. Коля думыштiс, мый мавтас асьсö кольквиж рöмөн да кутас мунны шондiа кöчлань – öд сийö югыд-югыд, и сыысь некод оз повзый.

Коля бара сувтiс бөр кок йылас да видзöдлiс баситöм рöмпöштанö. А сы вылö видзöдiсны чукля визъяс, гундыръяс, да и асьсö на костъясöдыс аддзыштiс. Кöинпи восьтiс кольквиж фломастер да краситiс ныр-пельсö. Но татшöмөн сийö аслыс эз кажитчы!

Коля дöзмис таысь да пондiс чеччавны разйöм фломастеръяс вывтi, да сидз, мый найö потласисны.

Татшöм шум-гамтö весиг мамыс кылöма град йöрсянь, кöнi киськалöма дзоридзьяс. Сийö аддзис Коляöс да юрас кутчысис:

– Мый нö тэ, пиук, вöчöмьд?

Коля чужийис кок улас сюрём фломастер, сиптіс ныр-вомсё да лөня шөпкөдіс:

– Ме сэтшөм мисьтөм...

Мам сывъяліс көинпиөс да вашкөдіс пеляс:

– Тэ ньөти абу мисьтөм. Коді тэныд сэтшөмсё висьталіс?

– Мам, ме аддзи рөмпөштанысь шондіа көчөс, сійө сэтшөма югъяліс, весиг синмөс ёрис.

Ме тшөтш видзөдчи рөмпөштанө да аддзи ачымөс. Мам, ме сэтшөм руд... И сэки көчыс повзис меысь да пышйис. Тадзи ставныс кутасны повны меысь...

– Коля, Коля... – мамыс крепыда сывъяліс писё. – Көчыс некытчө тэысь эз дзевсы. Прөстө локтісны кымөръяс, и көчыс өні на сайё сюрис, – лөньөдіс көинпиөс мамыс да шылькнитіс юрөдыс.

– Кутшөм интереснө! Көч воывлө видзөдчыны миян рөмпөштанө! Мам, а көчыс татчө сэсся оз нин лок? – жугыла юаліс көинпи.

– Мыйла оз лок? – чуймис мам. – Шонді бөр мыччыяс кымөръяс сайысь, и көч локтас видзөдчыны рөмпөштанө.

– Мам, рөмпөштаныс няйт. Сэні куш визьяс да мисьтөм чужөм-рожаяс олоны...

– А ми сійөс мыскам! – вөйис мам.

– Ура-а-а-а! – нимкодъмис Коля.

Көинпи мамыскөд босьтісны ветьок да ва тыра неыджыд таз. Найө мыськисны рөмпөштансё. Коля сэтшөма сійөс краситөма, мый ковмис некымынысь вежны васё. Зато рөмпөштаныс лоис зэв сөстөмөн!

– Аддзан, Коля! Ми тэкөд бөр вөчим рөмпөштансё мичаён! Колис идравны чегъясьөм фломастеръяс и тэнө мыськыны!

Колялы кажитчис сөстөм рөмпөштан. Сійө здукөн чукөртіс фломастеръяссө.

– Ме сэсся тадзи ог кут вөчны, – көинпи нюзөдіс мамыслы фломастеръяс.

– Бур, а өні кутам купайтчыны!

Коля шполькөдчис ваннаын. Мамыс мыськис шампуньон сылысь кольквиж пельсё. А ныр вывсьыс вижыс мыніс ачыс, өд көинпи лөсьыдакодъ суналыштіс. Мамыс гартыштіс сійөс еджыд махровөй кузьчышъянө.

Көинпи тадзи гартыштчөмөн и котөртіс рөмпөштан дорө, сувтіс бөр кок йылас да нумдыштіс рөмпөштанлы. И тайө здукас сэні мыччысис көч.

– Мам, өдйөджык воы, көч локтіс!

Мамыс матыстчис рөмпөштан дорө, сэтчө видзөдчис шондіа көч и ньөти эз пов махровөй кузьчышъяна руд көинпиысь.

– Гашкө, вөрөдыштам сійөс? – вөйис Колялы мамыс.

Көинпи довкнитіс юрнас. Найө нюзөдісны лапаяссө көчлань, и мөдыс гораа серөктіс, быттьө сійөс зэв ёна гильөдісны. Коля көинпи тшөтш серөктіс. И рөмпөштан тшөтш пондіс нумъявны: сылы кажитчис, кор керкаын ставныс нумъялісны, а эз вешкырасыны.

«Кӧть и асьным ми Войвывса йӧз...»

МИХАИЛ ЕЛЬКИН

* * *

Шоныдыс кольӧма войт,
Аръявыв ывлаыс каттьӧ...
Дойд меньым сьӧлӧмӧс, дойд –
Сыыс ме шуа тэд аттьӧ.

Жалитны менӧ оз ков,
Важӧн нин олӧмӧй курыд.
Мусай, дойд – и эн пов –
Мед кольӧ сьӧлӧмӧ вурис.

Тэ дорын збойӧн эг вӧв,
Колана кывъяснас сёрми!
Сійӧн и ветлӧдла чӧв,
Кадыс водз сійӧн и дзорми...

Дойд! Дойсьыс дзикӧдз ог чег –
Сійӧ и лоӧ мем бурыс,
Дойнас кӧ казтылас век
Тэ йылыс сьӧлӧмын вурис

Бурдлытӧг, лун и вой,
Кытчӧдз ог мын олӧм сывсьыс –
Кылі мед сьӧлӧмысь дой
Гӧрддзасьтӧм радейтчӧм йывсьыс...

* * *

Вот и осталась лишь капля тепла.
Видимо, осень – по календарю.
Рань снова сердце, словно игла.
Даже за это благодарю.

И не жалею меня ты. Не жалею!
Не получается быть нам вдвоём.
Жизнь не выходит. Ты рань посильней,
Шрам чтоб остался на сердце моём.

И раньше срока седые виски.
Слов я заветных тебе не сказал.
И до твоей не дотронусь руки.
Пусто в душе моей. Я опоздал.

Рань снова сердце, во благо ему
Будет тобою оставленный шрам.
Я расставание наше приму.
Не суждено быть любимыми нам.

Не состоялась любовь – говорю.
Жизнь, как и ты, неужели прошла?
Видимо, осень – по календарю.
Вот и осталась лишь капля тепла.

ВЯЧЕСЛАВ БАБИН

Войся зэр

Чардби енэжсӧ оз поткӧд,
Рутор кыптӧ турунсьыс,
Бытьӧ зэрсӧ печкӧ кодкӧ
Медся небыд вурунсьыс.

Вӧртӧ, йӧртӧ, улич шӧртӧ,
Керка-карта доръясӧд
Гартчӧ шӧртыс, пушыд шӧртыс
Дэбыд ваа шоръясӧн.

Мыйкӧ кыӧ небыд шыӧн
Тӧвруыс му пасьтала.
Муыс, кодыр кыптас кыа,
Мича дӧрӧм пасьталас.

Ночной дождь

Мелькнул зарницы красный сполох.
Сильней стал ветер, дождь стеной.
Тревожен трав высоких шорох
Перед стихией затяжной.

Скрутив ручьи в ночную пряжу,
Берёт и крутит в оборот
Туманы мягкие под кряжем,
Ближайший лес и огород

Веретено дождя. Займётся
Заря на небе грозовом.
Нить тонкая да не порвётся –
Рождённая веретеном.

Сьёкыд ар

Арыс, буракö, татчö и ылаліс.
Вöлі том да эз мун. Öні дзор.
Сылöн ыркалöм лов шысьыс гылаліс
Весиг шпалеръяс вылысь став кор.
Гажтöм пöра! И дивö мöй нормыны,
Кöть и асьным ми Войвывса йöз.
Вай тэ комиöн варгыштны кор менö,
Сэки вунöдам ар мозыс дзормыны,
Сэки шогыс оз босьт миянöс.

Еджыд да сьöд

Мыйла еджыдöсь юсь да каля?
Мыйла рака да чавкан сьöдöсь?
Мыйла каля да юсьыс жалёсь,
Рака-чавканыс – ёрöм рöдысь?
Кык рöм костас век вензьöм мунö,
И оз лöсявны найö, чайта.
Юсьыд, ныйтчас кө, ваö сунö,
Рака, едждас кө, пырö ныйтö.

Тяжёлая осень

А осень не прощалась молодой,
До седины легка в беседе.
И чувствую я холод за спиной,
Кружит листва на сухоцвете
Обоев. Север, грустная пора,
Забудем, что седеет осень.
Поговорим по-коми до утра,
Смотря в густого неба просинь.

Белое и чёрное

Летят птицы, как облака в небе,
Чужды друг другу в родных просторах.
Одна из них – белый, как снег, лебедь,
Другая – чёрный, как уголь, ворон.

Чёрное с белым всё время в спорах –
Нет примирения им в природе.
И в грязь ныряет, став белым, ворон,
В воду, испачкавшись, лебедь входит.

АЛЁНА ШОМЫСОВА

ВÖТ

Менам вöтöй некодлы оз инмы,
Некоді оз вежöрт сійöс, дерт,
Кыдзи тай оз казяв йöзлön синмыс
Ва веркöсöд кывтысь вуджөр сер.

А ме вöтас, гашкö, збыльысь ола?
Мöдджык сэнi пукта аслым мог?
Мунігкості тринь-троньмунас лолöй –
Кокнилунас суна лэбач ног.

Сэтшöм сьöкыд вемöсас бөр воны,
Кывны öшинь сайысь ывла дзар.
Кытчö кöть ог мун – ме бöрся вöтчö
Вöтлön руыс – гөн кодь кокни шар.

Видзöдласөн сійöс эськö кыя,
Кöповта ас пытшкö сылысь рöм.
Сöмын тай ог слöймы – вöтöй сылö,
Саялö, топ ваын чери сьöм.

СОН

Я вижу на реке игру теней.
В себя вбираю чутко цвет реки.
Я вижу сон. И он течёт верней,
Чем я по руслу жизни. За буйки,

Как за черту, уйду я ото сна.
Сон ли случаен или жизнь моя.
Где ловит тени светлая блесна.
Где тает сон, как рыба чешуя.

Не успеваю дымку разглядеть.
Отпрянув от окна, ко сну вернусь.
И легче мне, когда, минувя сеть,
Речною рыбкой я на дно ложусь.

А днём, среди прохожих, в суете
Я примечаю только взгляд людской.
Я вижу жизнь в её неполноте.
И возвращает сон душе покой.

Роч кыв вылö вуджöдіс Наталия Катрук.

АРТ

www.artlad.ru

2024

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал
Республики Коми

Издаётся с 1997 года
на двух языках: коми и русском
Здесь вы найдёте всё о науке, культуре,
литературе, истории и общественной
жизни Республики Коми

Присоединяйтесь к увлекательному чтению!

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА

**Оплатить стоимость
электронной подписки
можно одним из следующих способов:**

1. в кассе редакции журнала «Арт»:
г. Сыктывкар, ул.К. Маркса, д. 229, каб. 136, Дом печати
2. посредством онлайн переводов: необходимые данные (наши банковские реквизиты) ниже.

При оформлении электронной подписки необходимо указать следующую информацию: количество комплектов, электронный адрес, на который оформляется подписка, Ф.И.О. подписчика и контактный номер телефона (для связи)

Выслать на следующий электронный адрес: artkomi@mail.ru сообщение примерно следующего содержания: ЭП «Арт»-2023, primer@mail.ru и приложить копию квитанции об оплате.

Реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042 отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 301018104000000000640

**Стоимость годовой подписки
на журнал «Арт» - 400 рублей.**

По вопросам и предложениям
звоните по следующему номеру:
8 (8212) 20-14-99

APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT APT